

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 3 (6) 2008

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

Редакторы *Е.А. Пыжова, Е.В. Карнаухова,
М.А. Лихачева, Е.Ю. Коробицина*
Технический редактор *С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
Тел. (3452) 59-85-16.
Тел./факс (3452) 30-68-69.
Эл. почта journal@naukatui.ru
Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 17.12.2008. Формат 60x84/8.
Усл. п. л. 15,57. Уч.-изд. л. 13,67. Тираж 1000 экз. Заказ № 400.
Цена свободная.

© Тюменский юридический институт МВД России, 2008

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

<i>Карнаухова Е.В.</i> Понятие инкорпорации локальных нормативных правовых актов	4
<i>Гусак В.А.</i> Деятельность агентурно-осведомительного аппарата органов милиции среди несовершеннолетних в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).....	15

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

<i>Черногор Н.Н.</i> Мониторинг Конституции РФ и его инструментальная роль.....	20
--	----

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

<i>Комиссарова Е.Г., Лисица В.Н.</i> Гражданско-правовой аспект приоритетных национальных проектов (на примере проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»).....	26
<i>Краснова Т.В.</i> Проблема определения долей при разделе общего имущества супругов.....	33

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

<i>Антонян Ю.М.</i> Проблема типологии преступников-рецидивистов.....	39
<i>Шарапов Р.Д.</i> Проблема эффективности уголовной ответственности за преступное завладение природными ресурсами	48

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

<i>Софронов В.Н.</i> К вопросу о сущности оперативно-розыскной характеристики преступлений.....	57
<i>Волынский А.Ф.</i> Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики.....	64

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

<i>Бызова М.В.</i> Понятие и соотношение актов прокурорского надзора и актов прокурорского реагирования	70
--	----

**Раздел 7. Проблемы юридической науки
и практики: взгляд молодых исследователей**

<i>Лазарева В.А.</i> Проблемы соотношения аутентичного толкования и правотворчества.....	74
<i>Курындина А.Н.</i> Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.....	82

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

<i>Кванина В.В.</i> К вопросу о месте образовательного права и законодательства в российской правовой системе.....	89
--	----

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

<i>Сенцов А.С.</i> Рецензия на учебное пособие <i>А.В. Шеслера «Соучастие в преступлении»</i>	93
<i>К сведению авторов</i>	97

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

ПОНЯТИЕ ИНКОРПОРАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Е.В. Карнаухова

(научный сотрудник Тюменского юридического института МВД России)

Систематизация нормативных правовых актов (далее – НПА) – явление сложное и многогранное. Для осуществления систематизации используются различные приемы и способы, что привело к выделению ее видов. Вопрос о видах систематизации НПА в теории права не решен однозначно, но представителями всех подходов в качестве одного из видов называется инкорпорация.

Слово «инкорпорация» латинского происхождения, обозначает включение в состав, присоединение. В Словаре иностранных слов инкорпорация применительно к юриспруденции характеризуется как систематизация законов государства, расположение их в определенном порядке (хронологическом, алфавитном, по отраслям права) без изменения содержания законов [1, с. 194].

В юридической литературе выявлен аналогичный подход к осмыслению данного вида систематизации, имеющий длительную историю. Так, еще Е.Н. Трубецкой считал, что «инкорпорация представляет такую обработку законодательства, которая не вносит в нее никаких новых начал. Это – внешняя систематическая обработка действующих узаконений, которая облегчает пользование ими, располагает их в систематическом порядке, но оставляет без изменения их внутреннее содержание» [2, с. 360].

Анализ определений инкорпорации, данных в последние десятилетия, показал, что рассматриваемое явление характеризуется преимущественно как вид (форма, способ) систематизации НПА, представляющий собой объединение НПА и извлечений из них в действующей редакции в

различного рода сборники по определенным критериям [3, с. 123; 4, с. 5; 5, с. 123; 6, с. 166; 7, с. 85; 8, с. 447; 9, с. 531; 10, с. 225].

Одним из объектов систематизации являются локальные НПА – письменные документы определенной формы – подзаконные акты компетентных субъектов правотворчества организации (учреждения, предприятия), предназначенные для регулирования внутриорганизационных отношений, отличающиеся оперативностью принятия, внесения изменений. Как и другие виды НПА, они могут быть объединены в сборники. Существенного расхождения во взглядах авторов, исследовавших инкорпорацию локальных НПА, нет [11, с. 68 и др.; 12, с. 53 и др.; 13, с. 251], поэтому приведем характеристику понятия, данную С.И. Архиповым, который наиболее полно исследовал систематизацию локальных НПА. По его мнению, инкорпорация является одной из основных форм упорядочения локального нормативного материала путем «...его обработки и объединения на основе определенных критериев и установленной схемы в сборник (сборники) актов предприятия (организации)» [11, с. 111]. При этом подчеркивается, что объединение нормативного материала происходит без внесения в него правотворческих изменений, дополнений [11, с. 67-68].

В целом с такой характеристикой инкорпорации следует согласиться. Понятие «форма систематизации» часто используется как синоним понятия «вид систематизации». Однако исходя из того, что форма есть способ существования содержания (в данном случае инкорпорированного материала), служащий его выражением [14, с. 55],

более подходящим представляется название инкорпорации видом систематизации, результаты которой имеют форму сборника, собрания или свода НПА. Результаты инкорпорации локальных НПА, как правило, выражаются в форме сборников. Следует отметить что, инкорпорации на локальном уровне, как части более общего правового явления, присущи его основные черты. Однако имеются и некоторые особенности, обусловленные объектом и субъектами систематизации. Ниже предлагается характеристика инкорпорации локальных НПА именно как части инкорпорации НПА вообще, с выделением отличительных черт.

Будучи сложным правовым явлением, инкорпорация подразделяется на подвиды, причем по разным основаниям. Одна из наиболее полных классификаций предложена в монографии под редакцией А.С. Пиголкина [15, с. 38-41].

1. В зависимости от юридической силы издаваемых сборников и собраний НПА различают инкорпорацию:

– официальную, осуществляемую от имени и по поручению либо с санкции правотворческого органа. Кроме того, этот орган официально утверждает или иначе одобряет собрание или свод, на которые можно ссылаться как на источники официального опубликования НПА. В качестве примера можно привести Собрание действующего законодательства города Москвы, которое «...представляет собой официальное издание Правительства Москвы и Московской городской Думы» [16, с. 24];

– официозную (полуофициальную), также осуществляемую по поручению правотворческого органа специально уполномоченными органами. Однако впоследствии сборники или собрания не получают официального утверждения или одобрения правотворческого органа и, соответственно, официального характера (например, Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР);

– неофициальную, осуществляемую ведомствами, организациями, издательствами и т.д. по собственной инициативе. Соответственно неофициальные сборники

НПА не являются официальными источниками права (например, Экологическое право России: Сборник нормативных правовых актов и документов).

Нами было проведено анкетирование, в котором приняли участие 44 организации, учреждения, предприятия городов: Белгород, Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Москва, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Саратов, Тюмень, Челябинск, а также городов и сел Тюменской области. Его результаты позволили выявить следующее: инкорпорация локальных НПА недостаточно распространена (положительный ответ дали 38,63 % респондентов; при этом 25 % из них отметили, что инкорпорация является официальной, 13,63 % – неофициальной). Кроме того, выявлено смешение локальных, местных и региональных НПА, т.к. в качестве примеров сборников локальных НПА были приведены Сборник постановлений и решений главы города и Сборник законов области соответственно. Несмотря на положительные ответы респондентов из гарнизонного военного суда и районной прокуратуры на вопросы об инкорпорации локальных НПА, представляется необходимым усомниться в том, что данный вид систематизации в названных учреждениях осуществляется. В первом случае сборниками локальных НПА названы наряды, книги, журналы, во втором – наряды. Приведенные ответы в число положительных не включены.

2. По способу расположения материала различают хронологическую и систематическую инкорпорацию. При хронологической инкорпорации НПА располагаются в соответствии с датами их принятия (например, Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР). При систематической инкорпорации НПА размещаются по тематическим разделам в зависимости от их содержания, а внутри разделов – по предметному критерию (по отраслям и институтам права, сферам деятельности). Примером может служить Свод законов СССР.

Возможно также сочетание хронологического и предметного критериев, когда

разделы собрания подразделяются тематически, по предметному принципу, а внутри каждого раздела акты располагаются в хронологическом порядке.

При заполнении анкет должностными лицами организаций, учреждений, предприятий были выбраны хронологический (11,36 % ответов) и тематический критерии расположения материала (31,81 % ответов); вид локального НПА назван в 1 анкете, что составляет 2,27 % ответов. Не отказываясь от мысли о значимости любых действий, предпринимаемых для систематизации локальных НПА, прокомментируем данные ответы следующим образом. Традиционная точка зрения, согласно которой хронологическая инкорпорация является основой систематической, предшествует ей. Однако было высказано справедливое мнение о том, что «...при определенных условиях, в частности, когда объем законодательного материала, подлежащего систематизации, не столь уже велик, можно себе представить составление систематического собрания законодательства и без предварительного создания хронологического собрания законодательства» [17, с. 226-227]. Думается, такой подход применим и к упорядочению локальных НПА, хотя количественные и качественные особенности внутриорганизационного нормативного правового материала не позволяют выйти на уровень систематической инкорпорации.

Кроме того, хронологические сборники менее удобны для пользователей, при их составлении трудно выявить пробелы и дублирование в правотворчестве. А если в организации (учреждении, на предприятии) ведется систематизированный учет и информационно-поисковая система (справочный аппарат), разработанная для фонда локальных НПА, позволяет осуществлять поиск документов по датам их принятия, то навряд ли целесообразно издавать сборники, в которых материал расположен по хронологии. По поводу таких сборников локальных НПА Т.В. Кашанина заметила, что они, как правило, «...представляют собой лишь первый опыт систематизации нормативных актов предприятия» [13, с. 251].

Большое распространение тематических сборников локальных НПА было отмечено еще в 80-е гг. прошлого века С.И. Архиповым, который связывал это с особенностями локального нормативного правового материала и приоритетом субъектно-функционального принципа систематизации над другими. Он писал, что «для непосредственных исполнителей, адресатов норм удобнее пользоваться актами и сборниками, где нормативные положения, регулирующие их деятельность, объединяются в одном месте. Из опрошенных нами 30 руководителей юридических служб (юрисконсульты) предприятий Свердловской области 16 (53,3 %) отметили целесообразность упорядочения внутриорганизационных норм с учетом (на основе) видов деятельности, осуществляемых предприятием, его подразделениями и работниками» [11, с. 90-91].

Распределение локальных НПА в зависимости от видов актов нельзя оценивать однозначно. Зная наименование НПА, включающее его вид, легко найти документ. Но если объем сборника значителен, то одни разделы (например, устав, графики) будут легко обозримы, другие – нет (например, положения, приказы).

3. В зависимости от объема охватываемого материала различают генеральную (полную) и частичную инкорпорацию. Последнюю называют также выборочной или специализированной [5, с. 123]. Генеральной (полной) инкорпорация считается, когда «...в собрание включается или все законодательство страны, или все федеральное законодательство, все нормативные акты того или иного субъекта РФ и т.д.», а частичной – «когда составляются собрания и сборники нормативных актов по определенным вопросам, сфере государственной деятельности, определенной отрасли законодательства или правовому институту и другим признакам» [15, с. 40-41]. Исходя из этого, полной будет и инкорпорация всех локальных НПА организации, учреждения, предприятия, а частичной – подготовка тематического сборника.

Согласно результатам проведенного анкетирования, полная инкорпорация

осуществляется в 18,18 % организаций, учреждений, предприятий, частичная – в 20,45 %. Между тем С.И. Архипов подверг сомнению возможность осуществления полной инкорпорации на локальном уровне. По его словам, «...даже самые полные собрания внутриорганизационных нормативных актов не охватывают и половины принятых на предприятии, в учреждении, организации нормативных положений. Это связано, как представляется, с большой интенсивностью, динамичностью локального нормотворчества, с частыми изменениями, дополнениями, вносимыми во внутриорганизационные акты, а также с большим количеством принимаемых здесь временных нормативных положений» [11, с. 83]. Сборники локальных НПА, как и другие, подлежат обновлению. Поэтому динамичность локального правотворчества не может быть помехой проведению полной инкорпорации. Важно верно определить периодичность обновления и выбрать удобную для внесения изменений и дополнений форму издания сборника. Проблема временных нормативных положений имеет место при отборе НПА, независимо от их вида, и может иметь различные решения.

4. В зависимости от метода обработки НПА инкорпорация может быть простой («...из актов в процессе их помещения в сборники исключаются ненормативные, а также формально отмененные положения, временные нормы, срок действия которых истек, подписи уполномоченных должностных лиц») [15, с. 41] и сложной («...наряду с указанными действиями из сборников исключаются также формально не отмененные, но фактически утратившие силу акты») [15, с. 41]. По поводу осуществления сложной инкорпорации необходимо отметить следующее. Правовое действие НПА может быть прекращено по ряду причин, в том числе в случае принятия уполномоченным органом нового акта равной или большей юридической силы, регулирующего тот же круг общественных отношений; в случае устаревания акта в связи с исчезновением обстоятельств, которые подлежали правовому регулированию. То, что такие акты не были своевременно официально

отменены, – недостаток в соблюдении правил юридической техники. Одной из задач систематизации является «расчистка» законодательства, т.е. устранение устаревших и неэффективных правовых норм и НПА в целом. Но они должны быть официально отменены, для этого систематизаторами готовятся перечни НПА, подлежащих признанию утратившими силу. С особым вниманием при осуществлении инкорпорации следует относиться к НПА разной юридической силы, т.к. «...если принимается нормативно-правовой акт, имеющий большую юридическую силу, чем акт, уже регулирующий те же отношения, то это означает, что применяться должен акт, имеющий большую юридическую силу. В случае его отмены необходимо вернуться к тому акту, который не применялся, но не утратил своей юридической силы» [18, с. 675].

Деятельность по подготовке и изданию сборников (собраний) НПА представляет собой процесс, состоящий из нескольких этапов. Различными авторами выделялось разное количество этапов [19, с. 33; 16, с. 24; 20, с. 69; 17, с. 221-228; 11, с. 115-120]. Однако по сути подходы очень близки и включают отбор, анализ НПА, внешнюю обработку включаемых в сборник актов, формирование сборника. Соглашаясь с обоснованностью выделения названных выше этапов, представляется необходимым добавить предварительный этап, а также заключительный этап – обновление сборника, содержание которых будет рассмотрено ниже.

Следует заметить, что качественная, высокого уровня инкорпорация возможна только при налаженном систематизированном учете НПА. Между тем из результатов анкетирования следует, что лишь в 29,41 % организаций, учреждений, предприятий, в которых осуществляется инкорпорация, учет локальных НПА организован в полном объеме. С большой долей уверенности можно предположить, что в большинстве случаев либо усложняется осуществление первого этапа инкорпорации, либо готовые сборники отличаются неполнотой (даже

при частичной инкорпорации в рамках определенного критерия).

Далее рассмотрим, кем осуществляется инкорпорация локальных НПА. По общему правилу, распространяющемуся и на локальный уровень, в организациях, учреждениях, на предприятиях создаются специальные комиссии и рабочие группы, состав и задачи которых официально утверждаются. В состав комиссии входят руководитель организации, учреждения, предприятия или его заместитель (заместители), руководители подразделений, юрисконсульт. Однако имеются случаи проявления инициативы сотрудниками, заключающиеся в подготовке неофициальных тематических сборников локальных НПА, регламентирующих деятельность того или иного подразделения или определенный круг вопросов (например, связанных с условиями труда и отдыха, трудовым распорядком и т.д.). При этом инкорпорация осуществляется на основе субъективного подхода, без составления плана, обоснования принципов, критериев отбора, без учета теории и практики данного вида систематизации.

Созданная комиссия должна решить ряд задач, которые определяются поставленной перед систематизаторами целью. Наиболее типичными являются следующие задачи:

«1) разработка плана подготовки сборника нормативных положений;

2) определение критериев группировки, объединения нормативного материала, установление схемы сборника, а также схем подлежащих включению в него укрупненных актов;

3) контроль за ходом выполнения предусмотренных в плане работ;

4) рассмотрение и представление руководителю предприятия (если он не входит в состав комиссии) готового сборника и проектов подлежащих включению в него укрупненных актов;

5) решение вопросов поддержания сборника в действующем состоянии;

6) рассмотрение других вопросов, возникающих в процессе проведения систематизационных работ» [11, с. 113-114].

Если предполагается осуществление полной инкорпорации или объединение локального нормативного правового материала, затрагивающего различные направления деятельности организации, учреждения, предприятия, то обязанности по составлению отдельных частей сборника распределяются между соответствующими подразделениями. А в каждом из подразделений создаются рабочие группы во главе с руководителем подразделения. Небольшие по объему и простые по структуре сборники готовятся рабочей группой (без создания комиссии).

Перейдем к рассмотрению этапов инкорпорации.

1. Подготовительный этап. Он включает принятие решения о предстоящей инкорпорации (полная или частичная, хронологическая, тематическая или иная, официальная или неофициальная). Решаются организационные вопросы: создание комиссии, рабочих групп, утверждение их задач, определение структуры сборника, принципов отбора, размещения локальных НПА, порядок обновления. Рассматриваются технические вопросы: количество томов, способ издания (сброшюрованный сборник, в виде тетрадей, на разъемных листах), тираж и т.д.

2. Отбор локальных НПА для включения в сборник. От качества проведенного отбора документов напрямую зависит полнота и качество готовящегося сборника. Начинать осуществление данного этапа, по мнению С.И. Архипова, следует с того, что «на тех предприятиях, организациях, где имеется большое количество актов, принятых двадцать, тридцать и более лет назад и фактически утративших силу, целесообразно, не проводя их отбора и анализа, решить вопрос об отмене всех нормативных документов, утвержденных ранее определенной комиссией даты... При этом за основу может быть взята дата реорганизации (слияния, присоединения, разделения, выделения) предприятия» [11, с. 119]. Учитывая динамичность локального правотворчества, с данной точкой зрения можно согласиться, но с той же оговоркой: фактически утратившие силу

локальные НПА должны быть официально отменены (для чего готовятся перечень и обоснование).

Порядок проведения рассматриваемого этапа определяется тем, инкорпорация какого вида планируется, и заранее определенными частными принципами. По общему правилу, распространяющемуся и на инкорпорацию локального уровня, «акты, подлежащие систематизации, должны отбираться по первоисточникам и регистрироваться в специальной учетной ведомости, где указывается по каждому акту, какое принято по нему решение: включать или не включать его для анализа и, если не включать, то по каким именно основаниям» [21, с. 134; см. также: 17, с. 222].

В качестве особенности инкорпорации локальных НПА необходимо отметить следующее. Интерес систематизаторов отличается утилитарностью, ограничен только действующими актами. Их задача – обеспечить актуальной правовой информацией сотрудников организации, учреждения, предприятия. Между тем НПА вышестоящих правотворческих органов, но утратившие юридическую силу, могут быть объектом инкорпорации в исследовательских, учебно-познавательных целях (например, Конституции советского государства).

В процессе отбора локальные НПА подвергаются предварительному анализу, в результате которого ряд актов отсеивается. Теорией и практикой определены принципы отбора, согласно которым не подлежат инкорпорации акты временного действия (определенно-длительного действия). При этом учеными допускаются «...отдельные исключения в отношении актов, имеющих особо важное значение и издаваемых на сравнительно длительный срок, а также актов, действие которых систематически продлевается» [21, с. 135-136]. Также исключаются акты оперативно-распорядительные; «...акты, направленные на организацию исполнения ранее установленных правил и не содержащие новых норм; акты, действие которых исчерпывается однократным применением, кроме содержащих

поручения об издании нормативных актов и некоторые другие» [11, с. 115].

Осложняет отбор то, что многие локальные правовые акты содержат и нормативные, и индивидуальные предписания. Сборники НПА, несмотря на то, что предполагается их обновление, рассчитаны на длительное использование, поэтому из отобранных в них актов следует исключать индивидуальные предписания. Если же большая часть акта носит ненормативный характер, в сборник должны войти только содержащиеся в нем нормы права в виде извлечений из акта. Иными словами, указанные локальные правовые акты включаются в учетную ведомость или перечень для дальнейшего анализа и внешней обработки.

В сборник могут быть включены также общие и ведомственные НПА. В литературе приведен пример о включении локальных НПА научно-исследовательского института и приказов министерства, закрепляющих за ним определенные направления деятельности, в первый раздел сборника [22, с. 44]. Подобная практика обоснована С.И. Архиповым [11, с. 1, 107]. В таком случае границы отбора расширяются, а инкорпорация выходит за рамки локальной.

3. Распределение по разделам отобранных для включения в сборник локальных НПА и их анализ. Данные действия взаимосвязаны. Чтобы осуществить качественный анализ инкорпорируемого материала, необходимо расположить его в соответствии с разработанной схемой сборника. Впоследствии порядок расположения уточняется и может быть изменен. А для того, чтобы распределить нормативный материал, необходимо ознакомиться с содержанием НПА, т.е. произвести их предварительный анализ.

«Необходимость группировки актов по отдельным вопросам возникает уже в самом начале работы, вслед за отбором актов, для проведения их анализа. Но в результате анализа многие акты исключаются... как фактически утратившие свое значение; из ряда актов по тем же основаниям выпадают отдельные статьи, пункты

и другие части. В процессе анализа происходит и некоторое перемещение актов из одного раздела в другой, а также внутри самих разделов. В связи с этим после анализа, когда состав действующих актов уже окончательно определился, необходимо пересмотреть и уточнить произведенную группировку актов. Только на данной стадии работы практически и можно дать всю систему расположения материалов внутри раздела, решить вопрос о том, где и какие должны быть даны извлечения из актов, отсылки к актам...» [21, с. 165-166].

Очевидно, что, если сборник небольшой по объему и не предполагает наличия структурных единиц, то целесообразнее осуществить полный анализ отобранных локальных НПА, затем внешнюю обработку оставшихся актов и последовательное их размещение.

Наиболее простой является техника составления хронологических сборников. Сами разделы и НПА внутри них располагаются в зависимости от даты принятия, а одинаково датированные акты – по номерам.

Один из главных принципов подготовки тематического (предметно-тематического) сборника – расположение материала в разделе, главе, параграфе и т.д. от общего к частному. Он способствует как последовательности освещения вопроса, так и удобству поиска НПА. В случае предметной инкорпорации акты объединяются по предмету – сфере регулируемых ими отношений, а тематической – соответственно по той или иной теме (вопросу). В качестве одного из вариантов критериев расположения материала внутри рубрик в литературе называется хронология принятия актов.

Глубина анализа НПА зависит от того, инкорпорация какого вида осуществляется. Большей она будет при тематической (предметно-тематической) инкорпорации, меньшей – при хронологической. Независимо от избранного вида инкорпорации локальные НПА проверяются на соответствие актам высшей юридической силы. Анализируя внутриорганизационные подзаконные акты, систематизаторы выясняют также, имеются ли в содержащихся

в них нормах противоречия и несогласованности, выявляют пробелы и излишнее дублирование.

Поскольку инкорпорация представляет собой лишь внешнюю систематизацию, то, выявив несовершенства в локальном нормативном материале, систематизаторы не могут самостоятельно их устранить. Они готовят перечень актов, подлежащих отмене; перечень актов, которые следует объединить; перечень актов, которые необходимо привести в соответствие с НПА более высокой юридической силы; проекты локальных НПА, а также обоснование предложений для субъектов правотворчества организации, учреждения, предприятия. Следует отметить, что в перечень подлежащих отмене актов могут быть включены отдельные части НПА, например, «...с поручениями разового характера; срок действия которых уже истек; требующие исполнения отмененных документов; отмененные более поздними документами; формально не отмененные, но фактически замененные (дублирующие) в последующих документах пунктами аналогичного содержания; формально не отмененные, но фактически не применимые в связи с изменением реальных условий (например, норма о предоставлении главному инженеру права утверждать отчеты о командировках, тогда как на момент составления сборника эта должность была упразднена)» [22, с. 43].

На этом этапе подготовки сборников наиболее ярко проявляются такие общие принципы систематизации, как демократизм, объективность, целесообразность, поскольку те субъекты, которые осуществляют анализ локальных НПА, учитывают собственную практику реализации содержащихся в них правовых норм и могут повлиять на совершенствование локального нормативного материала. Другими словами, максимально приближенными друг к другу оказываются правотворчество, систематизация и реализация права.

После анализа НПА уточняется порядок распределения актов в сборнике. Многие внутриорганизационные подзаконные акты, как и другие виды НПА, посвящены

нескольким вопросам и по содержанию могут быть отнесены к разным разделам сборника. Текст такого акта помещается полностью в разделе, которому соответствует его основное содержание, а в других разделах приводятся либо извлечения из него, либо отсылки. Замена текста акта отсылкой к нему является техническим приемом, позволяющим сократить объем сборника и сделать более удобной работу пользователей со сборником. «Включение отсылки означает, что в число норм, относящихся к тому или иному вопросу, входят также и нормы, обозначенные в акте, к которому делается отсылка... При размещении материалов в отношении отсылок применяется тот же порядок, что и при размещении полных или взятых в извлечении текстов актов» [21, с. 177].

Непрофессионализм систематизаторов в юридической сфере преодолевается при помощи юрисконсультов. С.И. Архиповым названы следующие возможные варианты такой помощи рабочим группам: «1) в форме подготовки заключений о законности систематизируемых внутриорганизационных нормативных положений; 2) путем обеспечения рабочих групп необходимой методической литературой и нормативными документами; 3) в форме ознакомления работников с правилами юридической техники и осуществления контроля за их использованием; 4) посредством разъяснения возникающих в процессе анализа сложных вопросов правового характера» [11, с. 118].

4. Внешняя обработка включаемых в сборник актов. Как уже отмечалось, создание сборников локальных НПА преследует цель обеспечения сотрудников упорядоченными актами в действующей редакции. Поэтому необходимо включать в сборник акты в действующей редакции: «...удалить из текста отдельные статьи, пункты, абзацы, признанные утратившими силу, и, наоборот, включить... все последующие изменения, дополнения с указанием актов, которыми эти изменения или дополнения внесены; исключить из акта те его части, которые не содержат нормативных предписаний, сделав соответствующие отмет-

ки о причинах такого исключения; изъять сведения о лицах, подписавших акт» [15, с. 222]. Другие реквизиты (вид акта, название, дату, номер, наименование органа или должностного лица, принявших акт) сохраняются. Задача внешней обработки документов существенно облегчается, если организован систематизированный учет и имеются контрольные экземпляры локальных НПА.

Индивидуально решается вопрос об оставлении или удалении вводной части (преамбулы НПА). Помощь в его решении может оказать следующий тезис: «...если вводная часть (преамбула) содержит мотивы издания акта, не связанные с какими-либо временными условиями и обстоятельствами, и способствует правильному пониманию и применению акта, то она должна быть сохранена в тексте акта. И, уж конечно, должна сохраняться вводная часть, в которой говорится, что акт издан во изменение или в до-полнение какого-либо акта. Если же вводная часть не содержит мотивов, целей издания акта или эти мотивы связаны с какими-нибудь временными условиями, то сохранение ее в тексте помещаемого в собрание акта нецелесообразно» [17, с. 225].

5. Формирование сборника. По выражению О. Кулиستиковой, весь материал сборника можно разделить на две части: тексты НПА и справочный аппарат (перечни, содержащие дополнительную информацию по ряду вопросов [23, с. 53]. К моменту формирования сборника все НПА, а также извлечения из них и отсылки занимают свои места в структуре сборника.

Важным элементом в сборнике является система сносок, или подстрочных примечаний, которые принято подразделять на три группы: 1) сноски официального характера. Они являются обязательными и включают сведения о правотворческих преобразованиях НПА (признание акта частично утратившим силу, принятие акта во изменение или в дополнение данного акта и др.); 2) сноски, характеризующиеся как «граничащие с комментированием законодательства» [21, с. 173]. Содержащаяся в них информация касается обстоятельств, кото-

рые необходимо учитывать при реализации норм, содержащихся в акте (например, о переименовании, реорганизации учреждения или структурного подразделения); 3) сноски технического характера. Они информируют о месте размещения упоминаемого в тексте акта или о том, что он отменен, и т.д. Такие примечания могут быть даны не в виде сносок, а по тексту акта – против номера исключенной статьи (пункта, подпункта, абзаца). Давать их в виде сносок рекомендуется только в случаях, когда из акта исключено много статей (пунктов) и такого рода примечания могут быть даны в обобщенном виде [21, с. 174-175].

При формировании сборника важное значение следует придавать удобству поиска НПА сотрудниками организации, учреждения, предприятия. Для его обеспечения создается справочный аппарат, самым простым элементом которого является содержание. Многоаспектный поиск обеспечивают различные указатели (иногда их называют перечнями). Выбор того или иного вида указателя (алфавитно-предметный, хронологический, тематический, отмененных локальных НПА) или нескольких указателей зависит от вида осуществляемой инкорпорации и объема сборника. Однако в ряде случаев систематизаторы ограничиваются снабжением сборника лишь содержанием.

Выигрывают в плане информативности и удобства пользования значительные по объему и сложные по структуре сборники, которые снабжены предисловиями. Во вводной части сборника обычно говорится о его назначении, критериях отбора НПА, принципах их размещения, структуре, наличии указателей и т.д.

6. Обновление сборника. Подготовленный в организации, учреждении, на предприятии сборник решает задачу упорядочения локального нормативно-правового материала (полностью или частично) на определенное время, т.к. процесс локального правотворчества непрерывен. Поэтому инкорпорация не должна быть разовым мероприятием. Между тем, как написал С.И. Архипов о локальной инкорпорации, зачастую «...она осуществляется

недостаточно последовательно. Создание сборников и их дальнейшее обновление обычно носит эпизодический, непланный характер» [11, с. 112]. В целом за прошедшие десятилетия ситуация не изменилась.

Если же инкорпорация осуществляется в соответствии с правилами, то необходимо определить периодичность обновления сборника, выбрать способ издания. Практике инкорпорации известны три способа: сброшюрованные книги, тетради, объединяемые в тома с помощью разъемного переплета, и свободные листы. При выборе каждого из них учитывается прежде всего финансовые и технические возможности издания сборника у организации, учреждения, предприятия, а затем – порядок и периодичность обновления, количество и объем томов. Большое распространение благодаря доступности и возможности легко обновить материалы получили сборники, состоящие из свободных листов.

Одним из технических приемов, облегчающих обновление сборника, является его издание в двух частях – основной, включающей более стабильные, неопределенного срока действия локальные НПА, и дополнительной – в виде приложения, содержащего акты, наиболее подверженные изменениям.

На основании изложенного выше сформулированы следующие выводы:

1. Инкорпорация локальных нормативных правовых актов – вид систематизации, осуществляемый сотрудниками организаций, учреждений, предприятий, заключающийся в подготовке, издании и обновлении сборников локальных нормативных правовых актов и извлечений из них в действующей редакции в определенном порядке, направленный на упорядочение внутриорганизационного нормативного правового материала, в процессе которого достигаются и цели его совершенствования на основании выявленных пробелов, дублирования, неточностей.

Таким образом, можно выделить следующие признаки рассматриваемого явления:

1) инкорпорация локальных НПА – один из видов их систематизации;

2) осуществляется в организациях, учреждениях, на предприятиях силами их сотрудников;

3) представляет собой деятельность по подготовке, изданию и обновлению сборников;

4) сборники включают локальные НПА и извлечения из них в действующей редакции, т.е. нормативное содержание актов не затрагивается;

5) цель инкорпорации – упорядочить локальные НПА для более полной и правильной реализации содержащихся в них норм;

6) являясь внешним видом систематизации, инкорпорация способствует и совершенствованию внутриорганизационного нормативного правового материала.

2. Подготовка сборников внутриорганизационных подзаконных актов является составной частью осуществляемой в РФ систематизации НПА, поэтому основана на общем порядке и технике инкорпорации. Вместе с тем инкорпорация локальных НПА имеет некоторые особенности, определяемые объектом инкорпорации, субъектами инкорпорации и ее назначением. Формой локальной инкорпорации является сборник, хотя в некоторых случаях результаты локальной инкорпорации именуют собраниями. Наиболее распространена хронологическая и тематическая инкорпорация. Первое объясняется недостаточным уровнем знаний и опыта систематизаторов локального уровня, а также сравнительно небольшим объемом локальных НПА; второе – тем, что удобно иметь упорядоченные внутриорганизационные нормы на основе видов деятельности, осуществляемых организацией, учреждением, предприятием, их подразделениями и работниками. Сборники локальных НПА готовятся сотрудниками организаций, учреждений, предприятий, для которых эта деятельность дает возможность не только упорядочить локальный нормативный материал, но и принять непосредственное участие в его совершенствовании путем подготовки перечней актов, которые необходимо официально признать утратившими силу, разработки проектов актов для

восполнения пробелов в правовом регулировании и т.д.

3. Инкорпорация локальных НПА включает следующие этапы: подготовительный – создание комиссии и рабочих групп, решение организационных, технических и иных вопросов; отбор локальных НПА; распределение по разделам отобранных для включения в сборник локальных НПА и их анализ; внешнюю обработку актов – приведение их в действующей редакции, удаление ненормативных частей, подписей субъектов правотворчества и т.д.; формирование сборника; обновление сборника.

4. Инкорпорация локальных НПА недостаточно распространена. В ходе анкетирования некоторые респонденты отмечали, что в инкорпорации нет практической необходимости. Это объясняется как небольшим количеством локальных НПА, так и тем, что к инкорпорации необходимо привлекать сотрудников, которые при этом не освобождаются от основной работы. Кроме того, подготовка и издание сборника связаны с временными и материальными затратами, а в дальнейшем требуется его регулярное обновление. Сопоставление распространенности и уровня осуществления инкорпорации локальных НПА в 1980-е гг. и в настоящее время не позволяет говорить о прогрессе в данной деятельности и о ее существенных перспективах, особенно в небольших организациях, учреждениях, на предприятиях.

Вместе с тем сейчас имеется опыт подготовки сборников локальных НПА, который следует обобщать и популяризовать на страницах печати, как это происходило в 70-е – 80-е гг. прошлого века.

1. Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 608 с.

2. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / Вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 543 с.

3. Бабаев В.К. и др. Теория права и государства в схемах и определениях: Учеб. пособие / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. – М.: Юрист, 2002. – 256 с.

4. Гусев Ю.И. Теоретические проблемы составления Свода законов Союза ССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 22 с.
5. Демин А.В. Теория государства и права: Курс лекций. – М.: Инфра-М, 2002. – 184 с. – (Серия «Высшее образование»).
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Курс лекций. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. – 304 с.
7. Ксенофонтов В.В. Систематизация российского законодательства: Принципы и процедуры: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 167 с.
8. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник. – М.: Норма-Инфра-М, 1999. – 552 с.
9. Поляков А.В. Общая теория права: Курс лекций. – СПб., 2001. – 642 с.
10. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2005. – 704 с.
11. Архипов С.И. Систематизация локальных норм советского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1987. – 176 с.
12. Алиев А.М. Теоретические проблемы локального правового регулирования в современном российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 157 с.
13. Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): Учебник для вузов. – М.: Норма-Инфра-М, 1999. – 815 с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
15. Систематизация законодательства в Российской Федерации / А.И. Абрамова, А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин и др.; под ред. А.С. Пиголкина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 382 с.
16. Петров А. Собрание действующего законодательства – правовая основа жизнедеятельности города Москвы // Право и экономика. – 2003. – № 3. – С. 22-25.
17. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1962. – 574 [2] с.
18. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: Издат. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. – 864 с.
19. Конюший Л. Издаем сборники ведомственных нормативных актов // Хозяйство и право. – 1979. – № 10. – С. 32-34.
20. Петров А., Зайц Н. Каждой отрасли – упорядоченные акты // Хозяйство и право. – 1977. – № 1. – С. 69-71.
21. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства: Монография / Под ред. А.Н. Мишутина. – М.: Юрид. лит., 1969. – 342 [1] с.
22. Захаров В. Наводя должный порядок. Из опыта систематизации локальных нормативных актов // Хозяйство и право. – 1987. – № 5. – С. 42-45.
23. Кулистикова О. Подготовка сборников отраслевых нормативных актов // Хозяйство и право. – 1987. – № 9. – С. 52-55.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГЕНТУРНО-ОСВЕДОМИТЕЛЬНОГО АППАРАТА ОРГАНОВ МИЛИЦИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

В.А. Гусак

(Начальник Управления уголовного розыска ГУВД по Челябинской области,
кандидат юридических наук)

Важнейшим участком работы органов милиции на протяжении всего периода советской истории являлась борьба с преступлениями несовершеннолетних. В годы Великой Отечественной войны, породившей массовую беспризорность и безнадзорность и в максимальной степени усилившей разного рода криминальные проявления, вопросы борьбы с детской и подростковой преступностью находились в центре внимания партийно-государственных и силовых структур.

Следует отметить, что проблема детской беспризорности и безнадзорности применительно к рассматриваемому периоду изучена достаточно полно. Тем не менее в многочисленных работах ученых, содержащих в целом глубокий анализ данного явления, практически не освещается такая важнейшая сторона деятельности органов милиции в их борьбе с преступлениями несовершеннолетних, как использование агентурно-осведомительного аппарата. Наиболее полная открытая публикация, посвященная агентурной работе органов советской милиции в 1940-е годы, носит общий, обзорно-ознакомительный характер и не содержит конкретных данных по рассматриваемому вопросу [1, с. 109-119]. Настоящая статья имеет целью восполнить в определенной мере существующий пробел.

Прежде всего следует отметить, что преступность среди несовершеннолетних в военное время неуклонно возрастала. Например, в Челябинской области к концу 1942 года увеличение числа безнадзорных и беспризорных более чем в три раза повлекло за собой и резкий рост детской преступности. Если во втором квартале указанного года было зарегистрировано

293 преступления, совершенных несовершеннолетними, привлечено 384 и арестовано 246 человек, то в третьем квартале количество преступлений выросло по области до 432, число привлеченных и арестованных – соответственно до 556 и 359 человек. Рост уголовных проявлений шел в основном за счет безнадзорных – бывших учащихся ремесленных училищ и ФЗО, удельный вес которых в общей массе несовершеннолетних преступников составил в третьем квартале 80 % [2].

Малолетние преступники занимались, главным образом, квартирными и карманными кражами. Так, изучение воровского контингента, проведенное в 3-м квартале 1942 года Челябинским областным управлением милиции, показало, что подростки до 16 лет составляли в общей массе задержанных воров 23,8 %, т.е. почти каждый четвертый пойманный вор по возрасту был несовершеннолетним [3].

Главное управление милиции НКВД СССР отмечало, что несовершеннолетними преступниками совершается большое количество краж огнестрельного оружия у военнослужащих, собирается на полях сражений и приобретает иными способами. Вместе с тем работа по выявлению и изъятию этого оружия, по существу, не велась, в результате этого происходили многочисленные вооруженные нападения подростков с целью ограбления. Так, 22 мая 1943 г. в г. Сталинграде, при попытке вооруженного ограбления продовольственного склада школы № 3 СТЗ была задержана группа подростков. Оружие они подобрали в поле [4].

В ряде регионов число несовершеннолетних среди лиц, совершавших бандитские действия, было весьма значительным.

Например, в Чкаловской области возраст 25 из 27 преступников, арестованных в октябре 1943 года за дерзкие бандитские налеты и грабежи, составлял от 16 до 20 лет. После ликвидации опасной бандитской группировки, состоявшей из семи человек и совершившей в сентябре-октябре 1943 года семь вооруженных ограблений в г. Чкалове, выяснилось, что самому старшему участнику бандгруппы было 20 лет, двум участникам – по 16 лет. В другой бандитской группе, состоявшей из пяти человек и ликвидированной в октябре того же года, четверо ее участников родились в 1926 году, один – в 1928 году [5].

Были на счету несовершеннолетних и более тяжкие преступления. Например, группа челябинских подростков из четырех человек в 1943 году выслеживала в магазинах приходящих туда за хлебом сверстников и с целью завладения хлебными карточками под разными предлогами уводила их за город, где и убивала. Всего таким образом были убиты три несовершеннолетние девушки [6].

В первые годы войны основную роль в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью играли сотрудники детских комнат милиции и детских приемников-распределителей. Главным средством профилактики преступности несовершеннолетних являлись совместные рейды милиции и общественности с целью массового изъятия беспризорных и безнадзорных детей с улиц и других мест их скопления. Определенное внимание уделялось также выявлению подстрекателей-взрослых, толкающих детей на преступления. После выхода в свет постановления Совнаркома СССР от 15 июня 1943 года «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» повсеместно началась организация трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних. Направление в них органами НКВД малолетних правонарушителей рассматривалось как принудительная мера воспитательного характера. Учитывая недостаточность предпринимаемых усилий, приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 года в составе Главного управления милиции

НКВД СССР был создан Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и соответствующие отделы (отделения) в УМ НКВД союзных и автономных республик, краев и областей. Однако массовую криминализацию подростковой среды остановить не удалось. Несколько забегая вперед, отметим, что если в 1941 г. несовершеннолетними было совершено 5 % всех зарегистрированных преступлений, то в 1944 году их количество увеличилось до 11 % [7].

С учетом нарастания данной негативной тенденции, а также в связи с общим ростом уголовных проявлений, предпринимались меры специального характера. 25 июня 1943 г. приказом НКВД СССР в составе ОУР Главного управления милиции было создано специализированное отделение по борьбе с детской преступностью и хулиганством, в органах милиции республик, краев и областей были организованы и начали действовать соответствующие подразделения, на места была разослана инструкция [8].

Перед органами милиции была поставлена задача более глубокого изучения и устранения причин, порождающих преступность среди несовершеннолетних. Проведенный анализ выявил различные ее факторы. В одних случаях подростки слепо выполняли волю родителей, в других – шли на преступления вследствие недостаточного надзора с их стороны или лиц, их заменявших, в третьих – подпадали под влияние взрослых преступников, которые угрозами либо за обещания поделить украденное вовлекали несовершеннолетних в преступную деятельность. Нередкими были случаи, когда притоносодержатели вербовали прибывших в город беспризорных детей. Они устраивали их на жительство и, используя безвыходное материальное положение подростков, подстрекали их к совершению преступлений, принимали и сбывали ворованные подростками вещи.

Вместе с тем немало преступлений совершалось подростками и без какого-либо влияния взрослых. В этих случаях мотивом часто являлись месть, озорство, желание завладеть понравившейся вещью.

Освобождаясь по окончании срока или по амнистии из мест заключения, значительная часть несовершеннолетних продолжала преступную жизнь, вовлекая в криминальную среду новых подростков. Например, в августе 1945 г. в Читинской области из общего числа преступлений 26 % были совершены амнистированными несовершеннолетними, в Свердловске – 30,6 %, в Рязанской области – 39 % [9].

Обращал на себя внимание высокий процент неучащихся детей в общем количестве несовершеннолетних правонарушителей. Например, в Челябинской области за 1942–1943 гг. он составил в среднем 65,7 %, причем в эту категорию, по данным областного управления милиции, входила неучащаяся молодежь и бывшие учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО в возрасте до 15 лет [10]. Наряду с прекращением учебы в школах и втягиванием несовершеннолетних в уличную безнадзорную жизнь, активному вовлечению их в преступную среду способствовали плохие бытовые условия в молодежных общежитиях и слабая воспитательная работа, приводившие к большому количеству побегов с производства и из учебно-трудовых заведений.

В связи с высоким уровнем преступности среди несовершеннолетних потребовалось использование чрезвычайных мер. Приказом НКВД СССР от 5 августа 1943 года «Об объявлении инструкции о борьбе с детской преступностью и хулиганством» в качестве временной меры разрешалось вербовать в секретное осведомление лиц из среды несовершеннолетних, в возрасте не моложе 15 лет [11]. Создание агентурно-осведомительного аппарата рассматривалось как основное средство предупреждения и пресечения готовящихся преступлений. Несколько ранее, с целью наиболее рациональной организации агентурной работы, приказом НКВД СССР от 10 марта 1943 г. начальникам городских и районных отделов (отделений) НКВД предоставлялось право самостоятельной вербовки рядового осведомления, без последующего утверждения вышестоящим руководством [12]. Это упростило порядок оформления вер-

бовки агентов и осведомителей, исключило лишнюю переписку горрайотделов НКВД с областными аппаратами.

Агентурная сеть среди подростков создавалась на основе общеустановленных принципов вербовки негласного аппарата. В частности, одним из главных требований являлось использование конкретных компрометирующих материалов в отношении будущего агента. Наряду с целевыми вербовками, агентурно-осведомительная сеть создавалась там, где обучались, проживали и проводили время несовершеннолетние, прежде всего освобожденные из колоний и тюрем. Так, циркуляром Управления милиции г. Ленинграда от 26 марта 1944 года через участковых уполномоченных городских отделений милиции следовало выявить все общежития подростков и молодежи (за исключением ремесленных училищ и школ ФЗО), составить планы организации осведомительной сети и приступить к регулярному агентурному обслуживанию объектов. Требовалось организовать агентурное обеспечение несовершеннолетних в кинотеатрах, рынках, клубах и других местах их скопления. Во всех школах системы народного образования из числа взрослых – педагогов и обслуживающего персонала – необходимо было завербовать осведомителей. В соответствии с приказом НКВД СССР от 18 апреля 1944 года, весь разрабатываемый и привлекаемый к уголовной ответственности элемент следовало взять на картотечный учет [13].

К работе по реализации вышеназванного приказа от 5 августа органы НКВД на местах приступили сразу после его получения. К январю 1944 года в агентурной сети состояло 153 агента и 2870 осведомителей из числа несовершеннолетних, 216 агентов и 3960 осведомителей из числа взрослых, в общей сложности 7199 человек [14].

В 1944 году агентурно-осведомительная сеть по разработке несовершеннолетних значительно увеличилась. На 1 января 1945 года она состояла из 13372 человек, среди них агентов из числа несовершеннолетних насчитывалось 494 и из числа взрослых – 595, осведомителей – соответственно 6355 и 5928 человек [15]. Если

учесть, что общая агентурно-осведомительная сеть уголовного розыска насчитывала в своем составе на 1 января 1945 года 9845 агентов и 156669 осведомителей, то в общем количестве лиц данной категории на долю агентов и осведомителей по линии борьбы с преступлениями несовершеннолетних приходилось 8,0 % [16].

По данным, предоставленным этой агентурой, за 1944 год было предупреждено 4833 преступления или 7,5 % к общему числу зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, предотвращено формирование ряда преступных групп, реализовано 2497 агентурных и 9765 учетных дел, привлечено к уголовной ответственности 16508 малолетних преступников, из них 6743 по групповым делам. В конце указанного года по делам оперативных разработок проходило 10835 несовершеннолетних лиц [17].

Усилия уголовного розыска в конце войны были направлены на улучшение качества агентуры и осведомления, на вербовку маршрутной агентуры и резидентов для связи с общим осведомлением. Агентурно-осведомительная сеть была пересмотрена, из нее исключена неработоспособная, а также уличенная в двурушничестве и расшифровавшая себя агентура. Взамен исключенных вербовались новые лица, при этом их количество неуклонно возрастало. По сравнению с 1943 годом, агентурная сеть увеличилась в 1944 году на 16,2 %, в 1945 году – на 37,5 % [18]. С ее помощью органы НКВД изъяли в 1944 году у преступников и населения 2980 пулеметов, 25746 винтовок, 6842 револьвера и пистолета, 12597 гранат, свыше 600000 патронов, 5896 единиц холодного оружия [19].

С использованием агентурного аппарата активно проводилась работа по выявлению и ликвидации притонов. За 1944 год их было ликвидировано 2047, из них 947 воровских, 226 разврата, 205 торговли спиртными напитками, 71 подделки документов и 598 прочих. Ликвидация притонов сопровождалась привлечением к уголовной ответственности притоносодержателей и в подавляющем большинстве – арестом преступников. Всего было аресто-

вано 5642 человека. На 1 января 1945 года по стране были взяты на учет и активно разрабатывались агентурой 2408 квартир и домов-притонов [20].

В 1945 году агентурно-осведомительная сеть продолжала расширяться, в первую очередь, за счет территорий, освобожденных от немецкой оккупации. На 1 января 1946 года она насчитывала свыше 196000 агентов, осведомителей, агентов-маршрутников и резидентов. Одновременно принимались меры по усилению конспирации, в частности, количество конспиративных квартир увеличилось в 1945 году по сравнению с предшествующим годом на 8,6 % и достигло 1634 точки [20].

Общим недостатком агентурно-оперативной работы являлись непродуманные вербовки, в результате которых в агентурно-осведомительную сеть попадали случайные люди, в том числе домохозяйки, дворники, работники домоуправлений и другие лица, не связанные с преступным миром. Наряду с исключением вышеуказанных категорий граждан из агентурной сети, активно проводилась вербовка квалифицированной агентуры, было закончено создание вспомогательных картотек оперативных учетов преступников, взяты на картотечный учет выявленные агентурой и иным путем преступники и их связи, пополнились картотеки по способам совершения преступлений и кличкам преступников. В результате по агентурным делам в 1945 году было арестовано свыше 53000 преступников, за счет усиления агентурной работы по притоносодержателям, ликвидировано 5343 притона, что в 2,6 раза больше по сравнению с 1944 годом [21].

Рост агентурно-осведомительной сети по линии несовершеннолетних в 1945 году составил 4,6 %. В конце этого года она состояла из 13984 человек, в том числе 8300 несовершеннолетних и 5684 взрослых. Агентов среди них насчитывалось соответственно 660 и 570 человек, осведомителей – соответственно 7630 и 5114 человек. С помощью этой агентуры в 1945 году было предупреждено 3406 (9,9 % от общего зарегистрированного числа) преступлений несовершеннолетних. Из 34440 преступ-

лений, совершенных несовершеннолетними, было раскрыто с помощью агентурных сведений 12080 (35,1 %) [22]. В целом по сравнению с 1944 годом общая раскрываемость преступлений в 1945 году возросла на 2,1 %, по данным агентуры – на 4,6 %, с помощью агентурно-осведомительной сети было раскрыто 40,1 % преступлений от их общего зарегистрированного числа [23].

Изучение Главным управлением милиции НКВД СССР практики организации агентурно-осведомительной сети из числа несовершеннолетних в 1944-1945 гг. показало, что несовершеннолетние охотно шли на вербовку, однако хорошо работали в течение непродолжительного времени. Как отмечалось в материалах ГУМ, «из-за слабо развитого чувства ответственности» и «ложного понятия товарищества» несовершеннолетние агенты и осведомители переставали ходить на явки, не выполняли заданий, двурушничали. Значительное их количество, разработав то или иное лицо или группу лиц, теряла связь с преступным миром, в силу этого органы милиции были вынуждены исключать несовершеннолетних агентов и осведомителей из агентурной сети. По этой и другим причинам в негласной подростковой агентуре была высокая текучесть. Так, в 1945 году органы милиции завербовали 4507 несовершеннолетних, а исключили 3121 или почти 70 % от общего числа завербованных [24]. С учетом данного обстоятельства вербовка агентуры из числа несовершеннолетних была запрещена.

Не вдаваясь в специфику функционирования советской общественной системы в годы войны с ее главным лозунгом «Все для фронта, все для победы!», снимавшим любые ограничения, и не углубляясь в морально-нравственный аспект рассматриваемого вопроса, можно говорить о том, что в чрезвычайных военных условиях аген-

турно-осведомительная сеть сыграла свою положительную роль в борьбе с преступлениями среди несовершеннолетних, способствовала уменьшению общего количества уголовных проявлений.

1. Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 109-119.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 223. Л. 87-88.
3. ОГАЧО. Л. 76.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9415. Оп. 5. Д. 211. Л. 33.
5. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНН ОО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 35 об.-36, 88.
6. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 60.
7. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 214. Л. 18.
8. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 228. Л. 304.
9. ГАРФ. Д. 214. Л. 36.
10. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227. Л. 61.
11. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 228. Л. 287.
12. ГАРФ. Д. 244. Т. 2. Л. 8.
13. Смирнова Н.В. Деятельность органов УНКВД-УМВД в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.) (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 39.
14. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 209. Л. 39-40.
15. ГАРФ. Д. 211. Л. 40.
16. ГАРФ. Л. 30 (подсчитано автором).
17. ГАРФ. Л. 40.
18. ГАРФ. Л. 30,45 (подсчитано автором).
19. ГАРФ. Л. 43.
20. ГАРФ. Л. 45.
21. ГАРФ. Д. 214. Л. 30,39 (подсчитано автором).
22. ГАРФ. Л. 42,44.
23. ГАРФ. Л. 18.
24. ГАРФ. Л. 44.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства**МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИИ РФ
И ЕГО ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РОЛЬ****Н.Н. Черногор**

(ведущий научный сотрудник отдела мониторинга
законодательства Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент, г. Москва)

В канун празднования 15-летия Конституции Российской Федерации конституционная проблематика находится в центре внимания правоведов и государственных деятелей. В последние месяцы проходят многочисленные научные конференции, посвященные этой знаменательной дате, переиздаются научно-практические комментарии к Основному закону государства, обнародуются официальные позиции первых лиц государства по вопросам достигнутых результатов конституционно-правового развития страны, роли и значения Конституции РФ в 15-летнем периоде исторического развития России.

Безусловно, главные вопросы, которые горячо обсуждаются сегодня в научном сообществе, касаются всесторонней оценки итогов 15-летнего действия Конституции РФ, определения степени ее ценности для российского общества и государства и перспектив ее дальнейшего существования в неизменном виде. Эти вопросы, конечно же, непростые, а ответы на них едва ли будут однозначными. При таких обстоятельствах немалую сложность представляет собой задача поиска ответа на вопрос: какие из высказанных суждений и оценок являются объективными, адекватными, на каких из них строить стратегию дальнейшего конституционного развития страны, пришло ли время вносить поправки в Конституцию РФ или ставить вопрос о ее пересмотре?

Эти вопросы «звучали» по-новому после того, как Президент России Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию выступил с предложением

о внесении поправок в Конституцию РФ, касающихся, в частности, расширения конституционных прав Федерального Собрания, отнесения к предметам ведения Государственной Думы контрольных функций в отношении исполнительной власти посредством установления конституционной нормы, обязывающей Правительство России ежегодно отчитываться в Государственной Думе по итогам своей деятельности и по вопросам, поставленным непосредственно парламентом, а также увеличения срока конституционных полномочий Президента и Государственной Думы до шести и пяти лет соответственно. Эти предложения были довольно быстро воплощены в жизнь.

Автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу дать всестороннюю оценку произошедшему событию, определить его историческое значение или спрогнозировать возможные последствия, при этом имеются в виду не последствия расширения конституционных полномочий Федерального Собрания или увеличения сроков полномочий Президента и Государственной Думы, а последствия первой реализованной инициативы внесения поправок в Основной закон государства (не считая изменения названия и статуса отдельных субъектов Российской Федерации). Однако уже сейчас очевидно, что одним из таких последствий станет «бум» подобных инициатив, исходящих от самых разных субъектов. Так, например, в итоговых рекомендациях научно-практической конференции «Конституция, закон и социальная сфера общества», прошедшей 1-го декабря

2008 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, содержится еще два предложения о внесении изменений в Конституцию РФ:

1. «Дополнить конституционные нормы, закрепляющие право на охрану здоровья, право на образование, культурные права и обеспечивающие их реализацию, более конкретными содержательными характеристиками, учитывая основополагающие нормы Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах».

2. «Закрепить в Конституции право граждан на достойный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достойное питание, одежду и жилище, и право на непрерывное улучшение условий жизни»*.

Не трудно заметить, что данные предложения еще более радикальны, чем инициативы Президента, т.к. предполагают изменение главы второй Конституции РФ, что возможно только путем пересмотра Основного закона государства.

Приведенный пример – это только «первая ласточка», за которой последует целая череда подобных инициатив. И с этим придется что-то делать. Но как определить, пришло ли время вносить ту или иную поправку? Действительно ли имеются для этого необходимые предпосылки? Является ли это объективной необходимостью или же в действительности представляет собой не более чем субъективные усмотрения отдельных политических лидеров или групп? «Инструментом», позволяющим решить эту задачу, может послужить мониторинг Конституции – специфический вид государственной деятельности, который, на наш взгляд, может сыграть существенную роль в деле обеспечения стабильности Основного закона государства и его правовой охраны.

На протяжении последних 5-6 лет в России происходит становление специфического вида государственной деятельнос-

ти – правового мониторинга. Этот процесс стимулирует развитие юридической науки нового направления, которое призвано обеспечивать практику необходимыми знаниями и рекомендациями по организации и проведению правового мониторинга.

Совет Федерации Федерального Собрания РФ совместно с научными, общественными и иными организациями проводит систематическую комплексную работу по созданию системы правового мониторинга в стране. За 6 лет удалось достичь определенных результатов как в сфере развития его концептуальных и методологических основ, так и в части внедрения правового мониторинга в механизм принятия и реализации законов. В деле формирования научных основ правового мониторинга немалая заслуга принадлежит Институту законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, сотрудниками которого разработана концепция правового мониторинга [1; 2], подготовлена методика его организации и проведения [3], успешно применяемая в системе органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов.

В основу упомянутой концепции положено понимание правового мониторинга как функции органов государственной власти, как одного из видов государственной деятельности. Ее авторы определяют правовой мониторинг также как систему информационных наблюдений, дающую возможность анализировать и оценивать: 1) результаты нормотворческой деятельности (прежде всего законопроектной); 2) качество нормативных правовых актов, принятых тем или иным правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией; 3) эффективность их практического действия, реализации, целью которой является повышение качества принимаемых законов, совершенствование на основе законодательной и правоприменительной деятельности системы выработки, принятия и реализации государственно-политических решений и в конечном счете обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина [2, с. 30].

* Обзор конференции будет опубликован в № 1 Журнала Российского права за 2009 г.

Такое понимание правового мониторинга позволило авторам концепции относить к числу его объектов не только действующее законодательство и практику его применения, но и законопроектную, а также иную нормотворческую деятельность, осуществляемую всеми ветвями власти.

Данная концепция нашла отражение в ежегодных докладах Совета Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации», а также в итоговых документах конференций, посвященных правовому мониторингу, проводимых верхней палатой российского парламента в течение последних нескольких лет.

Однако нельзя утверждать, что работа по созданию системы правового мониторинга и его концептуальной и методологической основы завершена. Напротив, достигнутые результаты открывают новые грани данного явления, выявляют более сложные проблемы, требующие научного осмысления, а в некоторых случаях – коррекции отдельных уже состоявшихся концептуальных и методологических решений. Одним из вопросов, который, на наш взгляд, требует переосмысления, является вопрос о месте и роли Конституции РФ в «технологическом процессе» правового мониторинга.

Согласно рассматриваемой концепции, которую активно «продвигает» Совет Федерации, Конституция РФ не относится к числу объектов правового мониторинга. Не ставится вопрос о необходимости мониторинга Основного закона государства, определения эффективности реализации конституционных принципов и норм. А собственно говоря, почему?

Конституция является основным законом государства. Ее нормы обладают наивысшей юридической силой и действуют непосредственно. Она закладывает основу правовой системы государства, выполняет регулятивную и охранительную функции права. Кроме того, Конституция – это основа стратегии развития государства, на базе которой формируются программные документы, принимаются законы, осуществляется правоприменительная деятельность.

Исключение Конституции из числа объектов правового мониторинга является методологической ошибкой. Однако едва ли есть основания обвинять в этом авторов идеи правового мониторинга или разработчиков его концепции. Процесс накопления позитивного знания, научного осмысления государственно-правовых явлений идет непрерывно. С течением времени в ходе апробации тех или иных научных решений, внедрения в практику теоретических моделей становятся видны и понятны просчеты, которые были допущены при принятии этих решений и создании соответствующих моделей. Сейчас настал тот момент, когда приходит осознание того, что исключение Конституции из числа объектов правового мониторинга неизбежно влечет за собой нарушение его логики и последовательности «технологических операций».

Проводя мониторинг закона и давая оценку эффективности его норм, субъекты и участники этой деятельности используют Конституцию в качестве одного из статичных (технических) инструментов мониторинга – «школьной линейки», используемой для измерения показателей объекта для сравнения с тем или иным законом или правоприменительным актом с целью определения его конституционности и эффективности. То же самое происходит и при мониторинге программных документов, принимаемых и реализуемых на государственном уровне, например национальных проектов и т.п. Однако конституционные принципы и нормы оценке не подвергаются, их непосредственная реализация не отслеживается, а эффективность не определяется. Так, никто задается вопросом, насколько эффективен конституционный принцип разделения властей, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права над национальным законодательством, принципы федеративного устройства российского государства, какова эффективность конституционных норм, устанавливающих сроки полномочий Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Президента РФ, предметы ведения Российской Федерации и ее субъ-

ектов. Очевидно, что такая оценка может быть сделана только в ходе систематического и последовательного наблюдения и анализа результатов нормотворческой деятельности, качества законов и иных нормативных правовых актов, принятых тем или иным правотворческим органом, актов реализации права и правоприменительной практики. Но в этом случае должна быть выдержана логическая линия «конституционный принцип (норма) – закон – подзаконный акт – акты реализации правовых норм – конституционный принцип (норма)». Нужно проводить мониторинг не отдельных законов, не программных государственных документов, а их основы – Конституции, в ходе (в контексте) которого определять эффективность и законов, и государственных программ.

Мониторинг Конституции позволит:

1) существенно усовершенствовать технологию правового мониторинга, а именно восстановить нарушенную логическую последовательность объектов и операций, осуществляемых в процессе проведения мониторинга законодательства и правоприменительной практики;

2) обеспечить стройность целей, задач правового мониторинга, а также показателей эффективности законодательства и правоприменительной практики, которыми согласно существующей концепции правового мониторинга являются данные об обеспечении и защите прав человека;

3) изменить логику правового мониторинга (проводить мониторинг не законов, а конкретных конституционных принципов и институтов), что даст возможность отчетливо увидеть пределы усмотрения законодателя, динамику и амплитуду изменений его воли в регулировании одних и тех же общественных отношений в рамках заданных Конституцией параметров (например, за последние 15 лет существенно изменилось правовое регулирование общественных отношений, связанных с организацией местного самоуправления в Российской Федерации, нестабильна позиция федерального законодателя в вопросах разграничения полномочий между уровнями власти и т.п.), а также более строго

структурировать законодательство по отраслям, оптимизировать работу по систематизации законодательства;

4) перейти от использования Конституции в качестве одного из технических инструментов мониторинга к ее восприятию как реально действующего закона, реализуемого и применяемого субъектами правоотношений в практической деятельности, повседневной жизни, имеющего свои «жизненные циклы», достоинства и недостатки; дать официальную оценку и определить эффективность конституционных принципов и норм, которые не подвергаются оценке при мониторинге законодательства;

5) оптимизировать планирование нормотворческой деятельности на всех уровнях власти, выстраивая ее последующей схеме «норма Конституции – закон – подзаконный акт», что позволит преодолеть существующие разрывы в этой цепи;

6) повысить эффективность предпринимаемых государством мер по преодолению правового нигилизма российских граждан, повышению авторитета Конституции, а также убеждению граждан в ее реальности, непосредственном действии, особой правовой охране путем придания публичности и открытости информации о результатах мониторинга Основного закона государства;

7) обеспечить реализацию регулятивной и идеологической функций Конституции, а также приоритета норм главы 1 «Основы конституционного строя» по отношению к другим конституционным нормам;

8) усилить механизм особой правовой охраны Конституции путем обеспечения любых предложений о поправках к Конституции и ее пересмотре аналитической информацией о результатах мониторинга и экспертными заключениями на предмет наличия (отсутствия) объективных предпосылок для внесения поправок или пересмотра.

Инструментальная ценность мониторинга Конституции состоит в том, что он способен послужить решению задачи создания эффективного механизма правот-

ворчества и реализации его результатов, отражающего общественные потребности.

Очевидно, что реализация идеи мониторинга Конституции повлечет изменение концепции правового мониторинга. И здесь неизбежно встанет вопрос о том, как «позиционировать» мониторинг Конституции по отношению к правовому мониторингу в современном его понимании: является ли мониторинг Конституции одним из видов правового мониторинга, представляет ли он самостоятельный вид деятельности или же должен быть «встроен» в «механизм» правового мониторинга в качестве его организационной части?

Очевидно, речь идет о новом виде правового мониторинга, который должен иметь специфический организационный механизм, включающий планирование, координацию, контроль, методическое сопровождение. Для его становления требуется следующее.

Прежде всего совершенствование научной основы. Ее разработка в перспективе, скорее всего, приведет к возникновению нового научного направления – теории мониторинга Конституции.

Ее система еще только начинает «вырисовываться», однако уже сейчас можно говорить, что контуры ее охватывают следующие блоки:

- концепция мониторинга Конституции;
- место и роль мониторинга Конституции в правовой системе и процессе правового развития государства;
- средства и способы институализации данного вида деятельности;
- технология проведения;
- методология определения эффективности действия конституционных принципов, норм, институтов, законов и подзаконных актов;
- способы коррекции и прогнозирования законодательства.

Это отнюдь не полная картина, отражающая структуру и систему будущей теории, однако такое, пусть даже несколько упрощенное, представление о ней позволяет ориентировать исследователей в деле

разработки доктрины мониторинга Конституции.

Задача дальнейшего продвижения в проведении теоретико-прикладных исследований данного явления и оснащения субъектов и участников правового мониторинга научно-обоснованными рекомендациями по проведению мониторинга Конституции требует преодолеть складывающуюся в правовой науке парадигму исследований, в соответствии с которой вопросы технологии правового мониторинга и его методологии не разграничиваются и разрабатываются как проблемы последней. Ограничение научной задачи разработкой только методологии правового мониторинга не позволяет охватить всего объема проблематики, которая относится к данной теме и не может удовлетворить в полной мере потребности практики организации правового мониторинга (в том числе и мониторинга Конституции) в масштабах государства.

Накопленный на сегодняшний день опыт организации правового мониторинга в органах государственной власти как Российской Федерации, так и ее субъектов, а также достигнутый уровень научного осмысления данного явления позволяют утверждать (хотя бы на уровне рабочей гипотезы), что мониторинг Конституции представляет собой разновидность юридической технологии.

Поступательный процесс институализации правового мониторинга, количественный и качественный рост средств, правил, способов, приемов, методов его проведения обуславливает возникновение объективной потребности в их согласовании и системном использовании. Последовательное внедрение правового мониторинга в практику государственных органов связано с усложнением механизмов его проведения, оно требует более развитых форм юридического опосредования данной деятельности. Все это исторически и логически приводит к возникновению технологии правового мониторинга.

На наш взгляд, именно «технологический» взгляд на мониторинг Конституции позволяет максимально сблизить

эмпирическое и логическое в научных исследованиях, охватить и связать воедино не только методы изучения эффективности конституционных принципов и норм, законодательства и правоприменительной практики, но и организационные, управленческие блоки, его составляющие, институциональное, функциональное и инструментальное в его природе и содержании. Неслучайно в специальной литературе отмечается, что формирование и функционирование правового мониторинга должно включать, во-первых, деятельность субъектов мониторинга, во-вторых, наличие регламентных норм, в-третьих, введение процедур, в-четвертых, использование информационного блока, включая социальную информацию, в-пятых, введение аналитико-оценочного блока [1, с. 13].

Для решения этой задачи, по нашему мнению, могут быть продуктивно использованы наработки теоретиков права по проблемам юридической технологии [4; 5].

Не менее сложной и актуальной задачей является разработка методологии мониторинга Конституции, определения критериев и показателей оценки эффективности ее норм, механизма корреляции результатов мониторинга Конституции с результатами других видов мониторинга (экологического, финансового и т.п.), установление существующих связей и закономерностей.

Для становления мониторинга Конституции потребуются официальное признание данного вида деятельности как функции государства, его закрепление в законодательстве. Мониторинг Конституции должен стать неотъемлемым элементом законотворчества и правоприменительной практики. Возможно, потребуются выход на принятие государственной программы по созданию системы мониторинга Конституции.

Резюмируя сказанное, следует отметить следующее. Государство и общество нуждается в создании системы мониторинга Конституции. Он должен стать одним из эффективных инструментов, служащих обеспечению реальности и стабильности Конституции РФ, воплощению ее принци-

пов и норм в жизни общества и государства.

Это самостоятельный вид правового мониторинга, который отличается специфическим объектом и особой технологией проведения. Причины его внедрения в государственно-правовую практику, на наш взгляд, очевидны. Выделение мониторинга Конституции как нового приоритетного вида государственной деятельности предоставит возможность полнее раскрыть потенциал Конституции РФ, способствует последовательному осуществлению государственной власти, смысл и содержание которой определяют права и свободы человека и гражданина.

Становление и правовое оформление мониторинга Конституции требует политической воли, целенаправленной деятельности субъектов нормотворчества, а также субъектов реализации и применения правовых норм. Не последнюю роль в решении этой задачи должна сыграть правовая наука, поскольку именно она призвана оснастить субъектов и участников мониторинга Конституции методикой и рекомендациями по его организации и проведению.

1. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. – 2006. – № 10.
2. Горохов Д.Б. и др. Правовой мониторинг: концепция и организация / Д.Б. Горохов, Е.И. Спектор, М.Е. Глазкова // Журнал Российского Права. – 2007. – № 5.
3. Аналитический доклад «Правовой мониторинг: концепция и механизм проведения» (подготовлен сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации). 2006.
4. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые юридические аспекты исследования // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 16-24.
5. Колесник И.В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

(на примере проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»)

Е.Г. Комиссарова

(профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор)

В.Н. Лисица

(старший научный сотрудник сектора гражданского права и процесса Института философии и права СО РАН, кандидат юридических наук, доцент, г. Новосибирск)

Каждый период истории предполагает собственные формы государственного вмешательства в решение социально-экономических проблем нашего общества. В их числе наиболее громкие и еще не совсем забытые кампании Н.С. Хрущева, связанные с решением жилищной проблемы, а также мероприятия стратегического планирования, которым в советские времена занимались Политбюро ЦК КПСС и Госплан СССР.

Современный период истории, безусловно, запомнится приоритетными национальными проектами, прочно вошедшими в повседневную жизнь россиян благодаря мощному информационному полю и откорректированной системе государственного управления, стремящейся поспеть за высоким уровнем социальной динамики. При этом на волне политической целесообразности, везде и всюду декларирующей значимость и необходимость проектов, вне поля зрения остались сущность и место приоритетных национальных проектов в ряду других документированных форм государственного волеизъявления в условиях развитого юридического быта и «отдифференцированной» российской правовой системы.

После того как первоочередная политическая целесообразность отпала, представляется необходимым спокойно обсудить правовой ракурс приоритетных национальных проектов. А это уже проблемы научно-теоретического свойства. Такими, как известно, являются те, которые нужда-

ются в осмыслении на наиболее глубоком, абстрактном уровне закономерностей и принципов соответствующей науки, в нашем случае науки правовой.

Сложен и не до конца ясен жанр приоритетных национальных проектов. Как говорится в самих проектах, они – «программно-целевой инструмент осуществления государственной социально-экономической политики, предусматривающий достижение целей и приоритетных направлений развития страны». Как отмечают разработчики, это «своего рода целеуказание и одновременно инструмент... индикаторы, показывающие те сферы жизни, в которых у нас существуют наиболее серьезные проблемы и где мы должны сконцентрировать все наши усилия» [1]. Окончательный ответ на вопрос о жанре проектов зависит от того, чему больше отдать предпочтение: идеологии или юридическому формализму.

Последовательно уделим внимание тому и другому аспекту, помня о том, что неотъемлемым элементом правовой системы любого государства является идеологический в виде совокупности правовых взглядов, идей, представлений, настроений, ценностных ориентаций.

Формирование тех или иных национальных идей, отражающих экономические и нравственные закономерности общественного развития, сопровождает любую стадию становления общества. Ни одно общество не живет без идей, «это его духовная опора, система представлений о же-

лаемом общественном устройстве и путях его достижения» [2, с. 90]. Поэтому вполне естественно, что идеологическая составляющая образует фундамент всех проектов в виде идей прагматического содержания, наполненных общесоциальными постулатами аксиоматического характера, позволяющими взглянуть на существо накопившихся социальных проблем не только через призму государственной воли, но и с точки зрения общечеловеческих позиций, а также нравственных ценностей. Отсюда идеологический фундамент всех приоритетных национальных проектов можно обозначить краткой формулой: «Каждый гражданин имеет право...».

Путь идеологического «измерения» оказывается достаточно простым и понятным, а саму идеологическую составляющую в целом можно признать безупречной – в ней есть все необходимое: декларативность, разумные лозунги и целевые индикаторы, ориентированные на конституционную характеристику государства как социального, демонстрирующего осознание социальных проблем общества и готовность решать эти социальные проблемы. Однако идеи национальных проектов в том или ином виде структурируются не только в системе государственного управления, но и правового регулирования. А в этой плоскости наиболее значимыми являются не столько идеи программного, целевого толка, сколько правовые – те, которые могут быть и должны быть воплощены в юридических конструкциях. А значит, за социально-гуманным лозунгом «Каждый гражданин имеет право на достойное существование» стоит вполне конкретный вопрос о том, какие все-таки способы достижения целей заложены в содержании приоритетных национальных проектов. Рыночные, когда недостающие ресурсы передаются государством в руки тех, кто может их использовать с наибольшей эффективностью на началах саморегуляции и самоприменения в сочетании с должной организованностью во всех областях общественной жизни и пониманием того, что «помощь, оказываемая слабым, не может считаться поправками к рыночным меха-

низмам – она вне рынка» [3, с. 187]. Или методы администрирования, иницилируемые, поддерживаемые и обеспечиваемые деятельностью государственного аппарата с развитием соответствующих институтов публичного права? В конечном итоге это ответ на вопрос о том, имеет ли государственное участие в жизни конкретного человека правовой характер, а если точнее, то являются ли такого рода взаимосвязи правоотношениями? Это уже вопрос о второй концептуальной составляющей приоритетных национальных проектов – нормативно-правовой. Иными словами, об их юридическом «облике». В этой части, несмотря на небольшой срок своего существования (идея возникла в сентябре 2005 г.), с приоритетными национальными проектами связано много вопросов.

Одна из причин в том, что предварительной доктринальной проработки, несмотря на «маститый» состав их разработчиков, эти проекты не получили. А потому фактически открытым остается вопрос о том, обладают ли национальные проекты относительной самостоятельностью, или являются «функциональными сгустками конституционных норм», выступая развернутым их продолжением с проекцией на действующее законодательство. Этот и сопутствующие ему вопросы должны были быть однозначно разрешены накануне принятия и национальных программ, и приоритетных национальных проектов, а не сейчас, когда проектный механизм уже прошел стадию запуска. Но труд ученого не предшествовал появлению этих судьбоносных документов. В итоге из-за отсутствия должного теоретического задела, предшествующего принятию приоритетных национальных проектов, минимальной нормативной базы для таких видов государственных документов, неопределенности их места в правовой материи многие вопросы сегодня не имеют никакого решения, а значит, дело не только за методами реализации данных мероприятий, но и в неопределенности прав и обязанностей органов и лиц, ответственных за их реализацию, в отсутствии мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее испол-

нение этими органами и их должностными лицами возложенных на них обязанностей.

Принятие приоритетных национальных проектов для правовой системы России, с одной стороны, есть благо: они выявляют существующую законодательную неполноту, позволяют обнаружить проблемные зоны в актах, обеспечивающих их реализацию. С другой стороны, проекты проводят «водораздел» между актами, принятыми «до» и «после». Ведь по вполне понятным причинам до принятия этих проектов страна не существовала в правовом вакууме и, естественно, что проектам уже предшествует значительный объем законодательного материала, накопленного исторической практикой применительно к регулированию наиболее важных сфер жизнедеятельности человека. Игнорирование этого способно породить недоверие к регулятивной престижности актов «до». Во избежание этого в тексте самих проектов должно быть ясно указано: а) какие акты надлежит принять для их реализации; б) с какими действующими нормативными актами положения проектов непосредственно связаны. Пока соблюдается лишь первое, что грозит неполным охватом тех социальных связей, которые необходимо иметь в виду при принятии соответствующего проекта и его реализации. Во избежание этого тексты проектов должны быть снабжены необходимыми отсылочными положениями. Суть отсылок, как известно, не в создании новых норм, а в связи существующих, ибо отсылка – это прием, позволяющий соотнести различные нормативные акты между собой. Отсутствие связи с существующими нормативными блоками особенно ущербно при реализации национальных подпрограмм на уровне субъектов Федерации, где ведущими оказываются нормы публично-правовой направленности, ориентированные на решение лишь одного вопроса: «дать – не дать», «разрешить – не разрешить». В то же время многие спорные вопросы могут и должны быть решены и с помощью норм действующего законодательства, в первую очередь гражданского, объективно связанного с большим числом

отношений, возникающих при реализации приоритетных национальных проектов. Фактически это означает, что ни один из указанных проектов не может и не должен жить собственной юридической жизнью – связь с существующими правовыми нормами неизбежна. Этого требует институциональный характер права, логичность и последовательность правовых предписаний в совокупности, гарантирующих работоспособность правовых норм.

Каждый национальный проект имеет свою специфику, свои сложности и требует последовательной и непрерывной законодательной работы. Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» специфичен: а) из-за длительности срока реализации в отличие от других национальных проектов; б) остроты жилищной проблемы в стране (более 60 % российских семей имеют потребность в жилье); в) комплексности актов жилищного законодательства, тесно связанного с земельным и иным законодательством. Именно поэтому мы сконцентрируем свое внимание на законодательных трудностях реализации этого проекта.

Категория цели, заложенная в содержании проекта, – удовлетворение потребности нуждающихся в доступном и *комфортном* жилье, – безусловно, подчеркивает его высокую роль. Однако зачем завышать эту цель, если в условиях России еще более половины населения не имеют своего жилья или жилья, отвечающего санитарно-техническим требованиям? Если с прилагательным «доступное» все ясно – это предоставление множественной правовой варианности выбора способов удовлетворения жилищных потребностей, с одновременным поиском дополнительных, но более ликвидных, по сравнению с имеющимися, средств и способов, которые бы позволили достигнуть желаемого. Однако совсем непонятно, что такое комфортное жилье с точки зрения права, а не завышенных потребностей людей с ограниченными возможностями или того слоя общества, который в народе именуется олигархическим? Согласно нормам Жилищного кодекса РФ жилым признается помещение, пред-

назначенное для постоянного проживания, отвечающее санитарно-техническим требованиям и степени благоустроенности данного населенного пункта. Это значит, что если жилое помещение соответствует данным параметрам, то оно уже считается комфортным. Другого определения комфортности действующее законодательство не содержит*.

В смысле реализации, право на доступное и комфортное жилье является разновидностью субъективного имущественного права на жилье, которое уже имеет свое правовое содержание и структуру. Разработчики приоритетного национального проекта обязаны учитывать это, а не создавать абстрактно-теоретических понятий. Этого можно избежать, если преследовать наряду с политической реальную юридическую цель – действительно обеспечить нуждающихся жильем, но с опорой на действующее законодательство, пусть и не до конца совершенное и не до конца эффективное.

А сейчас о тех законодательных препятствиях, которые «не увидели» разработчики проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

Нет никаких сомнений, что данный национальный проект, выступая серьезным информационным ресурсом, сообщаящим членам социума о ключевых государственных проблемах, направлен на реализацию их конституционного права на жилище (ст. 40 Конституции РФ). Исходя из его анализа, можно заключить, что основными его приоритетами являются: а) увеличение объемов ипотечного жилищного кредитования; б) повышение доступности жилья; в) выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем установленных законодательством

категорий граждан; г) увеличение объемов жилищного строительства и модернизация коммунальной инфраструктуры [4]. При этом базовым механизмом реализации рассматриваемого национального проекта выступает федеральная целевая программа «Жилище» [5] на 2002-2010 гг., утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2001 г. № 675.

Успешная реализация приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» немыслима без необходимого правового обеспечения (начиная с федеральных законов и заканчивая законами субъектов Федерации и муниципальными правовыми актами). Немалая часть из них уже принята. Так, действуют Гражданский и Жилищный кодексы Российской Федерации, Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [6] и др. Последним урегулированы отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости на основании договора участия в долевом строительстве, а также установлены гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства. В связи с этим в Земельный кодекс Российской Федерации, и иные федеральные законы были внесены поправки, снимающие ряд административных барьеров на пути осуществления жилищного строительства. Во вновь принятом Градостроительном кодексе РФ [7] эти барьеры сведены к минимуму. Вместе с тем законодательство оказалось не свободным от противоречий и пробелов, которые препятствуют успешной реализации рассматриваемого приоритетного национального проекта. Приведем несколько примеров.

Так, органами государственной власти и органами местного самоуправления в пределах их компетенции не приняты

* В связи с этим можно вспомнить идеи кампаний Н.С. Хрущева, выдвинувшего в далеком 1957 г. в рамках национальной жилищной политики лозунг «Каждой семье – отдельную квартиру» и считавшего все: высоту пятиэтажного дома – не более 16 метров ввысь, панель и кирпич, размеры государственного кредита, предоставляемого гражданам для строительства жилья.

правовые акты, предусмотренные Градостроительным, Жилищным и Земельным кодексами Российской Федерации и другими федеральными законами. Особое внимание следует обратить на отсутствие документов территориального планирования (схем территориального планирования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных районов, генеральных планов поселений) и правил землепользования и застройки. Последние представляют собой документ градостроительного зонирования, который утверждается нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга и в котором устанавливаются территориальные зоны, градостроительные регламенты, порядок применения такого документа и порядок внесения в него изменений. Его важность состоит и в том, что в силу пункта 14 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [8] с 1 января 2010 г. при его отсутствии предоставление земельных участков для строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, по общему правилу не осуществляется.

Серьезная проблема – отсутствие упрощенного (льготного) порядка предоставления земельных участков для индивидуального жилищного строительства гражданам, жилищно-строительным кооперативам и иным объединениям индивидуальных застройщиков. Дело в том, что в настоящее время в соответствии со статьей 30.1 Земельного кодекса Российской Федерации земельные участки для жилищного строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются по общему правилу в собственность или в аренду на аукционах. Для индивидуального жилищного строительства земельный участок может быть предоставлен в аренду на основании заявления гражданина, заинтере-

ресованного в предоставлении земельного участка.

С нашей точки зрения, предоставление земельного участка в аренду для жилищного строительства должно осуществляться на основании заявления не только гражданина, но и жилищно-строительного кооператива. Кроме того, земельный участок следует предоставлять гражданам и жилищно-строительным кооперативам в аренду бесплатно на срок, необходимый для осуществления жилищного строительства. При этом указанный земельный участок из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, целесообразно передать в собственность гражданина с момента государственной регистрации права собственности на вновь созданный объект недвижимости (жилой дом). Все это потребует внесения изменений и дополнений в статью 30.1 Земельного кодекса Российской Федерации.

Кроме того, для широкого внедрения в практику малоэтажного индивидуального жилищного строительства недостаточно предоставить гражданам земельный участок на льготных условиях. Необходимо также оказать им иную поддержку со стороны государства. Она может, в частности, касаться бесплатной заготовки гражданами древесины для индивидуального жилищного строительства. Для этого органам государственной власти субъектов Российской Федерации требуется утвердить порядок заготовки гражданами древесины для собственных нужд в соответствии с пунктом 4 статьи 76 и пунктом 4 статьи 82 Лесного кодекса Российской Федерации [9].

Не менее серьезная проблема заключается в нарушении застройщиком сроков строительства более чем на 1 год или ситуации, когда он не в состоянии вообще завершить строительство и передать объект долевого строительства (жилое или нежилое помещение) участнику долевого строительства. Применение таких мер защиты и ответственности, как расторжение договора участия в долевом строительстве и возмещение убытков, становится неэффективным (прежде всего при наличии признаков банкротства у застройщика).

Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» не содержит каких-либо положений на этот счет.

С нашей точки зрения, статью 6 указанного Федерального закона необходимо дополнить положением о порядке перевода земельного участка (или права на земельный участок) и объекта незавершенного строительства в судебном порядке в общую долевую собственность участников долевого строительства и застройщика с передачей функции застройщика создаваемому ими товариществу собственников жилья, жилищному строительному кооперативу или иному специализированному потребительскому кооперативу. Формулировка новой части 4 может быть следующей:

«4. В случае, если строительство (создание) многоквартирного дома не может быть завершено, а также в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства более чем на один год земельный участок или право на него и объект незавершенного строительства может быть передан по решению суда в общую долевую собственность участников долевого строительства. По решению участников долевого строительства, принятому большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов этих участников, функции застройщика могут быть переданы создаваемому участниками долевого строительства товариществу собственников жилья, жилищно-строительному кооперативу или иной организации. Количество голосов, которым обладает каждый участник долевого строительства, пропорционально его доле в праве общей собственности на общее имущество в доме (объекте долевого строительства)».

Кроме того, стимулировать застройщиков к сдаче объектов долевого строительства в установленный срок может увеличенный размер арендной платы за земельный участок и ставки земельного

налога при превышении нормативных сроков строительства.

Помимо нормативного регулирования, создания «правил игры» для всех участников инвестиционно-строительной деятельности (граждан, заинтересованных в приобретении доступного и комфортного жилья надлежащего качества, инвесторов, застройщиков, банков и т.д.), государство может и должно само выступать активным субъектом в указанной сфере. Оно может выступить участником специального Государственного жилищного ипотечного банка. Пониженные ставки по процентам за выданные ипотечные кредиты, снижение расходов на обслуживание кредитов – это и многое другое смогло бы повысить доступность ипотечных кредитов для более широкого круга граждан. Указанный банк мог бы выступить и кредитором для застройщиков, осуществляющих строительство доступного жилья для малообеспеченных семей.

Тема национальных идей и национальных проектов для российской науки в целом и правовой, в частности, является новой – в большей степени эти категории были уместны в публицистической литературе, и лишь в последнее время стали предметом теоретического осмысления, правда, больше в имидже национальных интересов. И дело науки, в том числе и правовой, достигнуть того положения, при котором действующая нормативно-правовая система не «отторгала» бы национальные проекты, а последние учитывали положения наличного законодательства без конкуренции. Но для того чтобы приоритетные национальные проекты заняли свою «нишу» в ряду документированных форм государственного волеизъявления, требуется четко представлять их прикладной, связующий, производный от существующих правовых установлений характер. В этом случае положения приоритетных национальных проектов окажутся сбалансированными с действующей правовой системой, тогда будет порядок в терминологии, унифицируются механизмы реализации прав.

1. Волкова М. Интервью с Д. Медведевым «Нацпроекты в режиме ручного управления» // Российская газета. – 2006. – 13 февр.
2. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – № 3.
3. Скловский К.И. Гражданский спор: Практическая цивилистика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2003.
4. Приоритетные национальные проекты [Электронный ресурс]. http://www.rost.ru/habitation/habitation_doc_6_2.jpg
5. СЗ РФ. – 2001. – № 39. – Ст. 3770.
6. СЗ РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 40.
7. СЗ РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 16.
8. СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4148.
9. СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЛЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Т.В. Краснова

(доцент кафедры гражданского права и процесса
Института государства и права Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук)

В науке семейного права исследования проблем правового регулирования отношений, связанных с разделом общего имущества супругов, сформировали особое направление. Обобщение теоретических достижений в данной области позволяет утверждать, что внимание ученых концентрируется вокруг вопросов определения правового режима имущества супругов при его разделе, применения правила о начале течения срока исковой давности к требованиям бывших супругов о разделе общего имущества, форме и порядку заключения соглашений о разделе общего имущества супругов. Анализ правоприменительной практики, выявляющей проблемы законодательства и доктрины, позволяет сформулировать для самостоятельного обсуждения проблему определения долей при разделе общего имущества супругов. Она включает в себя необходимость решения следующих основных вопросов: о соотношении понятий «определение долей в общем имуществе» и «раздел общего имущества супругов»; о критериях увеличения (уменьшения) доли супруга в общем имуществе при его разделе в судебном порядке; о форме реализации права супругов на определение долей в общем имуществе по соглашению.

На сегодняшний день существует два подхода к толкованию термина «раздел» применительно к общему имуществу супругов. Согласно первому из них определение долей в общем имуществе представляет собой частный случай раздела. Так, в широком смысле раздел имущества супругов – это прекращение законного режима общей совместной собственности супругов. Очевидно, что установление долей каждого из супругов в праве на общее имущество влечет прекращение общей

совместной собственности супругов и образование в отношении этого имущества иного, отличного от законного, правового режима – общей долевой собственности. В этом смысле справедливо условное обозначение – «раздел на доли». Как отмечает А.В. Слепакова, «в результате раздела могут возникнуть как две полностью самостоятельные имущественные массы, так и две доли в имуществе, находящемся в общей долевой собственности» [1, с. 199]. В рамках судебного раздела общего имущества супругов данный вывод косвенно подтверждается существованием в ст. 38 СК РФ и в п. 4 ст. 256 ГК РФ указания на то, что определение долей производится судом *при разделе* имущества супругов. Более того, вся регламентированная в ст. 38 СК РФ процедура *раздела* по общему правилу сводится именно к определению долей, тогда как распределение конкретного имущества согласно присужденным долям осуществляется судом лишь по требованию супругов или одного из них.

В то же время из п. 1 ст. 254 ГК РФ однозначно следует, что определение долей в общем имуществе не тождественно разделу общего имущества между участниками совместной собственности, и его предварительное осуществление – необходимое условие для раздела. Вероятно, указанная норма является основой возникновения узкого подхода к определению понятия «раздел имущества супругов». В узком смысле под разделом понимается прекращение общей собственности и установление раздельной собственности [2]. Именно в полном прекращении режима общности, по мнению И.В. Жилинковой, заключается идея раздела супружеского имущества [3, с. 193]. Определение долей в общем имуществе супругов в данном

случае является основанием прекращения общей совместной собственности, предшествующим разделу. Так, Ленинский районный суд г. Тюмени Тюменской области, рассматривая спор между бывшими супругами о квартире, нажитой в период брака, отказал в применении правил п. 7 ст. 38 СК РФ об исковой давности, поскольку в исковом заявлении содержалось требование об установлении долевой собственности на квартиру, а не о ее разделе. Судом было принято решение «произвести замену отношений общей совместной собственности на отношения общей долевой собственности» со ссылкой на то, что ответчиком, настаивавшем на применении п. 7 ст. 38 СК РФ, «произведена подмена понятий “раздел совместно нажитого имущества” и “замена отношений общей совместной собственности на отношения долевой собственности”» [4]. Тем самым применение узкого подхода в трактовке понятия «раздел имущества» в п. 7 ст. 38 СК РФ, по сути, означает распространение срока исковой давности к распределению между супругами конкретного имущества, но не к определению долей. Полагаем, что указанное толкование действующей редакции п. 7 ст. 38 СК РФ лишает смысла существование закрепленного в нем правила о сроке исковой давности. Отказ суда удовлетворить требование о разделе конкретного имущества согласно присужденным долям невозможен даже в связи с пропуском срока исковой давности в силу наличия п. 3 ст. 252 ГК РФ. В свою очередь, распространение действия срока исковой давности на требования об определении доли каждого из супругов в отсутствие законодательно закрепленного механизма прекращения общей совместной собственности и при недостижении супругами соответствующего соглашения допускало бы ее вечное существование. Приведенные аргументы не опровергают справедливость узкого подхода к пониманию конструкции «раздел имущества супругов», но свидетельствуют о несовершенстве действующей редакции ст. 38 СК РФ и необходимости выработки на законодательном уровне положений, ограничивающих срок сущест-

вования общей совместной собственности после расторжения брака. Бесспорно, что существование соответствующей правовой связи между бывшими супругами в течение длительного периода времени после развода порождает правовую неопределенность*. Представляется оправданным установление пределов существования общей совместной собственности бывших супругов – не более 3 лет с момента прекращения брака. Думается, что супруги, не оформившие соглашения о разделе совместно нажитого имущества и не обратившиеся с соответствующим иском в суд, согласны с фактическим распределением имущества, находящимся в их владении после расторжения брака и зарегистрированным на имя одного из них. Предлагаем предоставить супругу, во владении которого находится общее имущество, право на обращение в суд по истечении 3 лет с момента расторжения брака, где в порядке особого производства будет установлен факт прекращения общей совместной собственности. На основании решения суда регистрирующий орган будет обязан внести соответствующую запись об изменении правового режима имущества. В исключительных случаях, когда требования о разделе общего имущества не были заявлены бывшими супругами по уважительным причинам, аналогичным указанным в ст. 205 ГК РФ, можно предусмотреть право супруга на судебное взыскание компенсации, соответствующей стоимости имущества, которое причиталось бы ему при разделе.

Анализируя изложенные подходы к определению понятий «раздел общего имущества супругов» и «определение долей в общем имуществе супругов», мы приходим к следующим выводам. В науке и законодательстве конструкция «раздел общего имущества супругов» применяется

* В теории все чаще обращается внимание на существование проблемы правового регулирования имущественных отношений бывших супругов (см., напр.: Ходырев П.М. Правовой режим общей собственности бывших супругов // Семья и право (к 10-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации). – М., 2005. – С. 212-213).

в двух одинаково справедливых значениях: раздел как процедура прекращения общей совместной собственности супругов и непосредственно раздел как основание прекращения общности имущества. Конструкция «определение долей в имуществе» предполагает определение долей *в праве* на общее имущество и в зависимости от понимания термина «раздел имущества» представляет собой либо один из возможных результатов раздела, либо независимую от него процедуру прекращения общей совместной собственности. Преобразование общей совместной собственности в раздельную не может происходить без промежуточного определения долей в праве на общее имущество. Во избежание противоречий, возникающих в отсутствие единообразного употребления и толкования терминов, и с учетом требований п. 1 ст. 254 ГК РФ мы полагаем целесообразным следующее соотношение. Термин «раздел имущества супругов», в том числе с учетом энциклопедического значения слова «раздел» – распределение [5], должен быть истолкован как «прекращение общей собственности супругов путем распределения между супругами конкретного имущества, нажитого в период брака, или передачи указанного имущества (его части) одному из супругов с компенсацией стоимости соответствующего имущества (его части) другому супругу». «Определение долей в общем имуществе супругов» будет рассматриваться как «прекращение общей совместной собственности супругов путем установления долей в праве общей собственности супругов в отношении имущества, нажитого в период брака». В случае прекращения общей совместной собственности супругов в судебном порядке определение долей будет выступать самостоятельной стадией, в результате которой образуется общая долевая собственность супругов на имущество, нажитое в период брака. Несмотря на то, что фактически определение долей и раздел могут совпадать во времени, юридически раздел общего имущества будет осуществляться судом только после предварительного определения доли каждого из супругов в общем

имуществе и по требованию супругов или одного из них. В этой связи нормативное регулирование соответствующих отношений требует изменений. Процедура, регламентированная в ст. 38 СК РФ, должна носить название «Прекращение общей совместной собственности супругов» с учетом этой особенности во всех положениях, содержащихся в статье. Из пункта 7 ст. 38 СК РФ необходимо исключить правило о применении срока исковой давности к требованиям бывших супругов и закрепить в нем механизм безусловного прекращения общей совместной собственности бывших супругов в связи с истечением срока (3 года) после расторжения брака.

Иллюстрацией разрешения спорной практической ситуации, рассмотренной *de lege ferenda*, может служить следующий пример. Определением Калининского районного суда г. Тюмени от 01.12.2004 г. было утверждено мировое соглашение по иску о разделе совместно нажитого имущества следующего содержания: «Гр-нин О. обязуется выплатить гр-ке О. 2 млн. рублей в счет раздела совместно нажитого имущества (жилой дом) в течение 8 месяцев до 01 августа 2005 г.» [6]. Гр-нин О. не исполнил свою обязанность. В свою очередь, гр-ка О. препятствовала гр-ну О. в осуществлении права пользования указанным в мировом соглашении жилым домом, и с учетом того, что регистрация права собственности в период брака была произведена на ее имя, начала предпринимать действия, направленные на отчуждение дома. Гр-нин О., считая, что момент прекращения общей совместной собственности, установленный в мировом соглашении, не наступил, в связи с чем правовой режим не был изменен, в целях предотвращения отчуждения жилого дома без его согласия обратился в суд с иском о признании права общей совместной собственности и устранении препятствий в осуществлении права пользования. В решении суда по данному иску было отмечено, что правовой режим общей совместной собственности на жилой дом был прекращен, поскольку вопрос о разделе общего имущества супругов уже рассматривался в суде, и признание общей

совместной собственности повлечет за собой возможность повторного обращения в суд с тем же требованием [7]. Возник вопрос об определении правового режима данного жилого дома. С учетом изложенных выше выводов полагаем, что в результате рассмотрения иска о разделе общего имущества супругов могла образоваться только общая долевая собственность, условия прекращения которой (выплата денежной компенсации) были заложены в мировое соглашение и не были реализованы. С этим и должен быть связан отказ в удовлетворении требования о признании права общей совместной собственности.

Вне зависимости от размера доходов каждого из супругов в период брака и рода их деятельности действует принцип равенства супружеских долей, закрепленный ст. 39 СК РФ. Между тем суд вправе отступить от этого принципа и увеличить долю одного из супругов в общем имуществе в интересах несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающих внимания интересов супруга. В частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи (п. 2 ст. 39 СК РФ). Представляется, что отсутствие исчерпывающего перечня соответствующих оснований обусловлено многообразием возможных практических ситуаций, в которых такое ограничение пределов усмотрения суда не позволяло бы вынести решение, учитывающее индивидуальные обстоятельства. Однако действующая редакция анализируемой нормы порождает трудности и противоречия в ее толковании, в результате чего суды зачастую в принципе отказываются от реализации заложенной в ней возможности. Наука семейного права, на наш взгляд, рассматривает данную проблему в отрыве от практических реалий – при обсуждении оснований определения неравных долей в общем имуществе супругов не учитываются препятствия к фактической реализации доктринальных выводов. В то же время правоприменители не руководствуются суждениями, предложенными для решения анализируемых вопросов учеными. Так,

например, относительно, возможности учета интересов несовершеннолетних детей многими теоретиками поддерживается мнение В.П. Никитиной о том, что «долю супруга, с которым остаются несовершеннолетние дети, при всех обстоятельствах нужно увеличивать» [8, с. 21]. В судебной практике превалирует позиция, согласно которой сам по себе факт определения местом жительства детей места жительства одного из родителей не должен влиять на применение общего принципа о равенстве долей при разделе имущества. Показательным является решение суда, вынесенное по иску гр-на Т., требовавшего передачи общего имущества – квартиры – своей бывшей супруге с выплатой компенсации истцу в сумме, равной площади стоимости квартиры. В ответ на просьбу ответчицы отойти от равенства долей супругов в интересах ребенка истец указал: «Ответчицей не обосновано, каким именно образом интересы ребенка будут соблюдены путем увеличения доли *ответчицы* в общем имуществе. В данном случае размеры долей в общем имуществе не влияют на интересы ребенка, т.к. в соответствии с п. 4 ст. 60 СК РФ ребенок не имеет права собственности на имущество родителей. Считаем, что ответчица пытается под прикрытием интересов ребенка удовлетворить собственные имущественные интересы...». Суд удовлетворил требования истца в полном объеме [9, с. 4, с. 10].

Что касается такого основания, как «заслуживающие внимания интересы одного из супругов», то, как уже отмечалось, в законе содержится указание лишь на его частные случаи. Зачастую на практике применяются ссылки на факт расходования общего имущества в ущерб интересам семьи. Как отмечает О.Н. Низамиева, «чаще всего такое расходование имущества имеет место, когда один из супругов злоупотребляет спиртными напитками или наркотиками» [10, с. 82]. В учебнике Л.Н. Кравцовой подчеркивается, что в этих случаях расходование общего имущества проявляется «откровенно» [11, с. 156]. По мнению ученых, при применении данной части положения п. 2 ст. 39 СК РФ «имеет

место своеобразная санкция, обладающая солидным запасом воспитательного воздействия» [12, с. 56]. В качестве иного заслуживающего внимания интереса одного из супругов в теории указывают тяжелую болезнь или инвалидность одного из супругов [10, с. 83]. В практике разрешения судебных споров наличие подобных тяжелых заболеваний оказывается основанием недостаточным, а факт расходования общего имущества на приобретение спиртных напитков – практически недоказуемым. Так, в ответ на требование гр-ки Л. об увеличении доли в общем имуществе в решении мирового судьи судебного участка № 1 Центрального АО г. Тюмени было указано: «Состояние здоровья гр-ки Л. и нуждаемость в денежных средствах в связи с лечением не может быть признано основанием для отступления от начала равенства долей. В обоснование изложенных доводов истицей представлены справка МСЭ об установлении второй группы инвалидности с датой очередного освидетельствования 01.09.2008 г. и справки из Тюменского онкологического диспансера, из которых следует, что гр-ка Л. состоит на учете, химиопрепараты получает бесплатно, лекарства общеукрепляющего, иммуностимулирующего действия приобретает за свой счет, документов, подтверждающих несение расходов по лечению и т.п., в суд не представлено». В том же решении отмечено: «Из показаний свидетелей следует, что они являются коллегами Л., знакомы с ней продолжительное время и проживали с ней в одном общежитии. Л. часто приходила к ним занимать деньги, было видно, что муж бьет ее, т.к. Л. часто была в синяках. Однако очевидцами этого свидетели не являлись и не могут подтвердить факт расходования общего имущества мужем Л. ...Кроме того, согласно справкам ГЛПУ ТО “Областной наркологический диспансер”, гр-нин Л. состоял с 1989 г. на учете по поводу зависимости от алкоголя и снят с учета в 1995 г. в связи с ремиссией. Из представленных документов видно, что все спорное имущество приобретено после прохождения лечения гр-ном Л. ...Оценив доказательства в совокупности, мировой

судья считает необходимым признать за супругами равные доли» [13]. Таким образом, в целях обеспечения жизнеспособности существующей редакции п. 2 ст. 39 СК РФ представляется целесообразным закрепить теоретически разработанных ориентиров определения неравных долей супругов в общем имуществе в разъяснениях Верховного Суда РФ.

В СК РФ не регламентируется содержание соглашения о разделе имущества. Предполагается, что главным его условием является закрепление за каждым из супругов конкретных вещей из состава общего имущества [14], что, если учитывать правило ст. 254 ГК РФ, невозможно без предварительного определения доли каждого из участников в праве на общее имущество. По справедливому мнению О.Н. Низамиевой, в соглашении о разделе имущества предварительное определение идеальных супружеских долей не обязательно, в нем могут быть просто указаны конкретные вещи, которые будут являться собственностью каждого из супругов [14]. В этом случае доли «в скрытой форме оказываются заложенными в то распределение вещей, которое согласовали супруги» [15, с. 305]. Таким образом, момент определения долей в соглашении о разделе имущества супругов юридически предшествует моменту раздела общего имущества, а фактически совпадает с ним. Между тем Е.А. Чефранова отмечает, что и при разделе в общей собственности могут быть оставлены неделимые объекты, в связи с чем ею делается вывод о том, что определение доли каждого из супругов в праве собственности не что иное как частный случай соглашения о разделе общего имущества [2]. Отметим, что, с нашей точки зрения, непосредственно «раздел» неделимой вещи как прекращение общности имеет место в случае выплаты одному из супругов стоимости его доли (п. 3 ст. 254 ГК РФ и абз. 2 п. 3 ст. 252 ГК РФ). Иначе это будет соглашение об определении долей в общем имуществе супругов. Возможность заключения такого соглашения специально не предусмотрена в СК РФ. В ст. 74 Основ законодательства о нотари-

ате установлен порядок выдачи нотариусом свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, нажитом во время брака и имеющимся в наличии на момент выдачи свидетельства. Данная норма была принята до введения в действие СК РФ и явилась первым шагом к предоставлению супругам возможности самостоятельного определения судьбы нажитого в период брака имущества. В условиях действия режима общности, который не мог быть изменен супругами по соглашению, указанный вопрос решался путем установления доли одного из супругов с последующей передачей их другому супругу путем заключения гражданско-правового договора (например, дарение доли в праве на конкретное имущество) [16, с. 98-99]. Полагаем, что в настоящее время содержание таких соглашений супругов полностью охватывается положениями о брачном договоре и не нуждается в дополнительной регламентации [17, с. 41-44].

Подводя итог, подчеркнем, что предложения, возникшие в связи с исследованием центрального вопроса настоящей статьи, направлены на формирование системы правовых решений. По словам Рудольфа фон Иеринга, законодатель может ограничиться выражением своих требований в их первоначальной, непосредственно практической форме, наука же имеет своей задачей не только привести в порядок и объяснить их, но и распределить по логическим моментам системы [18, с. 57].

1. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. – М.: Статут, 2005.
2. Чефранова Е.А. Сделки, заключаемые между супругами // Консультант плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
3. Жилинкова И.В. Правовой режим имущества членов семьи. – Харьков, 2000.

4. Архив Ленинского районного суда г. Тюмени Тюменской области. Гражданское дело № 2-3020-06.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2005.
6. Архив Калининского районного суда г. Тюмени. Гражданское дело № 2-1123-2004 г.
7. Архив Калининского районного суда г. Тюмени. Гражданское дело № 2-105-07.
8. Никитина В.П. Имущество супругов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975.
9. Архив мирового судьи Калининского АТО г. Тюмени. Гражданское дело № 2-1458-05.
10. Низамиева О.Н. Семейное право. СПб.: Питер, 2006.
11. Кравцова Л.Н. Семейное право: учебник для вузов. – Ростов н/Д: Феникс, 2008.
12. Масленникова Н.И. Границы судебного усмотрения в делах о разделе имущества супругов // Законодательство о браке и семье и практика его применения (к 20-летию Основ и КоБС РСФСР). – Свердловск, 1989.
13. Архив мирового судьи судебного участка № 1 Центрального АО г. Тюмени. Гражданское дело № 2-19-2008/1м.
14. Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования // Консультант плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
15. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1999. – Ч. 3
16. Рясенцев В.А. Семейное право. – М.: Юрид. лит., 1971.
17. Краснова Т.В. Содержание брачного договора // Гражданское право. – 2005. – № 3.
18. Иеринг, Р. фон. Избранные труды: В 2 т. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2006. – Т. 2.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука**ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ПРЕСТУПНИКОВ-РЕЦИДИВИСТОВ****Ю.М. Антонян**

(проректор по науке Института гуманитарного образования
и информационных технологий, Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор, г. Москва)

Проблема типологии преступников-рецидивистов давно привлекает внимание криминологов. Но речь должна идти не только о выделении среди них отдельных типов, но и о рассмотрении всех рецидивистов в качестве определенного типа, отличного от типа личности преступника, ранее не привлекавшегося к уголовной ответственности лица. Преступник-рецидивист как социальный и психологический тип раскрывается как раз при анализе отдельных подтипов, которые могут быть выделены по самым разным признакам, естественно, существенным. Важность такой типологизации для науки и практики несомненна.

Типологию рецидивистов можно осуществлять по разным признакам: по полу, возрасту, образованию, характеру совершаемых преступлений, числу привлечений к уголовной ответственности, количеству лет, проведенных в местах лишения свободы, и т.д. Так, возможная типология по характеру совершаемых преступлений могла бы включать в себя тех, кто во второй и более раз совершает главным образом насильственные преступления или корыстные, корыстно-насильственные и т.д. Очень важно выделять рецидивистов по числу судимостей, в соответствии с этим признаком можно назвать неоднократно (осужденных «лишь» вторично) и многократно (осужденных три и более раз) преступников.

Прежде всего отмечу, что в криминологии давно уже выделены два типа преступников – антисоциальный и асоциальный, причем они больше всего относятся к рецидивистам, т.е. чаще всего встречаются среди них. Это неудивительно, поскольку черты, характеризующие тот и

другой типы, формируются в процессе неоднократного совершения преступлений, длительного ведения антиобщественного образа жизни и многолетнего пребывания в местах лишения свободы. Первый тип представляют лица, активно ищущие возможность совершения преступлений, заранее готовящие их, создающие для этого необходимые условия. Это, конечно, самые опасные преступники, имеющие немалый криминальный опыт. Второй тип включает в себя тех, которые в силу своей общей дезадаптации, обычно связанной с постоянным пьянством и алкоголизмом, опустились на социальное дно. Они совершают преступления от случая к случаю, когда для этого складываются благоприятные ситуации. Сами преступления, совершаемые ими, не отличаются сложностью с точки зрения их исполнения и обычно не являются тяжкими, тем более особо тяжкими.

Рецидивисты асоциального типа образуют большую количественную группу и, в отличие от рецидивистов антисоциального типа, являются более пассивными, они не ставят перед собой цель сознательно сделать принципом преступный образ жизни. Это лица, которые совершают преступления неоднократно, прежде всего в силу своей социальной деградации, утраты нормальных социальных связей и отношений. Они как бы плывут по жизни, среди них много тех, кто не имеет постоянного места жительства и определенных занятий.

Лица, входящие в эту группу, совершают, как правило, менее тяжкие преступления более примитивными способами, нежели рецидивисты антисоциального типа.

На статистическом уровне установлено, что по мере роста числа судимостей

у рецидивистов тяжесть совершенных ими преступлений может уменьшаться, что свидетельствует о тенденции к трансформации рецидивистов из антисоциального типа в асоциальный в связи с возрастом, общей деградацией личности и неоднократным отбыванием наказания в местах лишения свободы.

Самым распространенным и массовым типом среди рецидивистов является ситуативный тип. Рецидивисты этого типа совершают преступления в зависимости от конкретно сложившейся ситуации. Они обладают не ярко выраженными чертами характера и поведения, им свойственны раздвоение личности, отсутствие прочных моральных принципов, преобладание отрицательных качеств над положительными, неустойчивое отношение к общечеловеческим ценностям, а с другой стороны – отсутствие привычки удовлетворять свои потребности исключительно преступным путем.

При анализе собранных нами данных о личности рецидивиста учитывались следующие параметры рецидивных преступлений: условия возникновения рецидивно-преступного поведения, особенности сопутствующей психобиологической почвы, мотивы преступления, уровень развития правосознания, особенности морально-нравственных ориентаций, психическое состояние, свойства личности и др.

Г.Б. Калманов выделил четыре типа, отражающих определенные особенности личности рецидивистов и объединенных единым механизмом функционирования: **деструктивный** (*гебоидный и конституционально-аффективный*), **дефицитарный**, **дезадаптивный** (*социально-дисгармоничный и социально-дезадаптивный*) и **смешанный** [1, с. 22].

Весьма важным является то обстоятельство, что выделенные в этом аспекте типологические особенности имеют определенные историко-эволюционные предпосылки, поэтому, чтобы была понятна логика междисциплинарного синтеза и предложений по профилактике рецидивных преступлений, целесообразно предварить описательную часть некоторых типологий

кратким историческим теоретическим экскурсом.

Деструктивный тип. Общей особенностью для этого типа рецидивистов является подростковый возраст первого криминального эксцесса (от 12 до 18 лет) и достаточно характерные отклонения в нравственно-этической и аффективно-волевой сферах. В зависимости от доминирования нравственно-этического дефекта или аффективно-волевых нарушений нужно разделить этот тип на два вида: *гебоидный* и *конституционально-агрессивный*.

Еще в середине XIX века, когда криминология находилась в стадии становления, рядом врачей, работавших в тюремных больницах, были заложены основы антропологического направления в уголовно-правовой теории (Морель, J. Prichard, П. Депен). По их мнению, существуют преступники (по известным в то время классификациям, их называли «привычными»), у которых отсутствует чувство раскаяния и угрызения совести после совершенного преступления, а также имеются выраженные дефекты моральных качеств, обозначенные как «моралепатия», «нравственное помешательство», «моральный идиотизм», не поддающиеся исправлению. К. Кальбаум впервые выделил группу заболеваний, основной особенностью которых он считал «бесформенное поведение и извращение чувств». Поставив их в причинную зависимость от биологических возрастных периодов, он обозначил эту группу как гебоиды (от греч. *hebe* – юность, *eidos* – вид), у которых на первый план выступает антисоциальное поведение.

Впервые научное обоснование этому типу преступников дал Ч. Ломброзо, который подтвердил наличие у «привычных» преступников совокупности физических (главным образом антропологических) и психических (слабость ума, ненормальная раздражительность, отсутствие чувства симпатии к ближнему и т.д.) признаков, свидетельствующих о выродившемся (дегенеративном) специальном классе преступника, особой разновидностью человеческого рода. О схожих аномалиях говорят и два других известных криминолога

антропологической школы – Э. Ферри, полагавший, что биологический фактор преступности представляет собой «преступный невроз», и Гарофало – основоположник концепции «опасного состояния». Среди русских криминологов также было немало сторонников антропологического направления. Так, А.С. Владимиров указывал, что привычные преступники действительно имеют такие физические и психические особенности, как эгоизм, не знающий пределов, страсть, поражающая необузданностью, отсутствие правильного понимания личного интереса, безвредного для других. Однако, не отрицая заслуг антропологической школы, он категорически отрицал их врожденную сущность, считая, что преступления у этой категории людей связаны с трудностями приспособления к условиям общественной жизни, требующей стойкости, способности проявлять равномерную энергию и ограничивать страсти.

Хотя выделенные критерии не удовлетворили в последующем криминологов, названные работы можно по праву считать вехой, сместившей полюс акцентов с уголовно-правовой оценки преступления к изучению личности преступника, его психическим и конституциональным аномалиям, что являлось весьма прогрессивным для того времени.

Позднее лиц, относящихся к этой группе, ряд исследователей обозначают как криминальных гебоидов (Rinderknecht, T. Bilikiewicz, и др.) в рамках психопатии. Их характеризуют как эмоционально холодных с выраженными антисоциальными тенденциями, проявляющимися в юношеском возрасте.

Надо сказать, что *гебоидный вариант* занимал небольшой процент (2,6 %) среди всех рецидивистов, однако его типологическая характеристика заслуживает внимания.

Психологический портрет характеризует преобладанием в поведении непонятного упрямства и негативистического отношения к родственникам с немотивированной враждебностью и ненавистью преимущественно к членам семьи.

Их поведение отличается дезадаптивностью, одержимостью страстями или неуравновешенностью психики (личностными аномалиями), сколько целенаправленной деструктивной активностью. Особенностью этой группы рецидивистов является тотальная деформация всех уровней морально-этической сферы при отсутствии четко выраженных сопутствующих социальных, клинико-психологических и психобиологических факторов. Для них характерна особая циничность и жестокость общественно опасного поведения, отсутствие сознания противоестественности совершаемых антисоциальных поступков. Раскаяние в содеянном носит чисто формальный характер и направлено лишь на уменьшение меры наказания.

Понятие о морали у них не просто искаженное или незрелое, а патологически уродливое, носящее деструктивный или, если можно так выразиться, цинично-агрессивный характер. Это может, например, проявляться в циничной жестокости к людям, утрированной заботе или любви к животным. Эмоциональная холодность к чужому страданию для них является довольно характерной чертой, а лживость и возможность воспользоваться чужим доверием возводится в ранг достоинства. Весьма проблематично говорить в отношении таких лиц о деформации правового сознания, скорее, о преступном сознании, детерминирующем устойчивую линию поведения. Характер преступлений у них редко носил ситуационный характер, отличался тщательной подготовленностью, даже если заранее планировалось тяжкое преступление, вплоть до убийства. При этом конечная цель и средства реализации, как правило, были несоизмеримы с последствиями, производя впечатление, что жестокость для них является самоцелью.

При анализе биографии и раннего периода развития таких лиц можно было выявить ряд деликтов, которые указывали на аномалии пубертатного развития, что проявлялось в расторможенности влечений, сексуальной несдержанности, агрессивных формах поведения по отношению к сверстникам и взрослым. Если имело

место раннее приобщение к спиртным напиткам и курению, то это обычно носило демонстративный характер, реакции протеста отличались особой циничностью и грубостью. В целом весьма трудно для этой категории лиц предложить какие-либо психокоррекционные или реабилитационные меры. Скорее всего, эта проблема на современном этапе ее развития в большей степени находится в стадии дальнейшего исследования.

Конституционально-аффективный вариант. Этот вариант деструктивного поведения также недостаточно изучен, хотя проблема эмоционально-агрессивных состояний представлена к настоящему времени большим количеством концепций и направлений. Так, одни исследователи истоки агрессии видят в природных инстинктах, конституциональных особенностях и хромосомных аномалиях. В основном это представители психоаналитических, социобиологических и антропологических ориентаций (К.З. Лоренц, В.П. Эфроимсон, Л. Берковиц, А. Кречмер). Другие выдвигают модель агрессивного поведения, обусловленного психофизиологическими сдвигами, например, при психосоматических заболеваниях (Б.А. Лебедев, К.Е. Моуег, R.S. Schwab), гормональном дисбалансе (Dabbs, Morris, Christiansen, Knussman, Bliss), расстройствах сексуальной сферы (Malamuth, Anderson, Koss, Berry). Третьи делают акцент на деформации социально-психологических, психологических, аксиологических и других свойствах личности (К. Хорни, Г. Салливан, П.Б. Филонов, Л. Адлер, А.Г. Маслоу, J. Pintel, Кэрролл Е. Изард); четвертые – на отклонениях со стороны психодинамических функций ЦНС, например, в рамках «исключительных состояний» и нервно-психических нарушений (Г.В. Морозов, Б.В. Шостакович, Д.Р. Лунц, М.М. Мальцева).

Указанные концепции имеют важное прикладное значение, т.к. в целом верно отражают качественное своеобразие отдельных форм агрессивного поведения, что позволяет целенаправленно планировать комплекс воспитательных и реабилитационных программ, дифференцировать и

индивидуализировать наказание. Однако моноцентрический принцип, заключающийся в сведении всего многообразия преступного, в том числе и рецидивного поведения к агрессивному признаку, замыкает природу данного негативного явления в узкодeterminистические рамки, что ограничивает перспективу разработки стратегических программ предупреждения рецидива преступлений.

Мы отнесли конституционально-аффективных рецидивистов к деструктивному типу по той причине, что устойчивая агрессивность у этих рецидивистов выступала как самоценная форма психологической защиты, а не инструмент взаимодействия со средой, как это имеет место при других аффективных типах, в частности, дезадаптивных формах криминального поведения. Иными словами, агрессия у этого контингента рецидивистов носила враждебный характер с признаками дисфории и цинической бравады. Негативизм к общественным нормам отличался гротескностью и демонстративностью. Подобное поведение чередовалось с неадекватным аффектом ярости, который носил агрессивный и разрушительный характер.

В отличие от *гебоидов*, где в аффекте преобладают приступы немотивированной ярости, здесь имеет место выраженная ненависть, враждебность как характерологическая установка. В преступном поведении у этих рецидивистов всегда присутствуют элементы садизма, стремление унижить свою жертву. В некоторых случаях за такого рода агрессией скрывается самая примитивная форма зависти или чувство страха перед жертвой. Нередко жертвами агрессии становятся случайные люди, когда выместить обиду на действительном обидчике не представляется возможным. В судебной психиатрии такую форму поведения называют «реакцией мимо».

Не является редкостью у этого контингента рецидивистов и аутоагрессивное поведение, у некоторых из них было несколько попыток самоубийства (по-видимому, истерического характера). Способность переживать вину или угрызения совести в содеянном для них не характерна,

равно как и возможность пропускать наличие моральных качеств у других людей.

В сочетании с дефектами в нравственно-этической сфере для этого варианта рецидивистов наиболее характерными являлись отклонения в сфере влечений, поэтому наибольший процент среди них составляли лица, совершавшие изнасилования на перверсной основе, импульсивные кражи и нанесение телесных повреждений из хулиганских мотивов. Частыми спутниками их являлись наркомания, токсикомания, алкоголизм, что повышало общественную опасность. Указанные особенности проявлялись в том же возрастном диапазоне, что и у предыдущего варианта.

Преступники этого типа трудно адаптируются в обществе и достаточно легко интегрируются в криминальной среде в местах лишения свободы.

Дефицитарный тип. При дефицитарном типе аксиологические, социально-психологические, общепсихологические особенности, помимо нравственно-этической деформации, были отягощены психическими расстройствами (психопатия, алкоголизм, токсикомания, наркомания, резидуальные органические нарушения, олигофрения и др.), которые привносили свою патопластическую картину в особенности личности рецидивистов.

Следует заметить, что однозначного определения понятия «дефицитарные нарушения» нет, хотя обычно не вызывает возражения тот факт, что постоянным признаком этих расстройств являются личностные изменения. Диапазон этих изменений характеризуется довольно малой вариабельностью (по выражению А.В. Снежневского, «инвариантностью»), хотя и широкой гаммой переходных состояний. Традиционными определениями этих состояний в клинической психологии и психиатрии являются: астенизация, акцентуации, снижение, деградация, регресс и др.

Поведение в основном определялось структурой дефекта по алкогольному, органическому или психогенному типу. Такого рода характеристики, хотя и отражают определенную степень дезорганизации

психической деятельности, не указывают на структуру повреждения в каждом конкретном случае. Тем не менее эти нарушения имеют прямое отношение к таким показателям психической деятельности, как реактивная лабильность, компенсация-декомпенсация, гиперкомпенсация.

У этой категории рецидивистов за самооправданием нередко стоит не только заблуждение относительно нравственно-правовых норм поведения, но и эмоциональная уплощенность, равнодушное отношение к жертве и, как правило, к людям вообще. Наиболее характерными для них были преступления из хулиганских побуждений, без четкой мотивации.

У рецидивистов этого типа особенности личности проявлялись также сужением круга интересов, ослаблением познавательных процессов, обеднением эмоций, снижением памяти и критики своего поведения, нарушением способности к абстрактному мышлению и опосредованностью иерархии мотивов, эгоцентрических установок и др. Соответственно признаки интеллектуальной недостаточности проявлялись и в поведении, которое характеризовалось неадекватностью по отношению к внешним раздражителям или импульсивностью поступков, расторможенностью влечений, неустойчивым модусом поведения, слабо мотивированными брутально-дисфорическими реакциями и т.п. Эти особенности (нарушения) необходимо учитывать при определении меры наказания и формы виновности через оценку степени дезорганизации интеллектуальной деятельности.

Типичными являлись аффективно-возбудимый, неустойчивый и истерический типы реагирования в структуре акцентуацией, психопатии и психопатоподобного синдрома, а также резкая возбудимость со склонностью к разрушительным действиям; возбудимость по дисфорическому типу с застреванием аффекта на фоне таких характерологических особенностей, как мелочность, педантичность, вязкость, эмоциональная ригидность и жестокость; возбудимость с чертами демонстративности, театральности и утрированности

во время аффекта; высокая склонность к алкогольным и другим эксцессам, к конфликтности и хулиганским действиям; для периода декомпенсации – безудержность поведения, враждебность и агрессивность, возбудимость по малейшему поводу, склонность к сверхценной негативной трактовке отношения окружающих, некротичность к своим поступкам.

Понятно, что в конфликтных ситуациях такая личность плохо себя контролирует, отличается аффективной неустойчивостью, импульсивностью поступков, склонностью к неадекватным формам реагирования и линии поведения в целом. Изучение морально-этических характеристик показало, что в отличие от первой группы у них имело место не столько ее деформация, сколько незрелость, инфантильность. Мышление нередко отличалось поверхностностью суждений, завышенной или заниженной самооценкой при отсутствии четкой социальной направленности, поэтому в структуре антисоциальных форм поведения преобладали ситуационные правонарушения. Для личностных особенностей весьма характерной являлась утрированность таких черт, как властолюбие, эгоцентризм, зависть, нетерпимость, подозрительность, себялюбие, ревность и мстительность. Отсюда становится понятным и характерный для них эмоциональный фон преступных мотивов, а именно, на почве ревности, мести, личных обид и т.д.

Дезадаптивный тип. О нем уже говорилось выше, но только на уровне общесоциальных характеристик. Однако важны не только они.

Роль дезадаптивных состояний при рецидивных преступлениях весьма велика, т.к. они являются источником агрессивно-импульсивных или экспрессивно-насилованных поступков, аффективно-суженного сознания, реакций, неадекватных раздражителю, гетероагрессивных форм поведения, внешне безмотивно-насилованного поведения и др. Почвой для них могут быть психогении, психофизиологические или психоорганические нарушения. Главная негативная сторона дезадаптивно-

дисфункциональных состояний состоит в том, что они снижают адаптивные механизмы саморегуляции поведения, что нередко является источником рецидивных преступлений.

Дисфункциональный уровень таких состояний, их качественная и количественная характеристики отличаются чрезвычайным многообразием. Одним из слагаемых этих состояний является дезинтеграция сознания, которая снижает функциональный уровень жизнедеятельности индивида, способность адекватно отражать окружающую действительность и целенаправленно воздействовать на нее. Однако существующие определения психических дисфункциональных состояний отличаются неоднозначностью, хотя и подчеркивается их сложность, многокомпонентность и многоуровневый характер. Еще в конце XIX века W. Wundt выделил три взаимодействующих уровня:

1. Сознательный (осознаваемое актуальное содержание мыслей и переживаний).
2. Подсознательный (содержание, переходящее в нужный момент на сознательный уровень).
3. Бессознательный (инстинктивные механизмы и личное бессознательное – неосознаваемая мотивация аффективных и других общих реакций).

Главное, что обращает на себя внимание в этих исследованиях, – указание на высокий удельный вес в психопатологической картине повышенной раздражительности, склонности к насилию, межличностным конфликтам, злоупотребления алкоголем, импульсивности поведения (J.I. Worker, Gavenar, J.O. Brend, E.R. Parsons, N.G. Glover и др.). Некоторые исследователи подчеркивают разрушительное влияние хронических психотравмирующих факторов на целостное самосознание и структуру личности (J.P. Wilson, N.J. Goodwin), негативизм по отношению к лицам, представляющим власть.

Такой психодинамический механизм исследователи оценивают неоднозначно. Одни считают, что кризисные ситуации не деформируют, а лишь обнажают дефекты

личности. Другие полагают, что неконтролируемое экспрессивное поведение носит защитный характер. Третьи делают акцент на изначальной слабости эмоционально-волевой сферы, которая является почвой для легко возникающих дисфункциональных состояний – «аффективно-суженного», «спутанного» сознания, «растерянности» и других, которые частично или полностью подавляют способность контролировать свое поведение или адекватно реагировать на психогенные факторы.

В зависимости от преобладания социально-психологических дефектов личности рецидивистов или психофизиологических нарушений мы разделили этот тип на два варианта: *социально-дисгармоничный* и *социально-дезадаптивный*.

Социально-дисгармоничный вариант (подтип) можно было бы обозначить и как «социально-приспособленческий», исходя из того, что адекватная социально-психологическая линия поведения для представителей этой группы возможна лишь в диапазоне той социальной среды, которая соответствует их индивидуально-психологическим ресурсам и личностным потребностям. По характеру потребностей, определявших содержание, цели их деятельности и являвшихся движущей силой их поведения, мы разделили этот подтип на две категории: с преобладанием материально-ценностных ориентаций и со стремлением к самоутверждению. Понятно, что сами по себе эти личностные ориентации не являются фатальными для формирования антисоциальных форм поведения и деформации правового сознания.

Однако ложные представления о средствах реализации своих потребностей, их односторонность в системе общественно-ценностных ориентаций, а также искаженная мотивационная тактика, направленная на максимально быстрое и доступное достижение цели, формировали криминальный стиль поведения. Естественно, что такое сочетание создает психологический симптомокомплекс, который не только вступает в антагонизм с реальной действительностью, но и является источником осознанного или неосознанного

постоянного психологического конфликта, который сводится к противоречию между долгом и личными интересами или возможностями и стремлениями. Внутренняя несостоятельность при завышенной самооценке и низком пороге психоэмоциональной устойчивости нередко у них замещается психологическими приемами защиты. Поэтому здесь преобладали осужденные за совершение аффективно-доминантных преступлений, т.е. ситуационных и импульсивных.

Антисоциальная направленность личности рецидивистов этого типа в большей степени определялась пассивно-паразитическим образом жизни, где доминирующими являлись мошенничества, кражи, должностные преступления, проституция.

Социально-дезадаптивный вариант (подтип). Дисгармоничная или незрелая личность может регрессировать под влиянием множества социальных и психосоциальных факторов, избирательно проявляя дезадаптивность, вплоть до тяжкого преступления.

В этом отношении личность, отягощенная нравственно-этическим дефектом, все воспринимает в плоскости своих потребностей и страстей, цель ставит выше ее смысла, что превращает их в конгломерат заблуждений и пороков. Потребности приобретают характер влечений, из них выпадают опосредованные звенья, в результате чего деятельность постепенно становится все более импульсивной. Эмоционально насыщенные переживания могут овладевать сознанием такой личности, способствуя формированию сверхценных идей, одержимых влечений, навязчивых страхов и тревожных состояний, являясь при неблагоприятных условиях основой для преступлений на почве ревности,мести или иных побуждений. Навязчивые страхи могут стать источником аффективно-агрессивных поступков, вплоть до суицидальных.

В прошлом лица с такими особенностями также привлекались к уголовной ответственности. Однако в отличие от предыдущей группы лиц, совершивших убийства из корыстных побуждений, раз-

бои, грабежи, изнасилования и наносивших тяжкий вред здоровью, среди них было значительно меньше ранее судимых (15 %). Наиболее распространенными преступлениями этого подтипа являлись те, которые были совершены из хулиганских побуждений, чаще всего в состоянии алкогольного опьянения, которое усугубляло эмоционально-волевые нарушения, провоцировало возбудимость, конфликтность, раздражительность, импульсивность и тем самым способствовало реализации агрессивных побуждений.

Механизм аффективной агрессии правонарушителя чаще всего запускается в действие при ведущей роли ситуационного фактора, под которым мы понимаем наличие как острого конфликта, непосредственно возникшего перед преступным деянием, так и актуализированной в момент криминала длительно развивавшейся психотравмирующей ситуации. При этом, как показывает наш анализ и материалы пениitenciарных психологов Нижнего Новгорода, могут быть фрустрированы базовые витальные потребности, значимые для конкретного субъекта, блокирование которых воздействует на наиболее уязвимые звенья в его личностной структуре. Данный фактор нередко является основным в генезе развития физиологического аффекта или иного эмоционально-агрессивного состояния, оказывающего существенное влияние на сознание и деятельность рецидивиста при совершении им агрессивного деяния.

Смешанный тип. Он хотя и удивляет своей семантической неопределенностью, является довольно распространенным. Дело в том, что в пестрой картине деструктивных мотивов, комплекса взаимодействующих, взаимопотенцирующих психических аномалий и психогенных факторов выявить соотношение психодинамических сдвигов и степень личностной деформации, определить доминирующие звенья в генезе преступления – задача довольно сложная. Также трудно провести четкую дифференциацию между искаженной духовно-нравственной ориентацией, психосоциальной деформацией и патопсихологическим симптомокомплексом, обус-

ловленным психобиологическими факторами.

Это обстоятельство лишний раз подчеркивает, что криминогенный фактор – прежде всего интегративный фактор. Составляющие его элементы подвижны, параметричны (т.е. при поражении одной функциональной системы поражаются и другие), при взаимодействии они не только взаимопотенцируют друг друга, но и образуют иные по качеству интегративные образования (симптомокомплексы). Степень интеграции может ограничиваться различными уровнями, каждый из которых (психосоциальный, психический, психофизиологический и др.) занимает определенное место в общей организации антисоциального, в том числе рецидивного, поведения.

Может быть предложена типология многократно судимых рецидивистов и в зависимости от того, какие преступления они совершают. В этой связи отметим, что большая часть из них совершает как корыстные, так и насильственные преступления. Поэтому можно сказать, что у них имеется универсальная установка на совершение преступлений и большинству безразлично, какой уголовно-правовой запрет преступить.

Больше всего опасны те, которые совершают только насильственные преступления, особенно тяжкие, в первую очередь, убийства. Такие преступники в силу своей повышенной опасности составляют отдельную группу. Но надо отметить, что рецидив особо тяжких преступлений против личности в немалой степени формируется вследствие порочной судебной и пениitenciарной политики: суды за убийства и прочие опаснейшие преступления часто назначают неоправданно мягкие наказания, а администрация исправительных учреждений представляет к условно-досрочному освобождению лиц, которые несут наказания, явно не соответствующие содеянному; это рождает у освобожденных раньше окончания даже несурового срока наказания ощущение безнаказанности. Убийство, изнасилование или нанесение тяжкого вреда здоровью представляется

им не очень существенным нарушением закона. Раскаяние, как правило, у них отсутствует, а признание своей виновности во время следствия и суда (если, конечно, оно имеет место) носит чисто формальный, даже спекулятивный характер: они признаются только для того, чтобы смягчить наказание. Действительного покаяния в совершенном здесь нет.

Сложившееся положение во многом объясняется тем, что в нашем обществе жизнь, здоровье и достоинство человека не воспринимаются как первостепенно важные ценности. Вся демагогия на этот счет может ввести в заблуждение лишь очень наивного человека. Конечно, с помощью одних наказаний, даже самых суровых, невозможно достичь успеха в борьбе с преступностью. Но наказание в числе предупредительных мер должно занимать вполне достойное место. К. Маркс был не прав, когда утверждал, что «со временем Каина никого не удалось исправить или утешить наказанием» [2, с. 88]. Жизнь свидетельствует о прямо противоположном, хотя далеко не каждого может остановить самое суровое наказание.

Есть основание считать, что лица, в третий раз совершившие особо опасные преступления, всегда должны лишаться свободы пожизненно. Они не могут освобождаться досрочно, их нельзя помиловать или применить к ним амнистию. Если совершивший такое деяние субъект признается невменяемым и помещается в психиатрический стационар, он не может быть освобожден оттуда до конца своих дней.

Другой тип рецидивиста – это те, которые постоянно совершают только корыстные преступления – преимущественно кражи. Беседы с ними, их изучение убеждают, что ничего, кроме краж, они никогда не допускали и в будущем не допустят. Это менее опасные преступники, чем представители предыдущего типа, хотя среди них немало лидеров преступного мира.

Разумеется, такого рода рецидивисты общественно опасны уже в силу того, что они хотя бы один раз совершили кражу; они тем более опасны, что воровали не один раз, их наказывали, но они продолжали поступать так же. Общественная опасность преступного деяния зависит и от самого действующего субъекта. «Миролюбие» (если так можно назвать анализируемую здесь их особенность) представляет собой достаточно выраженную черту их поведения и их человеческую специфику. При этом, разумеется, не следует забывать, что они – многократно судимые рецидивисты, люди иного мира, со своими ориентациями и ценностями, со своим видением мира и себя в нем. Большая часть из них, наверное, не задумывается над тем, можно или нет убивать, и в этом они схожи с остальными людьми. Их антиобщественные установки направлены совершенно на другие вещи. Очень часто они воруют для того, чтобы получить средства на жизнь, и потому, что ничего другого они не умеют; они воруют, чтобы поддержать свой престиж среди других преступников и даже для того, чтобы вернуться в места лишения свободы, где они обретают привычное спокойствие, даже комфорт, признание тех, кого хорошо и давно знают. Они могут воровать и потому, что совершение кражи – это увлекательная игра, ставкой в которой является свобода. Они, конечно, не осознают этой своей бессознательной игровой мотивации.

Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения.

1. Антонян Ю.М. и др. Личность рецидивиста и типология рецидивистов / Ю.М. Антонян, Г.Б. Калманов, Т.А. Ножикина // Сборник научных трудов Института гуманитарного образования. Вып. 8. – М., 2007. – С. 22-30.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

Р.Д. Шарапов

(доцент кафедры расследования преступлений
Тюменского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент)

Современная преступность в России многолика. Наряду с такими свойствами, как особая жестокость, широкомасштабность опасных последствий, вооруженность, организованность, ей все чаще присущ высокотехнологичный, интеллектуальный характер. Формы преступных проявлений порой настолько хитроумны, что правоохранителям приходится сталкиваться с серьезными проблемами не только в их раскрытии и расследовании, но и в уголовно-правовой оценке содеянного (напр., компьютерные хищения, компьютерный терроризм, махинации на рынке телефонии, фиктивный экспорт, легализация преступных доходов и пр.).

К числу таких форм можно по праву отнести противоправное завладение объектами окружающей природной среды, масштабы распространения которого на сегодняшний день в России беспрецедентны. Объектами хищнического захвата частных лиц становятся практически все материализованные компоненты природы (земля, почва, водоемы, недра, растительный и животный мир). К счастью, пока для преступного завладения остаются недостижимыми атмосферный воздух, озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство. Особо распространены водное и лесное браконьерство, противоправные захваты земельных участков, территорий водоемов, незаконная добыча полезных ископаемых недр. В числе основных факторов, способствующих таким посягательствам, не только широта богатыми природными ресурсами просторов Российской Федерации, делающая природоохранную деятельность делом трудоемким и весьма затратным, но и благодаря этому укрепившийся в умах широких слоев на-

селения стереотип «ничейности», бесхозности природных объектов, помноженный на отношение в обществе к природным ресурсам как неистребляемой и вечной субстанции, ничем не обоснованный оптимизм относительно способности природы к самовосстановлению, в итоге создающий иллюзию вседозволенности эксплуатации природных богатств по принципу «ничего, страна большая – не обеднеет».

Между тем представления о бесхозности объектов окружающей природной среды и превратное понимание тезиса «природные богатства – есть достояние народа» не основаны на действующем российском законодательстве. В соответствии с ч. 2 ст. 9 Конституции России земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. А согласно ч. 2 ст. 36 основного закона владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. В соответствии с ч. 2 ст. 214 Гражданского кодекса РФ земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

Таким образом, у природы есть собственник, и если это не частные лица, то таковым является государство. Именно такой подход заложен в основу правового регулирования права собственности на природные ресурсы в России и находит отражение в целом ряде нормативных правовых актов экологического законодательства (ст. 16 Земельного кодекса РФ, ст. 8

Водного кодекса РФ, ст. 8 Лесного кодекса РФ, ст. Федерального закона РФ от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», ст. 10 Федерального закона РФ от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», ст. 12 Федерального закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и др.).

Учитывая данное обстоятельство, есть основания утверждать, что переживаемая Россией вот уже второе десятилетие криминальная экспансия на природные богатства страны в виде хищнического ими завладения олицетворяет собой ни что иное как непрекращающийся криминальный передел собственности. И если в производственно-экономической и потребительской сфере собственность на привычные движимые и недвижимые вещи, некогда принадлежавшие исключительно государству, уже обрела своих новых владельцев, причем не один раз, то в сфере взаимоотношений общества и природы данный процесс криминального «разгосударствления» затянулся и грозит еще затянуться на долгие годы. Не стоит забывать и то, что в призме глобальных международных отношений территория России рассматривается некоторыми странами (в первую очередь США, Китаем, Японией, Финляндией) как весьма привлекательный и до конца не изведанный сырьевой «Клондайк».

В результате наблюдаемого криминального передела природные богатства перестают быть основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, становятся собственническим уделом отдельных лиц и организаций, источником получения ими сверхприбылей. Печально, что в итоге все большее количество россиян лишаются возможности реализовать свое право пользования объектами природы, отторгаются от оккупированных преступниками природных территорий, а то и вовсе выживаются с исконных мест своего обитания. Таков, например, осуществляемый не без помощи нефтегазовых магнатов процесс алкоголизации малочисленных народностей Край-

него севера Тюменской области в целях изживания населения с избылиующих природными ресурсами территорий.

По своим криминологическим параметрам противоправное завладение объектами природы представляет собой незаконное изъятие (обращение) природного ресурса из владения государства или иного собственника с отрывом или без отрыва этого ресурса от окружающей природной среды. Однако законодательство России, в том числе уголовное, оказывается не столь однозначным в правовой оценке такого рода посягательств.

Представляется верным мнение о том, что земля [1, с. 142], водные объекты, полезные ископаемые [2, с. 195-197; 3, с. 119; 4, с. 43; 12, с. 13] как недвижимые предметы права собственности в случае противоправного ими завладения должны расцениваться в качестве предмета преступлений против собственности (глава 21 УК РФ): хищения, в частности мошенничества, либо вымогательства (в той части, в какой оно совпадает с хищением), а почва может выступать предметом любой формы хищения [1, с. 142].

Напротив, незаконное завладение природными ресурсами континентального шельфа или исключительной экономической зоны Российской Федерации, водными биологическими ресурсами, дикими зверями и птицами, лесными насаждениями и древесно-кустарниковой растительностью при прочих условиях расценивается как экологическое преступление, квалифицируемое по ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258 или 260 УК РФ.

Наконец, целый ряд противоправных посягательств в отношении объектов окружающей природной среды в виде самовольного их захвата вовсе не криминализован, таковые отнесены в КоАП РФ к разряду административных правонарушений: самовольное занятие земельного участка (ст. 7.1); пользование недрами без разрешения (лицензии) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (лицензией) (ст. 7.3); самовольная добыча янтаря (ст. 7.5); самовольное занятие водного объекта или пользование им с нару-

шением установленных условий (ст. 7.6); самовольное занятие земельного участка прибрежной защитной полосы водного объекта, водоохранной зоны водного объекта либо зоны санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения (ст. 7.8); самовольное занятие лесных участков (ст. 7.9); пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами без разрешения (лицензии) (ст. 7.11); нарушение правил охраны водных объектов (ч. 3 ст. 8.13); самовольное использование лесов, нарушение правил использования лесов для ведения сельского хозяйства, уничтожение лесных ресурсов (ст. 8.26); незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан (ст. 8.28); нарушение правил пользования объектами животного мира и водными биологическими ресурсами (ст. 8.37).

В судебной практике случаи применения норм главы 21 УК РФ (преступления против собственности) к ситуациям противоправного завладения природными объектами практически не встречаются. Обычно дело переносится в плоскость гражданско-правового разбирательства, в лучшем случае виновные привлекаются к административной ответственности [5, с. 60]. Устойчивая судебная практика сформировалась по уголовным делам об экологических преступлениях, связанных с изъятием природных ресурсов – браконьерству (ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258, 260 УК РФ). Оно составляет 97 % всех регистрируемых в стране экологических преступлений.

Однако последний блок уголовно-правовых норм демонстрирует практически нулевую эффективность предупреждения запрещаемых ими преступлений, его наличие в УК РФ в существующем виде трудно признать обоснованным. Вот некоторые аргументы на сей счет.

1. Имеются серьезные сомнения в конституционности самой идеи законодателя особым образом регламентировать уголовную ответственность за противоправное завладение некоторыми природными ресурсами в главе 26 УК РФ, именуя

такое деяние экологическим преступлением.

Как уже отмечалось, природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Зафиксированные в качестве предмета преступлений в ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258, 260 УК РФ природные ресурсы континентального шельфа или исключительной экономической зоны Российской Федерации, водные биологические ресурсы, находящиеся в состоянии естественной свободы звери и птицы, лесные насаждения и древесно-кустарниковая растительность, несмотря на важность выполняемой ими экологической функции и неразрывную связь их с естественной экологической средой, сохраняют за собой статус объектов гражданских прав, относятся к движимому или недвижимому имуществу, находящемуся, как правило, в государственной (федеральной или субъектов федерации) либо муниципальной собственности. Отсутствие хозяйственного оприходования, в привычном понимании этого слова, и постановки на баланс природных богатств страны с точным подсчетом их количества никак не влияет на правовой режим права собственности на них. Их хищническое с корыстной целью противоправное изъятие (добыча, вылов) по существу представляет собой имущественное посягательство против собственности, причиняющее реальный ущерб природно-ресурсному потенциалу страны в виде количественного уменьшения такового. Однако вместо адекватной оценки подобного рода посягательств как преступлений против собственности наряду с традиционными имущественными деяниями, подчас кстати менее опасными, законодатель снисходительно считает их экологическими. Такое положение идет вразрез с провозглашенным в ч. 2 ст. 8 Конституции России принципом равной правовой защиты всех форм собственности.

Между прочим заметим, что увеличение в КоАП РФ 2001 г. составов административных правонарушений, посягающих на собственность, произошло в основном за счет отнесения к ним нарушений в об-

ласти охраны земли, недр, водных объектов. Приветствуя данный шаг законодателя, В.В. Черников пишет: «Это оправданно, ибо земля, недра, водные объекты, леса (недвижимые вещи) являются составной частью материального субстрата отношений различных форм собственности и одним из видов объектов гражданских прав (ст. 128, 130 ГК)» [6, с. 137].

2. Описанное противоречие не имело бы той остроты, если законодателем была обеспечена симметричность дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемую категорию экологических преступлений подобно тому как это сделано в нормах главы 21 УК РФ, предусматривающих ответственность за хищение чужого имущества, а главное – предусмотрена соизмеримая с характером и степенью общественной опасности данных преступлений система санкций. К сожалению, этого до сих пор нет. К примеру, браконьерский промысел водных биологических ресурсов при обстоятельствах, указанных в ч. 1 ст. 256 УК РФ, грозит виновному наказанием максимум в виде исправительных работ на срок до двух лет (а при отсутствии таких обстоятельств вовсе является административным правонарушением), в то время как тайное изъятие тех же биоресурсов из специально устроенных или приспособленных для их выращивания водоемов производственных предприятий может повлечь наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет (ч. 1 ст. 158 УК РФ). Дисбаланс в наказании становится особенно ярким, если указанные деяния совершаются организованной группой (2 года лишения свободы по ч. 3 ст. 256 против 10 лет лишения свободы по ч. 4 ст. 158 (!). Аналогичные диспропорции наблюдаются при анализе санкций ч. 2 ст. 253, ст. 258, 260 УК РФ.

3. Избранный законодателем подход к регламентации наказуемости криминального браконьерства, как самого распространенного из числа экологических преступлений посягательств, абсолютно не обоснован не только с юридической, но и с криминологической точки зрения.

Браконьерство, особенно водное и лесозаготовительное, давно перестало

быть бытовым преступлением и по своим масштабам сравнялось с легальным промыслом, «приобрело характер организованной преступной деятельности, нередко осуществляемой должностными лицами с использованием служебного положения, коррумпированных связей, с применением современных промысловых орудий лова и других технических средств» [7, с. 4], характеризующейся сверхлимитным выловом, убоем, отстрелом, вырубкой наиболее ценных промысловых объектов, причиняющей в итоге колоссальный ущерб природе и экономическим интересам страны, являющейся начальной стадией целой цепи преступлений, связанных с незаконной переработкой добытых природных ресурсов, их контрабандой, незаконной реализацией, взяточничеством, легализацией доходов, полученных преступным путем, и т.д.

Вот лишь некоторые цифры, характеризующие масштаб ущерба от одного только водного браконьерства. «Ежегодный ущерб России от браконьерского промысла и бесконтрольного вывоза водных биоресурсов за рубеж оценивается специалистами в 1 миллиард долларов США. Данная сумма сопоставима с расходами государственного бюджета на годовое финансирование любой отдельно взятой отрасли. Только по Дальнему Востоку из-за контрабанды краба федеральный бюджет несет убытки в размере 50 млн. долларов США» [8, с. 3].

Меры наказания, предусмотренные в ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258, 260 УК РФ, явно не учитывают обозначенные криминологические реалии, «они как бы предубеждают, что браконьерство – удел удочников и мелких нарушителей» [7, с. 54].

Применение ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258 УК РФ по совокупности с действительно суровой ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) исключается. Преступное сообщество, как известно, по мнению законодателя, может создаваться только для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. К таковым не относится ни один из вышеупомянутых составов браконьерства (кроме

ч. 3 ст. 260 УК РФ), даже приотягчающих обстоятельствах.

В ст. 256 и 258 УК РФ крупный ущерб образует конститутивный признак основного состава преступления вместо того, чтобы выполнять роль квалифицирующего (отягчающего) признака, а браконьерство в особо крупном размере в указанных статьях вообще не криминализировано в качестве отдельного основания уголовной ответственности. В результате расхитители природных богатств страны, виновные в отлаженном браконьерском промысле, исчисляемом многомиллионными суммами, подвергаются смехотворным санкциям, тогда как обычные воры, грабители, мошенники и разбойники, чьи действия в сумме уже свыше 250 тысяч рублей расцениваются как совершенные в крупном размере, а свыше миллиона рублей – в особо крупном размере, приговариваются к отнюдь не шуточным срокам лишения свободы за особо квалифицированные виды хищений.

Существующий уровень уголовной наказуемости браконьерского промысла, совершаемого в промышленных масштабах организованными преступными группами и преступными сообществами, не идет ни в какое сравнение с наказуемостью иных проявлений организованной преступности, зафиксированных в УК РФ, демонстрирует политику снисходительности к преступникам и их умиротворение.

4. В еще худшем виде вырисовывается картина наказываемости (реального применения наказания) криминального браконьерства, оборачивающаяся фактической безнаказанностью виновных лиц.

Так, по данным судебного департамента Астраханской области по ст. 256 УК РФ «к уголовной ответственности привлечено 1226 человек, осуждено 1224 человека, из них 887 условно, 107 человек – к исправительным работам, 84 осужденным назначен штраф, и лишь 43 человека получили наказание в виде лишения свободы, что составляет 3,8 % от общего числа осужденных. Значительная часть преступников, причинив существенный вред экологии за счет перелова или неучтенного промысла,

с использованием запрещенных орудий (электрошок, взрыв, травление, ставные режаки и крючковые снасти) получает наказание в виде штрафа или исправительных работ, после чего вновь занимается незаконной добычей водных биоресурсов, включая и капитанов промысловых судов, ранее привлеченных к уголовной ответственности» [7, с. 55-56].

А вот конкретный пример. Капитан судна «Гангут», впервые задержанный с 80 тоннами минтая, выловленного без надлежащего на то разрешения, причинивший ущерб по действующим таксам на сумму более 50 млн. рублей, был осужден условно и оштрафован на 20 минимальных окладов. В последующем этот же капитан на этом же судне был задержан с незаконным уловом 200 тонн терпуга, а в следующий раз с уловом 900 тонн камбалы [7, с. 55].

Недооценка характера и степени общественной опасности браконьерства, отнесенного законодателем к категории преступлений, как правило, небольшой и средней тяжести, обусловила то, что согласно п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258, ч. 1 ст. 260 УК РФ, производится в форме дознания. Ввиду небольшого срока (обычно 30 дней) и ограниченности организационно-технических ресурсов этой формы расследования правоприменители испытывают значительные трудности в собирании доказательственной базы по указанной категории дел, предметом которых нередко является хорошо организованная широкомасштабная многоэпизодная преступная деятельность с большим количеством втянутых в нее людей. Положение усугубляется тем, что согласно ст. 8 Федерального закона РФ от 5 июля 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» по данной категории преступлений невозможно проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых

по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. В итоге многим браконьерам удается избежать скамьи подсудимых исключительно по процессуальным причинам.

Безнаказанность правонарушителей, как отмечает В.В. Лунеев, является одной из серьезных причин преступности [9, с. 41], а в сфере противоправного завладения природными ресурсами, пожалуй – главной причиной безудержного распространения этого явления.

5. Много претензий имеется к законодательному описанию признаков составов экологических преступлений, связанных с браконьерским промыслом. Нормотворческий инструментарий, избранный законодателем в ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258 УК РФ, имеет серьезный криминогенный характер – преступники хорошо знают несовершенства указанных уголовно-правовых норм, прекрасно осведомлены о столь же несовершенной практике их применения, чем умело пользуются, чтобы избежать заслуженной ответственности. Вот отдельные примеры.

В соответствии с ч. 2 ст. 253 УК РФ в числе признаков объективной стороны наряду с исследованием, поиском, разведкой без соответствующего разрешения природных ресурсов континентального шельфа или исключительной экономической зоны Российской Федерации названа разработка таких ресурсов. Согласно Федеральному закону РФ от 30 ноября 1995 г. «О континентальном шельфе Российской Федерации», а также Федеральному закону РФ от 17 декабря 1998 г. «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» предметом разработки континентального шельфа и исключительной экономической зоны являются находящиеся там минеральные и другие возможные виды неживых ресурсов. Применительно к добыче живых организмов (водных биологических ресурсов) упомянутые федеральные законы оперируют другими понятиями – «промысел» или «рыболовство». Следовательно, исходя из бланкетного содержания уголовно-правовой нормы ч. 2 ст. 253 УК РФ, сфера ее применения огра-

ничивается помимо незаконной поисково-исследовательской деятельности случаями противоправной добычи исключительно минеральных и других неживых ресурсов морского дна, его недр и вод соответствующих морских районов. А незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов на континентальном шельфе или в исключительной экономической зоне Российской Федерации должна влечь уголовную ответственность на общих основаниях по ст. 256 УК РФ.

Однако на практике многие правоприменители (нередко снабжаемые на сей счет ошибочными научными рекомендациями) [10, с. 12-13], а вслед за ними преступники, далеки от такого понимания уголовно-правовой нормы. Очевидно, ставя во главу угла место совершения преступления (континентальный шельф или исключительная экономическая зона Российской Федерации), ч. 2 ст. 253 УК РФ буквально (бездумно, а то и глубоко продуманно) применяется к любому браконьеру, занявшемуся нелегальным освоением исключительных морских районов. В итоге капитаны рыбопромысловых судов, а также члены их команд, среди которых немало иностранцев, виновные в многократных незаконных уловах, несут «привилегированную» ответственность в виде штрафа (реже лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) вместо того, чтобы быть осужденными к более строгому наказанию по ст. 256 УК РФ, которому подвергаются незадачливые, и очевидно, менее технически оснащенные браконьеры, ведущие свой промысел в территориальном море России. При этом суммы назначенного штрафа наверняка включаются в себестоимость противоправной добычи, совершаемой рецидивистами в очередной раз.

Неудовлетворительным является отношение законодателя к вопросу о том, могут ли признаваться предметом браконьерства наряду с живорожденными представителями водной и наземной фауны плоды живых организмов, в частности яйца птиц и водных животных, икра рыб. Более или

менее однозначный, но, к сожалению, отрицательный ответ на этот вопрос дает диспозиция ст. 258 УК РФ, предусматривающая в качестве предмета незаконной охоты птиц и зверей. Напротив, ст. 256 УК РФ, где в качестве предмета преступления фигурируют водные биологические ресурсы, столь однозначного вывода не содержит. В соответствии со ст. 1 Федерального закона РФ от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» под водными биологическими ресурсами понимается рыба, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы. Несмотря на ценность во всех отношениях икры рыб и других плодов водных животных, которые по своей природе, безусловно, являются объектами животного мира, а именно водными биоресурсами, в правоприменительной практике не принято считать их предметом водного браконьерства.

Такое положение активно используется браконьерами. Так, в Каспийском море при незаконной добыче осетра браконьеры оставляют себе лишь икру, орудия лова прячут в специальных укрытиях, а от разделанных туш рыбы избавляются. В случае задержания пограничниками или рыбнадзором браконьерского баркаса с икрой доказать факт незаконной добычи по ст. 256 УК РФ проблематично в силу того, что сама по себе икра без тушек рыбы предметом незаконного вылова не считается. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 175 УК РФ за приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, также составляет трудности, так как по этой статье следует доказать, что владелец икры заведомо знал, что она добыта преступным путем. Это сделать невозможно, так как не доказан сам факт браконьерства. Налицо юридический тупик, позволяющий преступникам уйти от всякого наказания.

Таким образом, подтверждаемая приведенными данными практически нулевая эффективность предупредительного воздействия уголовно-правовых норм об ответственности за браконьерство обра-

чивается криминогенностью уголовного закона в этой части.

Нельзя сказать, что законодатель совершенно «слеп» и не осведомлен о сложившейся криминальной ситуации в сфере охраны и рационального использования природных ресурсов страны. В соответствии с Федеральным законом РФ от 22 июля 2008 г. «О внесении изменений в статью 260 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» существенно увеличена мера наказания за незаконную рубку лесных насаждений, а совершение данного посягательства в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой перешло в разряд тяжких преступлений. Есть основания полагать, что на этом российский законодатель не остановится. Можно прогнозировать дальнейшее ужесточение санкций и за другие виды браконьерства.

Однако, по нашему мнению, такая перспектива уголовно-правовой политики не адекватна существующей криминальной угрозе в сфере природопользования, носит характер полумеры и является лишь имитацией настоящего противодействия криминальному завладению объектами окружающей природной среды. Требуется кардинальная перемена подхода к регламентации ответственности за такого рода посягательства. Совершенно безоружной, абсолютно неэффективной и доказавшей свою несостоятельность в современных условиях оказалась традиция российского нормотворчества, основанная на понимании того, что природные ресурсы есть «дары природы, образовавшиеся без приложения труда человеческого, в связи с влиянием народных воззрений, коренящихся в прежнем времени, часто заставляют законодателя относиться к ним иначе, чем к предметам, выработанным потом и кровью людей. Захват их не почитается похищением, а если привлекается к уголовной ответственности, то лишь как недозволенное извлечение выгод из чужой собственности – земли, на которой растет лес, воды, в которой ловится рыба, и т.п., т.е. как само-

вольное пользование чужим имуществом» [11, с. 165]. «Между тем, – как еще в начале прошлого века верно отмечал И.Я. Фойницкий, – здесь пользование переходит в присвоение и издержание на себя продуктов чужой собственности» [11, с. 165]. Неубедительны аргументы современных авторов, исключаящих природные ресурсы из предметов преступлений против собственности на том основании, что их гражданский оборот ограничен, а считать их предметом хищения можно лишь в той мере, в какой их оборот допускается законом, предполагающим свободное осуществление их собственником права владения, пользования и распоряжения данными объектами недвижимости [1, с. 149].

Подобного рода взгляды питают существующий правовой парадокс – имущественные объекты, имеющие особую ценность в силу выполняемой ими экологической функции и взятые в связи с этим под охрану отдельной отраслью права и законодательства (экологическим правом), охраняются в уголовно-правовом порядке заметно менее интенсивно, чем любое другое недвижимое или движимое имущество.

Все вышеизложенное убеждает, что лучшим решением анализируемой проблемы является полный отказ от особого порядка регламентации уголовной ответственности за посягательства, связанные с завладением объектов окружающей природной среды, в частности браконьерства, с перемещением уголовно-правовой борьбы с такими посягательствами в плоскость правового регулирования ответственности за преступления против собственности. Одновременно основательной ревизии следует подвергнуть соответствующий блок норм административно-деликтного законодательства, представляющего собой на сегодняшний день отдушину для расхитителей природных богатств. Глава 21 УК РФ в этих целях должна быть реконструирована, дабы недвусмысленно подчеркнуть равнозначность (а то и большую значимость) уголовно-правовой охраны природных ресурсов государства и других объектов права собственности. Небесполезным

в этом плане может оказаться опыт законодателей Франции, Германии, Бельгии, Австрии и других государств, уголовному законодательству которых не известен институт ответственности за экологические преступления в виде незаконного завладения природными ресурсами, ибо подобное деяние рассматривается там как имущественное (корыстное) преступление.

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002.
2. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко и др. – М., 1997.
3. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М., 2000.
4. Иногамова-Хегай Л., Герасимова Е. Критерии разграничения преступлений против собственности и экологических преступлений // Уголовное право. – 2006. – № 5.
5. Толкаченко А. Нефтедобыча и нарушение правил использования недр // Уголовное право. – 2006. – № 4.
6. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. В.В. Черникова, Ю.П. Соловья. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2003.
7. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере добычи водных биоресурсов: Учеб. пособие / В.Д. Ларичев, Д.И. Галимов, О.Б. Исаров и др. – М., 2007.
8. Галимов Д.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере добычи водных биоресурсов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
9. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. – 2007. – № 5.
10. Пономарева Е.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с браконьерством на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2006.

11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912.

12. Хабаров А.В. Преступления против собственности: Учебное пособие. – Тюмень, 1999.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.Н. Софронов

(докторант Омской академии МВД России, кандидат юридических наук)

Оперативно-розыскная характеристика преступлений является предметом разнопланового научного исследования современных ученых, результаты которого нами подвержены скрупулезному изучению и анализу. Логика научного исследования позволяет утверждать об обоснованности такого подхода, ибо подобный метод, в конечном счете, обеспечивает возможность отобрать такие точки зрения авторов, которые непосредственно «срабатывают» как на формирование авторского понятия оперативно-розыскной характеристики преступлений, соответствующего предмету исследования, так и на его базе выработке рекомендаций по эффективному решению оперативно-тактических задач по отношению к конкретным составам преступлений.

Подтвердим этот тезис точкой зрения В.Н. Кудрявцева, который считает, что изучение любых антиобщественных явлений, преследует, в конечном счете, практическую цель: разработать и затем осуществить такие научно обоснованные мероприятия, которые способствовали бы успешному наступлению на эти отрицательные социальные явления, уменьшили бы их распространенность, ликвидировали бы наиболее опасные их формы [1, с. 8].

Преступность как сложное социальное явление служит предметом изучения целого ряда правовых наук, каждая из которых использует присущую ей систему понятий, оценок, категорий и т.д. Так, уголовно-правовая теория наряду с другими институтами разрабатывает понятие «преступление», выделяет его состав, структуру; определяет систему преступлений, виды и меру наказания и т.п. [2, с. 43-62;

86-97]. Уголовно-процессуальная наука в своей основе изучает преступление как предмет расследования [3, 4, 5]. «Процессуальное познание – по определению Ю.П. Боруленкова – направлено на формирование знания о произошедшем социальном событии и на определение его юридической *характеристики* (выделено мной. – В.С.)» [6, с. 11].

Если, например, наука уголовного процесса изучает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (способ, место, время, личность виновного и т.д.), то криминология, по образному определению С.М. Иншакова, разрабатывает специальные методики изучения и анализа преступности, в том числе и латентной, ее причин, личности преступника, эффективности мер предупреждения преступлений [7, с. 8]. Криминология исследует также влияние преступности на общество [8, с. 335].

Юридическая психология раскрывает психические механизмы поведения правонарушителя [9].

Криминалистика, главным образом, исследует преступление с позиции способов их совершения, а также использование различных приемов и методов по его расследованию [10, с. 12-17]. Криминалистическая характеристика преступления, по мнению Р.С. Белкина, должна включать «характеристику исходной информации, систему данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, некоторых обстоя-

тельствах совершения преступления (места, времени, обстановки)» [11, с. 315-316].

В свою очередь, теория оперативно-розыскной деятельности изучает лишь те аспекты преступности, информация о которых необходима для научно-обоснованной организации и тактики применения оперативно-розыскных мер борьбы с ней.

Ограниваясь приведенным, мы приходим к выводу о том, что каждая из указанных теорий изучает преступление и его компоненты под собственным углом зрения, с позиций своих «служебных» функций, для чего и синтезируется самостоятельная характеристика преступления. Такие характеристики различаются, прежде всего, по своим целям. Общее же между ними состоит в том, что они исследуют один объект – преступление. Но задачи исследования при этом совершенно различные.

В теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел институт оперативно-розыскной характеристики вида преступлений активно исследуется с конца семидесятых годов. Именно в этот период появились первые публикации, содержащие более или менее активные попытки исследовать сущность противоправных деяний с позиций теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и с учетом имеющихся научных наработок иных правовых наук.

Актуальность этой проблемы, а также интенсивность ее исследования и в настоящее время достаточно высока и перспективна, поскольку охватывает широкий круг аспектов, поэтому развернувшаяся полемика вокруг понятия, содержания, структуры, а также и наименования, безусловно, обогатит теорию оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в целом.

На наш взгляд, дальнейшее исследование оперативно-розыскной характеристики должно осуществляться с учетом иных наработок в области юридических наук. Данный вывод обусловлен базой изученных работ исследователей, внесших значительный вклад в становление и развитие теории оперативно-розыскной

деятельности органов внутренних дел, в частности их точек зрения о комплексной характеристике преступных деяний.

Действительно, в последние годы в юридической науке наметилась тенденция определения характеристик отдельных видов преступности (насильственная, экономическая, профессиональная, рецидивная, преступность несовершеннолетних, организованная преступность и др.) на основе такого подхода [12, 13].

В связи с этим в процессе исследования нами обращено внимание на работы ученых в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, криминологии и других отраслей научного знания: Р.С. Белкина, В.П. Божьева, Т.С. Волчецкой, А.И. Винберга, С.А. Галунского, В.И. Громова, И.М. Гуткина, Г.Г. Зуйкова, Л.М. Карнеевой, В.А. Лаврова, В.И. Лебедева, Г.М. Миньковского, А.Р. Ратинова, И.Н. Якимова и др. Нами определена именно эта группа ученых, поскольку характерным для их исследований служит то, что они в подавляющем большинстве сходятся во мнении о необходимости именно комплексного подхода к описанию и характеристике преступных деяний.

В частности, Т.С. Волчецкая, разделяя мнение В.И. Шиканова, комплексную характеристику преступлений считает междисциплинарной (интегрированной, синтетической) и включает в нее четыре подструктуры: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминалистическую и криминологическую характеристики [14, с. 11].

А.М. Кустов предлагает использовать в практике также и социально-правовую характеристику преступлений, которая, помимо криминалистической характеристики, включает в себя описание социального, психологического и иных аспектов преступления, т.е. совокупность разноплановых свойств и признаков криминального события [15, с. 220-224].

Мы разделяем такой подход и по отношению к оперативно-розыскной характеристике поскольку, чем больше компонентов, характеризующих то или иное

явление, в том числе и личность, тем шире представление о них, что, в конечном счете, позволяет точнее определить меры, обеспечивающие достижение цели. При этом вопрос о его компонентном составе не может быть решен однозначно для всех видов общественно опасных деяний. Оптимальное количество структурных элементов той или иной характеристики зависит от особенностей изучаемой категории преступлений и выявленных связей между самими элементами. Предварительно, без относительно подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, мы учитываем следующие элементы: уголовно-правовые признаки конкретного преступления; черты личности преступника и потерпевшего; способ подготовки, совершения и противодействия расследованию, в частности, путем сокрытия преступной деятельности; мотивация криминального поведения; реальная распространенность преступлений и сопутствующих им явлений и др.

Обоснуем, почему мы выделили именно эти элементы как определяющие в оперативно-розыскной характеристике преступлений.

Отметим, что из уголовно-правовой характеристики оперативно-розыскная характеристика заимствует юридическую квалификацию содеянного. В *уголовно-правовом аспекте* формируется понятие и признаки преступлений, объект и предмет преступных посягательств, объективная сторона, субъект и субъективная сторона и др. Остается добавить, что, осуществляя борьбу с преступлениями, оперативные работники руководствуются в своей деятельности Уголовным и Уголовно-процессуальным (определяют направления поиска сведений, на основе которых устанавливаются наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащие доказыванию) Кодексами России.

В целях определения закономерностей совершения преступных деяний и установления их тенденций в *криминологическом аспекте*, нами выделяются факторы, характеризующие личность человека, подготавливающего, совершающего или

совершившего преступление. В юридической литературе совершенно справедливо подчеркивается, что оценку преступности следует проводить с учетом не только ее видов, способов, социальных последствий преступных посягательств, но и личностных характеристик субъектов, совершивших преступления [16, 17].

Исследование позволяет нам дать такую характеристику в широком плане: высокий профессионализм; эрудированность в уголовно-правовой сфере; высокий уровень коррумпированных связей среди сотрудников правоохранительных органов; стремление вывести преступную деятельность из-под контроля правоохранительных органов и юрисдикции закона и т.п.

В этой части оперативно-розыскной характеристике следует также учитывать и черты личности потерпевших. Для некоторых групп преступлений потенциальные жертвы обладают повышенной виктимностью*.

Определяющее значение имеет и *криминалистическое учение о способе совершения преступления*. Способ преступления, отмечает Г.Г. Зуйков, представляет собой комплекс взаимосвязанных действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступлений, осуществляемых с использованием способствующих обстоятельств, времени и места, необходимых орудий и средств [18, с. 176]. Мы не находим иных аргументов, подтверждающих необходимость учитывать в оперативно-розыскной характеристике *криминалистическое учение о способе совершения преступления*.

* Виктимология (от лат. *viktima* – жертва) – особый раздел криминологии, учение о жертве преступления. Виктимология изучает личность жертвы, отношение между преступником и жертвой в целях предупреждения преступности. На этой основе виктимология разрабатывает теории, прогнозирующие вероятность стать жертвой преступления, методы работы с жертвой, а также методы защиты потенциальных жертв (см.: Большой юрид. словарь / Под ред. А.Я. Сухарева и др. – М.: ИНФРА – М, 1997. – С. 84).

Следующим элементом оперативно-розыскной характеристики преступлений является *мотивация криминального поведения*. Установление мотива совершения преступных деяний позволяет оптимизировать процесс поиска виновных и формировать необходимые для их изобличения доказательства. Выявление и изучение мотивов имеет важное значение и для разработки типологии личности преступника.

Сделав такой вывод, мы определили в общих чертах концептуальный подход к пониманию оперативно-розыскной характеристики преступлений. Но прежде чем дать определение такой характеристике, предложим анализ различных точек зрения на ее сущность. Это, в свою очередь, позволяет нам в порядке обсуждения высказать ряд соображений относительно ее параметров и составных частей.

Потребность в этом, с нашей точки зрения, определяется и тем, что не все ученые соглашались с необходимостью рассмотрения оперативно-розыскной характеристики преступлений. Например, не бесспорна позиция Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. Так, по мнению последнего, она еще более эклектична, нежели криминалистическая характеристика. «...Здесь данные и уголовного права, и криминологии, включая даже уголовную статистику о динамике преступлений конкретного вида, что уж никак не должно иметь места в научной абстракции (а всякая характеристика преступления – это научная абстракция, поскольку отражает только типичное и устойчивое в преступлении), и практически в полном объеме то, что составляет стержень криминалистической характеристики, – данные о типичных способах преступления и их следах. Ничего оперативно-розыскного такая характеристика не содержит, она не имеет не только практического, но и научного смысла» [19, с. 223-224].

Близко к этому и мнение Т.В. Аверьяновой, утверждающей, что любая разновидность характеристики преступлений, в том числе и оперативно-розыскная (если она претендует на это), должна содержать в себе устойчивые и повторяющиеся элементы, отражающие качественную, а не

количественную сторону явления. Оперативно-розыскная характеристика, по ее мнению, не отвечает этим требованиям. На этом основании нельзя признавать существование в числе других характеристик оперативно-розыскной.

Представляется, что такая точка зрения весьма спорна, поэтому позволим высказать свое суждение по этому поводу.

Во-первых, в этих случаях не учитывается специфика оперативно-розыскной деятельности, ее негласный характер и то, что с этих позиций характеризуется не только оконченное преступление, но подготавливаемое и совершаемое, а также лица подготавливающие, совершающие или совершившие преступление.

Во-вторых, оперативно-розыскная деятельность носит прикладной, обеспечивающий характер, поэтому если не учитывать потребности уголовного процесса, криминалистики, то результаты ее потеряют смысл.

В-третьих, уважаемые оппоненты нередко забывают о том, что криминалистика при исследовании своего предмета часто обращается к понятиям, категориям, институтам, которые разрабатывались в рамках других областей правовых знаний, в том числе в теории оперативно-розыскной деятельности.

По нашему мнению, абсолютно справедливо мнение В.А. Образцова, который, анализируя понятия и содержание криминалистической характеристики преступлений, отмечает, что «...исследования нередко грешат неполнотой, а получаемые результаты не всегда правильно интерпретируются, недостаточно увязываются с потребностями практики» [20, с. 7].

В теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел основные положения, отражающие суть оперативно-розыскной характеристики, с самых общих позиций выглядят следующим образом: оперативно-розыскная характеристика представляет собой научно разработанную систему положений, наиболее существенных, типичных для определенной категории преступлений, борьба с которыми отнесена к компетенции подразделений

криминальной милиции. Практически такая трактовка оперативно-розыскной характеристики и легла в основу для других исследований этого института оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Анализ существующих мнений по поводу института характеристики преступлений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел позволяет нам выделить несколько основных подходов ее определения.

Такие исследователи, как Г.П. Афонькин, В.В. Волченков, В.В. Губанов, М.С. Картавенко, А.Н. Кузьмин, А.М. Михайличенко, В.П. Потехин, А.Б. Утевский, Х.Д. Хачаров, Ю.М. Худяков и др., предлагали такую характеристику определять как *оперативно-тактическую характеристику преступлений*, поскольку она обуславливает принятие тактических мер. Поэтому они определяют ее как комплекс уголовно-правовых, криминологических, психологических и иных (специальных) признаков, которые рассматриваются под углом зрения в решении оперативно-тактических задач; самостоятельную, включающую в себя данные (сведения) об обстоятельствах преступления, используя которые можно было бы решать оперативно-тактические задачи; комплекс признаков, свойственных преступным проявлениям и содержащих информацию о личности преступника, о способах подготовки, совершения и сокрытия противоправных деяний, своевременный и полный учет которых способствует целенаправленному и эффективному решению организационных и тактических задач борьбы с преступностью и т.д.

Подводя итог этой части исследования, отметим, что авторы ничего нового в определение оперативно-тактической характеристики практически не вносят. Касательно же того, что название отражает направленность на решение тактических задач, можно возразить, поскольку оно в равной степени должно отражать и организационный аспект проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Вторая группа ученых, в числе которых А.М. Абрамов, Н.П. Водько, Д.В. Гребельский, К.К. Горяинов, И.А. Климов, В.А. Лукашов, В.В. Сергеев, Г.К. Синилов, В.П. Шиенок и др., предпочтение отдают другому названию – *оперативно-розыскная характеристика преступления*. По мнению данных авторов, такая характеристика представляет собой совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников (входящих, прежде всего, в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и др. характеристики преступлений). В зависимости от характера преступлений она носит динамичный характер и поэтому может дополняться или обходиться без некоторых элементов. Также представляет собой совокупность взаимосвязанных общих и особенных признаков уголовно наказуемых деяний; совокупность уголовно-правовых, криминалистических, криминологических, экономических, психологических, разведывательно-поисковых и иных информационных признаков, учет и использование которых обеспечивает наиболее эффективное применение сил, средств, и методов оперативно-розыскной деятельности для своевременного выявления, раскрытия преступлений, нейтрализации противодействия криминальной среды расследованию и судебному разбирательству.

Не подвергая дальнейшему рассмотрению другие, сходные точки зрения и не вдаваясь в их терминологические различия, представляется, что позиция второй группы исследователей является более аргументированной и последовательной. Этой точки зрения мы и будем придерживаться, поскольку термин «розыскная» значительно более четко отграничивает этот вид характеристики преступлений от понятий, используемых смежными науками. Он подчеркивает ее непроцессуальный разведывательно-поисковый характер.

Авторы первой точки зрения акцентируют свое внимание на том, что характеристика должна обеспечить тактическое

решение возникающих задач, чем и ограничивают ее возможности, нам же представляется, что оперативно-розыскная характеристика более объемна по своему сущностному содержанию и включает в свою структуру такие устойчивые признаки, которые способствуют разработке комплексных организационных и тактических мер.

В заключительной части статьи автором предпринимается попытка дать перечень основных составляющих оперативно-розыскной характеристики преступлений. К таким составляющим при формировании оперативно-розыскных характеристик определенных видов преступлений, могут быть отнесены:

- оценка характеризуемого объекта с позиции общественной опасности, противоправности и наказуемости (определяет компетенцию оперативных подразделений в борьбе с преступностью);

- криминологическая характеристика преступлений (обуславливает специфику всей оперативной работы);

- характеристика способов противоправных действий, ухищрения при совершении и сокрытии преступлений, их разновидности (обеспечивает возможность выявлять лиц подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, определить направления документирования таких противоправных действий);

- характеристика лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление, с позиции его нравственно-психологических особенностей, осведомленность о формах и методах оперативной работы (определяет организационно-тактические приемы проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, обеспечивающих предупреждение и раскрытие преступлений).

Предпринятый нами и кратко излагаемый анализ сущности и содержания оперативно-розыскной характеристики преступлений не претендует на бесспорность. Он является, собственно, одной из многочисленных за последнее время попыток рассмотрения данной проблемы. Вместе

с тем мы позволим сделать некоторые выводы.

Оперативно-розыскная характеристика – институт теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, изучающий порядок формирования сведений о преступлении и лицах его подготавливающих, совершающих или совершивших, позволяющий субъекту криминальной милиции решать организационно-тактические задачи по предупреждению и раскрытию преступления. При этом в настоящее время можно говорить о возможности определять оперативно-розыскную характеристику как с позиции совершенного неочевидного преступления, так и с позиции лица (лиц) его подготавливающего, совершающего или совершившего, что позволяет использовать два понятия: «оперативно-розыскная характеристика преступления» и «оперативно-розыскная характеристика лица подготавливающего, совершающего, совершившего преступление».

1. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М.: Наука, 1976.
2. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 1999.
3. Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1977.
4. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – 2-е изд. – М., 2004.
5. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. – М.: Юридическая литература, 1973.
6. Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. – Владимир: ВГПУ, 2006.
7. Иншаков С.М. Криминология: Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2002.
8. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М.: НОРМА - ИНФРА, 2000.
9. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 1999.
10. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика:

- Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000.
11. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. – М., 1997. – Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации.
12. Криминология: Учеб. / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
13. Основы борьбы с организованной преступностью: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
14. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике. – Калининград: КГУ, 1997.
15. Кустов А.М. Криминалистическая или социально-правовая характеристика преступлений как ориентир в борьбе с преступностью // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: Материалы междунар. науч. конф. / Акад. упр. МВД РФ. – М., 2002.
16. Криминология: Учеб. для юрид.вузов / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2003.
17. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособ. – М., 1998.
18. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: Высшая школа МВД СССР, 1970.
19. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001.
20. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений. – М.: ВИИПиПП, 1984.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

А.Ф. Волынский

(профессор кафедры криминалистики

Академии экономической безопасности МВД России

Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, г. Москва)

Общеизвестна прописная истина – наука только тогда имеет право на существование, когда она востребована обществом, когда она служит ему, способствуя его развитию, обеспечению его благополучия и безопасности. Не исключение в этом отношении и криминалистика. Однако потребность общества в криминалистических знаниях формировалась в общественном сознании не сама по себе и не вдруг, а постепенно и под влиянием того, что принято называть общественным прогрессом. Не случайно зарождение криминалистики приходится на вторую половину XIX века – время становления капиталистических общественных отношений. «Общество, избирая путь демократического развития, – замечает в этой связи В.А. Волынский – все острее испытывало потребность в обеспечении своей безопасности не только от преступности, но и от произвола властей. Его не могли больше устраивать бесчеловечные методы и средства борьбы с преступностью и инквизиторские суды по праву сильного» [1, с. 212].

Вместе с тем возможности удовлетворения таких потребностей общества предопределяются научно-техническим прогрессом, по мере ускоряющегося развития которого совершенствовались и совершенствуются, также с ускорением, криминалистические методы, средства, рекомендации. Иначе говоря, криминалистика как прикладная наука изначально была призвана выступать и выступает проводником достижений науки и техники в практику борьбы с преступностью, в систему острейших, а потому жестко регулируемых законом публичных общественных

отношений. Исходя из этого определяются не только ее задачи, но и социальные функции, которые условно можно разделить на четыре группы: познавательные, созидательные, образовательные и практическо-деятельностные.

Познавательные функции криминалистики реализуются в выявлении и изучении закономерностей: а) самой преступности, тенденций ее развития, способов преступлений и преступной деятельности; б) интеграции современных достижений науки и техники в криминалистику, а через нее в практике борьбы с преступностью; в) правового, организационного и научно-исторического обеспечения использования криминалистических методов, средств, рекомендаций в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Созидательные функции криминалистики проявляются в разработке новых и модернизации имеющихся методов, средств и рекомендаций собирания, исследования и использования розыскной и доказательственной информации; в содействии внедрению результатов таких разработок в практику раскрытия и расследования преступлений; в совершенствовании организации и правового регулирования осуществляемой в этих целях деятельности.

Образовательные функции криминалистики выражаются в криминалистической подготовке субъектов раскрытия и расследования преступлений, предполагающей освоение ими криминалистических знаний и формирование у них навыков и умений реализовывать такие знания на практике; в разработке учебно-методических материалов, в совершенствовании ор-

ганизации и методики учебного процесса по курсу «Криминалистика».

Практико-деятельностные функции криминалистики как прикладной науки реализуются в повседневной деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Через них в конечном итоге проявляются предназначение и общественно значимая роль данной науки.

Эти же функции можно сгруппировать несколько иначе, с учетом более общих целей их реализации:

1. Функции самосовершенствования. Они касаются, прежде всего, методологии и основ теории криминалистики, а вместе с тем ее частных теорий, учений и соответствующих им методов, средств и рекомендаций;

2. Функции формирования условий реализации своих возможностей. Они выражаются в естественном стремлении криминалистики содействовать процессу совершенствования организации и правового регулирования, внедрения в практику и целевого использования ее достижений; соучаствовать в процессе криминалистической (как одного из элементов профессиональной) подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений.

3. Функции внедрения и практической реализации достижений криминалистики в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

При этом уместно заметить, что, определившись в статусе науки, криминалистика постепенно, но все более убедительно, оперируя реалиями практики, популяризирует свои возможности, убеждая общество и законодателя не только в их научной состоятельности, но и в действительности, эффективности, иначе говоря, в допустимости и необходимости их использования в борьбе с преступностью. В этом отношении весьма поучительны научно-популярные издания о возможностях криминалистики, в которых в историческом аспекте раскрываются с ускорением, подстать научно-техническому прогрессу, растущие возможности криминалистики и

особенности их практического использования [2, 3, 4, 5, 6].

Социальные функции криминалистики, несмотря на их разнообразие и направленность, не могут быть представлены иначе как в органическом единстве, причем отражающем прикладной характер криминалистики. Наличие социальных функций криминалистики (иногда их называют служебными) и необходимость их реализации, как одного из важнейших условий дальнейшего развития самой криминалистики и совершенствования криминалистической практики, никем не отрицается, однако изучению их сущности, системы и механизма действия пока не уделяется должного внимания. В учебниках по криминалистике они, за редким исключением, даже не упоминаются. Вместе с тем как факт в криминалистической литературе утверждается, и не без оснований, что между достижениями криминалистики, ее потенциальными возможностями и результатами их внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений образовался «разрыв», который все больше увеличивается по мере ускоряющегося развития научно-технического прогресса и трансформации его достижений в систему криминалистических знаний.

Конец 70-х – начало 80-х годов прошлого века. Модные еще в то время призывы «об укреплении связи науки и практики» явно не срабатывали. Особенно наглядно это проявлялось в прикладных отраслях научного знания, к числу которых относится и криминалистика. Многие ее разработки, предложения и рекомендации десятилетия оставались «вне закона», порождая длительные и зачастую бесплодные дискуссии.

Обращая внимание на это обстоятельство, В.Г. Коломацкий еще в 1979 году попытался сформулировать представление о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений (в одноименной лекции в Академии МВД СССР), суть которого сводилась по существу к анализу некоторых социальных функций криминалистики и разработке на этой основе предложений по укреплению

связей криминалистической науки и практики. В дальнейшем этот взгляд на данную проблему нашел свое развитие и был представлен им в виде отдельной главы в учебнике по криминалистике [7].

Позже Р.С. Белкин, излагая сущность и содержание криминалистического обеспечения, по существу в понимании В.Г. Коломацкого, представил его в виде трех подсистем:

- криминалистические знания;
- криминалистическое образование;
- криминалистическая техника [8, с. 64-69].

При этом не упоминая термин «функции криминалистики», Р.С. Белкин фактически обозначил именно их, хотя в несколько искусственно представленной системе. Во-первых, названные подсистемы рассматриваются им обособленно, без учета взаимообусловленностей, характерных для них проблем и взаимосвязей их решения. А поэтому они представляются как научная абстракция, как некая данность. Во-вторых, не ясно, во всяком случае с первого приближения, почему в этом перечне подсистем криминалистического обеспечения оказалась криминалистическая техника предмет – одного из разделов криминалистики. Возможно потому, что на ее примере более наглядно и убедительно проявляется взаимосвязь криминалистической науки и практики, наличие и особенности реализации тех самых социальных функций, которые нами обозначены выше. И тем не менее, именно с этих позиций, как нам представляется, более конкретно и содержательно воспринимаются понятие и сущность криминалистического обеспечения, его место в системе криминалистики и значение для криминалистической теории и практики.

Более выражено и конкретно взаимосвязь социальных функций криминалистики с криминалистическим обеспечением проявляется при исследовании последнего как специфического двухуровневого вида деятельности, направленной:

а) на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к реализации возможностей криминалисти-

ческих методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений;

б) на реализацию таких условий в повседневной практической деятельности правоохранительных органов.

В таком случае криминалистическое обеспечение выступает по существу в качестве формы реализации социальных функций криминалистики. Не случайно созвучно им условно именуются названные уровни криминалистического обеспечения: первый (а) – созидательный; второй (б) – деятельностный [9, с. 52-56]. Соответственно, его субъектами, в силу должностных обязанностей, являются сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели учебных заведений, руководители и сотрудники подразделений правоохранительных органов, призванных раскрывать и расследовать преступления, и т.д. В конечном итоге круг этих субъектов определяется исходя из содержания социальных функций, реализуемых в порядке криминалистического обеспечения, и решаемых при этом задач.

В дискуссиях о понятии, содержании криминалистического обеспечения, о его месте в системе криминалистики, о его относимости к предмету этой науки, в целом о продуктивности научной разработки данной проблемы, появились диаметрально противоположные взгляды.

В ряде случаев они объясняются весьма произвольной «эксплуатацией» в некоторых научных трудах модной фразы – «криминалистическое обеспечение». Так, под этим названием опубликованы фактически традиционные курсы криминалистики, но с измененным названием ее разделов (технико-криминалистическое обеспечение, тактико-криминалистическое обеспечение и т.п.) [8, 10], подготовлен и защищен ряд диссертаций по криминалистическому и технико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования отдельных видов преступлений, в которых это самое обеспечение зачастую представлено всего лишь на деятельностном уровне [11, 12]. Это вполне объяснимо, хотя на примере расследования отдельно-

го вида преступления практически невозможно всесторонне раскрыть содержание научной категории, имеющей общеметодологическое значение, а соответственно и деятельность, ориентированную на реализацию в целом социальных функций криминалистики.

Иногда проявляется наивное, если не сказать вульгарное, представление о технико-криминалистическом и в целом криминалистическом обеспечении. Например, С.И. Соболевская, претендуя на «новый взгляд» в определении данной категории, на примере расследования пожаров убеждает читателя, что при этом имеет место не криминалистическое, а научно-техническое обеспечение, и здесь же признается, что ей «не совсем понятно, какова связь данной деятельности с криминалистикой (?!), в частности с предметом данной науки» [13]. Такая деятельность, по ее мнению, «относится к предмету исследования какой-либо другой науки, например, науки управления...» [13, с. 280-283]. Заслуга подобных «новых взглядов» на проблему криминалистического обеспечения очевидна только в одном – одни авторы плодят публикации, другие, читая их, вообще не видят необходимости в научной разработке данной проблемы [14, с. 22-23].

Строго говоря, закономерности организации разработок проблем криминалистики, создания средств криминалистической техники, криминалистической подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений, как и организации их работы, непосредственно предметом криминалистики не охватываются. Но при этом резонно возникают другие, далеко не риторические вопросы: а в какой «иной науке» исторически накоплены более объемные и содержательные криминалистические знания о преступности (о способах, методах и средствах преступлений, о лицах, их совершающих); какая «иная наука» имеет более богатый и предметный опыт создания, например, средств криминалистической техники, зачастую выступая при этом в качестве не только заказчика, но и разработчика; какая «иная наука» в состоянии разработать и предложить нам более

рациональные и содержательные приемы и методы криминалистической подготовки сотрудников правоохранительных органов, формирования у них соответствующих навыков и умений? Наконец, только криминалистическая практика, изучение и обобщение которой бесспорно относится к предмету криминалистики, представляет собой наиболее веский аргумент в решении правовых проблем, в частности, допустимости и порядка использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений.

Иначе говоря, ошибочно и даже вредно социальные функции криминалистики отрывать от ее предмета как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств...». Ошибочно хотя бы потому, что криминалистика – прикладная наука и при всей значимости формально-теоретических определений, в том числе ее предмета, реалии практики разнообразнее и сложнее. Это даже вредно, потому что без криминалистической теории и практики, в отрыве от них, реализация указанных функций, в том числе, воспитательного воздействия на тех, кто собирает, исследует и использует доказательства, просто невозможна.

Уместно заметить что криминалистика, будучи синтетической по своей природе отраслью знания, традиционно интегрирует в себе положения других наук, в том числе науки управления, научной организации труда, логики, психологии, без чего просто не получили бы своего развития криминалистические учения о планировании расследования, о взаимодействии субъектов этой деятельности, о розыске и др. Аналогичные, но еще более сложные процессы наблюдаются в пока формирующейся теории о криминалистическом обеспечении; теории, призванной познать сущность социальных функций криминалистики и с позиций этой науки определить наиболее оптимальный путь их практической реализации.

Говоря о социальных функциях криминалистики, следует учитывать влияние на их развитие и возможные варианты их реализации в рамках (или в форме) криминалистического обеспечения как объективных (уголовно-правовая политика, социально-экономические условия жизни общества, уровень его криминализации и т.п.), так и субъективных факторов. В числе первых – резко и негативно изменяющаяся в последние годы преступность. Кстати, в определении предмета криминалистики ничего не говорится о закономерностях формирования организованных преступных групп и особенностях их преступной деятельности, но без их выявления и криминалистического анализа трудно, если и возможно, рассчитывать на успешное противостояние этому новому вызову преступности с позиций криминалистики. Криминологический анализ определенно не преследует целей раскрытия и расследования преступлений и его результаты выступают всего лишь как «информационный фон» для криминалистического исследования [15].

Субъективные факторы, влияющие на развитие и реализацию социальных функций криминалистики, находят свое выражение в различных научных школах, публикациях, дискуссиях, то есть в конкретных действиях конкретных лиц (ученых, специалистов-практиков), которые, по-разному воспринимая и оценивая одни и те же проблемы, соответственно предлагают различные, порой взаимоисключающие варианты их решения. При этом очень важно, чтобы в основе «особого мнения» были социально значимые интересы и профессионализм, но не правовой нигилизм, ведомственный конъюктуризм или служебный эгоизм, чем, если внимательно присмотреться, объясняется наличие многих старых и появление новых проблем организационного и правового обеспечения использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в деятельности правоохранительных органов. В современных условиях деятельности этих органов, в этом же аспекте уместно напом-

нить и о таких понятиях, как служебный долг, честь, совесть и ответственность.

1. Волынский В.А. Криминалистическая техника: Наука. Техника. Общество. Человечество. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2000.
2. Белкин Р.С. Скучная криминалистика. – Ижевск, 1993.
3. Крылов И.Ф. В мире криминалистики. – 2-е издание. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
4. Порубов Н.И. Полвека с криминалистикой против криминала. – Минск: Тесей, 2007.
5. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики / Под ред. Н.С. Алексеева. – М.: Прогресс, 1974.
6. Торвальд Ю. Век криминалистики / Под ред. Ф.М. Решетникова. – М.: Прогресс, 1990.
7. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, И.М. Лузгина. – М.: Акад. упр. МВД России, 1992. – Т. 1. – Глава 5.
8. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Учебник / Под ред. проф. А.В. Аверьяновой и проф. Р.С. Белкина. – М.: Новый Юрист, 1997.
9. Криминалистика: Учебник / Под ред. проф. А.Ф. Волынского и проф. В.П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.
10. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / Под ред. проф. В.А. Образцова. – М.: Высшая школа, 1992.
11. Голубенко Г.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия квартирных краж на первоначальном этапе расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
12. Демин К.Е. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования убийств, совершенных наемными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
13. Соболевская С.И. Научно-техническое обеспечение: новый взгляд на известное понятие // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях:

Материалы всерос. науч.-практ. конф. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. – Тюмень, 2005.

14. Седова Г.Н., Степанов В.В. Дознание. Функция и организация деятельности. – М.: Прибор - Издат, 2003.

15. Каминский А.М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2008.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры**ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
И АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ****М.В. Бызова**

(Помощник Чайковского городского прокурора Пермского края,
аспирант кафедры прокурорской деятельности
Уральской государственной юридической академии, г. Чайковский)

В теории и практике прокурорского надзора (в общепринятом понимании) зачастую апеллируют понятиями «акт прокурорского надзора» и «акт прокурорского реагирования». Несмотря на распространенность употребляемых терминов, ни юридическая литература, ни законодатель не содержит общепринятых дефиниций и не разграничивает данные правовые акты. Справедливо возникает вопрос о том, что необходимо понимать под актом прокурорского надзора и актом прокурорского реагирования, и каково их соотношение?

Отдельными авторами акт прокурорского надзора рассматривается как предусмотренное федеральными законами правовое средство реализации полномочий прокуратуры, используемых прокурором в соответствии со своей предметной и иерархической компетенцией в целях установления нарушений или несоблюдения Конституции РФ и федеральных законов, прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, проверки этих нарушений и принятия мер к восстановлению нарушенной законности [1, с. 21]. Ю.Е. Винокуров рассматривает акты прокурорского надзора как специфические правовые акты, вносимые только прокурором в порядке реализации своих полномочий [2, с. 160]. В.Г. Бессарабов под актом прокурорского надзора понимает нормативно закрепленное правовое средство реагирования прокурора на нарушения законов, используемое в предусмотренных законом формах в ходе реализации полномочий по выявлению, устранению и предупреждению правонарушений [3, с. 206]. А.В. Борецкий и

В.В. Долежан рассматривают акты прокурорского надзора как действия прокурора при реализации своих полномочий, в том числе при реализации «общего надзора», и как документы, касающиеся реализации надзорных полномочий [4, с. 5]. Ряд авторов отождествляют акты прокурорского надзора и прокурорского реагирования, определяя их как документы, являющиеся формой реагирования прокурора на выявленные нарушения закона [5, с. 39].

В зависимости от понятия «прокурорский надзор» приведенные дефиниции актов прокурорского надзора имеют различное содержание. Как известно, прокурорским надзором обозначена не только основная функция органов прокуратуры, но и отрасль юридической науки, учебная дисциплина. Понимая под прокурорским надзором последнее, к числу актов прокурорского надзора можно отнести все без исключения акты прокурора. С этой позиции все дефиниции являются обоснованными.

Исходя из функциональной характеристики прокуратуры, под актами прокурорского надзора следует понимать акты, направленные на устранение нарушений закона при реализации надзорной функции прокуратуры. Представляется, что целесообразно рассматривать акты прокурорского надзора именно через призму классификации функций прокуратуры. С этой точки зрения вышеприведенные понятия актов прокурорского надзора весьма неоднозначны. Ю.Е. Винокуров рассматривает акты прокурорского надзора как специфические правовые акты, вносимые только прокурором в порядке реализации

своих полномочий. В специальной литературе полномочия прокурора подразделяются на надзорные (реализуемые в рамках надзорной функции) и ненадзорные (в сфере иных функций прокуратуры) [6, с. 22]. Не конкретизируя вид реализуемых полномочий, автор необоснованно охватывает понятием «акты прокурорского надзора» – акты, вносимые как в сфере надзорной, так и ненадзорной деятельности прокуратуры. А.В. Борецкий и В.В. Долежан, напротив, четко очерчивают сферу актов прокурорского надзора, указывая, что такие акты рассматриваются как действия и документы прокурора, касающиеся реализации его надзорных полномочий.

Необходимо отметить, что законодатель наделил прокурора рядом полномочий, которые принято подразделять на полномочия по выявлению нарушений закона и реагированию на выявленные нарушения закона. Формой реализации полномочия прокурора являются законодательно закрепленные правовые средства прокурора, которые классифицируются аналогично полномочиям. Представляется, что под актом прокурорского надзора необходимо понимать законодательно закрепленные правовые средства прокурора по реагированию на выявленные нарушения закона, причины и способствующие им условия, имеющие письменную форму выражения и применяемые только в рамках надзорной функции прокуратуры.

Под актом прокурорского реагирования в специальной литературе понимается специфическое установленное законом правовое средство, применяемое указанными в законе должностными лицами органов прокуратуры в ходе осуществления своих надзорных и ненадзорных полномочий [7, с. 118], а также внешняя форма реализации полномочий по выявлению нарушений закона, их причин и способствующих им условий [3, с. 206-207].

Е.Р. Ергашев и В.Г. Бессарабов очерчивают две совершенно разные сферы применения актов прокурорского реагирования: сферу выявления нарушений закона и сферу реагирования на выявленные нарушения закона. Представляется, что акты

прокурорского реагирования являются формой выражения исключительно полномочий по реагированию на выявленные нарушения закона по следующим причинам. В.Г. Бессарабов ограничивает применение актов прокурорского реагирования реализацией полномочий по выявлению правонарушений. К таким актам им отнесено требование о выделении специалистов. Представляется, что данная позиция размывает различия полномочий прокурора по выявлению нарушений и реагированию на них. Известно, что требование о выделении специалиста является полномочием прокурора, направленным на выявление нарушений закона. Применение правовых средств выявления нарушений закона обусловлено их неустановленностью, временным отсутствием достоверных сведений о таковых. В связи с этим упоминание термина «реагирование» является неоправданным. Реагирование не обусловлено фактором, его влекущим, т.е. употребляемый термин не отвечает своему лексическому значению. Слово «реагировать» определяется как проявление своего отношения к чему-нибудь [9, с. 670]. Совершенно логично понимать под объектом, требующим проявления к нему отношения, именно нарушение закона, а не сведения, являющиеся основанием для проведения прокурорской проверки. Прокурорское реагирование как правовое средство, направленное на устранение нарушений закона, берет свое начало с момента сопоставления фактического и юридического содержания правоотношения, раскрывающего состояние законности в той или иной сфере. С этой точки зрения рассмотрение акта прокурорского реагирования как правового средства выявления нарушений закона (в виде требования о выделении специалиста) является нелогичным. Следует признать, что акт прокурорского реагирования применим лишь в процессе реализации полномочий по реагированию на выявленные нарушения закона, поэтому под актом прокурорского реагирования необходимо понимать правовое средство реагирования прокурора на выявленные нарушения закона, при-

меняемое в надзорной и ненадзорной деятельности прокуратуры.

Соотношение актов прокурорского надзора и прокурорского реагирования заключается в том, что данные акты являются видами правовых средств реагирования на выявленные нарушения закона. Акты реагирования включают в себя акты, применяемые как в надзорной сфере деятельности прокуратуры, так и ненадзорной. Акты реагирования, применяемые в надзорной деятельности именуется актами прокурорского надзора. К ним отнесены протест на противоречащий закону правовой акт, представление об устранении нарушений закона, предостережение о недопустимости нарушения закона, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении и др. К актам реагирования, применяемым в ненадзорной деятельности прокуратуры, относятся апелляционные, кассационные, надзорные представления прокурора на судебные решения, а также апелляционные и кассационные жалобы прокурора на решения арбитражных судов.

Признаками актов прокурорского реагирования, следовательно, и актов прокурорского надзора является особая сфера применения, т.е. основанием применения актов являются, как правило, выявленные нарушения закона, причины и условия им способствующие, подтвержденные сведения о готовящемся нарушении закона; данные акты являются формой реализации полномочий прокурора по реагированию на выявленные нарушения закона.

Акты всегда адресованы конкретным лицам – органам, должностным лицам, виновным в нарушении закона или уполномоченным в устранении допущенных нарушений, судам апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, органам государственной власти и должностным лицам, уполномоченным на осуществление производства по делам об административных правонарушениях, и др.

Актам реагирования присуща всегда только письменная форма выражения: данное требование не закреплено законодательно, но выработано многолетней про-

курорской практикой. Федеральный закон «О прокуратуре РФ», процессуальное законодательство закрепляют конкретные виды актов прокурорского реагирования, регламентируя основания их внесения, порядок и сроки рассмотрения отдельными правовыми нормами.

Целью любого акта является устранение нарушений закона, причин и способствующих им условий, восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства. Цель обуславливает требовательный характер актов: прокурор излагает сущность допущенных нарушений закона, нормы закона, которые были признаны нарушенными, и требует их устранения (например, приведение в соответствии с законом противоречащих ему правовых актов, принятия мер по устранению нарушений закона и т.д.). Акты прокурорского реагирования всегда обязательны к рассмотрению.

Необходимо отметить предложенную в литературе классификацию правовых средств реагирования прокурора, согласно которой прокурор применяет средства реагирования как на противоправные так и на правомерные действия органов расследования [10, с. 12]. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что при осуществлении прокурорского надзора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, прокурор применяет средства реагирования не только на выявленные нарушения закона в действиях поднадзорных субъектов, но и на правомерные их действия, к которым можно отнести такое средство, как «утверждение». Оно реализуется посредством совершения прокурором соответствующей надписи на процессуальных документах органов расследования. Несмотря на письменную форму выражения, представляется неоправданным относить его к актам прокурорского реагирования, поскольку данное средство не представляют собой письменного документа в традиционном его понимании, а являются лишь обязательным элементом

процессуальных документов органов расследования.

Представляется, что разграничение актов прокурорского надзора и прокурорского реагирования имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Повышение уровня эффективности актов прокурорского реагирования путем определения их понятия, законодательного закрепления их признаков, принципов, более детальная регламентация оснований внесения отдельных актов прокурорского реагирования, порядка и сроков их рассмотрения является одной из важных задач, стоящих сегодня не только перед органами прокуратуры, но и всей правоохранительной деятельностью государства, поскольку полное, всестороннее и оперативное восстановление законности, нарушенных прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, возможно лишь при наличии четко выверенного и отточенного правового инструментария, имеющего законодательное закрепление.

1. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Норма, 2005.

2. Прокурорский надзор: учебник / Под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. – М.: Высшее образование, 2005.

3. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: Учебник. – М.: Проспект, 2006.

4. Борецкий А.В., Долежан В.В. Акты прокуратуры по общему надзору: Учеб. пособие, 1983.

5. Прокурорский надзор: Учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин, В.Н. Калинин. – М.: Эксмо, 2006.

6. Ергашев Е.Р. Компетенция прокуратуры Российской Федерации: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад., 2008.

7. Ергашев Е.Р. Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1(53).

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2003.

10. Кожевников О.А. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад., 2006.

**Раздел 7. Проблемы юридической науки и практики:
взгляд молодых исследователей**

**ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ АУТЕНТИЧНОГО ТОЛКОВАНИЯ
И ПРАВОТВОРЧЕСТВА**

В.А. Лазарева

(аспирант Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права)

Проблема соотношения аутентичного нормативного толкования и правотворчества является весьма острой. Оно близко соприкасается с правотворчеством, поскольку производится органом, принявшим толкуемый акт, что создает возможность появления неблагоприятных последствий в виде внесения посредством толкования изменений в разъясняемые нормы права. Такая практика явно нежелательна, она противоречит назначению толкования, т.к. последнее сводится к раскрытию смысла, который вложил законодатель в уже действующий акт.

Затрагивая данную проблему, В.С. Нерсисянц отмечает: «Использование безграничных возможностей аутентичного толкования открывает (особенно для различных министерств и иных структур исполнительной власти) широкий простор для обхода закона и для бесконтрольного произвола в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности. Аутентичное толкование ведет к отрицанию правопорядка и законности в стране, к разрушению иерархии источников действующего права, к девальвации роли закона и бюрократизации нормативной системы, к откровенной и повсеместной подмене общих требований закона всевозможными ведомственными псевдотолкованиями и конъюнктурными разъяснениями о том, что в стране на самом деле является правом с точки зрения соответствующего органа или чиновника, его инструктивных и директивных приказов и писем...» [1, с. 503].

Такие проблемы действительно существуют и требуют обсуждения, поскольку случаи выхода за пределы толко-

вания и создания новых правовых норм при толковании нормотворческим органом изданного им же нормативного правового акта нередки. Кроме того, в условиях отсутствия какой бы то ни было правовой регламентации аутентического толкования на федеральном уровне и наличия противоречивого нормативного регулирования данного вопроса на региональном уровне эта проблема приобретает все большую актуальный характер.

Говоря об аутентичном толковании, ряд исследователей фактически отождествляет акты данного толкования с нормативными правовыми актами, т.е. сводит данное толкование к правотворчеству, не признавая его, по сути, толкованием как таковым. Особенно сильны были традиции именно такого понимания аутентического толкования права в русской дореволюционной юридической науке. Для Г.Ф. Шершеневича, например, аутентическое толкование «представляет собою в сущности изъяснение смысла прежнего закона новым законом». Поэтому, по его утверждению, аутентическое толкование «не подходит под тот умственный процесс уяснения мысли, который называется толкованием и который зависит от убеждения, а не от внешней обязанности» [2, с. 49]. Еще более определенно высказался об этом Е.Н. Трубецкой. По его мнению, «аутентическое: толкование есть просто новый закон» [3, с. 139]. Сходную с Г.Ф. Шершеневичем и Е.Н. Трубецким позицию занимали Е.В. Васьковский, писавший, что «аутентическое толкование представляет собой законодательную норму, значение аутентического толкования имеет не всякая норма, разъясняющая содержание другой

нормы, а лишь такая, которая издана именно с целью разъяснить другую» [4, с. 32], Н.С. Таганцев [5, с. 94] и др.

Близкие к воззрениям дореволюционных авторов суждения об аутентическом толковании высказывают и некоторые современные ученые. Так, фактически не проводит границу между аутентическим толкованием и правотворчеством В.М. Сырых. Отстаивая точку зрения о том, что Государственная Дума может толковать принимаемые ею законы, он утверждает, что «акты аутентического толкования Государственной Думы могут приниматься только в форме законов и с соблюдением конституционных требований к процедуре их принятия, в том числе требуют одобрения Совета Федерации и согласия Президента РФ» [6, с. 233]. Таким образом, между актом аутентического толкования Государственной Думы и федеральным законом, с точки зрения В.М. Сырых, нет никаких принципиальных различий.

Позиция исследователей, полагающих, что специального права на осуществление аутентичного толкования правотворческому органу не требуется, и данное право прямо вытекает из нормотворческих функций органа или должностного лица, является господствующей в отечественной юридической литературе. Однако должного обоснования своей точки зрения данные исследователи не приводят, ограничиваясь лишь перечислением одних и тех же «постулатов» (право на толкование правотворческим органом своего нормативного правового акта презюмируется: «имея право на большее, он имеет право и на меньшее») и т.д. [7, с. 71-72; 6, с. 233; 8, с. 283]. При этом, на наш взгляд, приводимые «постулаты» являются довольно спорными.

Так, В.С. Нерсисянц, остро поставивший вопрос вообще о недопустимости такого толкования как противоречащего основным началам права и правовой государственности, в обоснование своей точки зрения привел два главных довода.

Первый из них заключается в том, что аутентическое толкование не предусмотрено действующим законодательством. По мнению В.С. Нерсисянца, это как

раз один из тех важных случаев, когда то, что прямо не разрешено законом государственному органу или должностному лицу, ему запрещено, что является нелегальным, то нелегально и антилегально. Для предотвращения такого толкования необходим прямой запрет на занятие государственными органами подобной деятельностью. Суть второго довода состоит в том, что издание нормативных правовых актов и осуществление их официального нормативного толкования (причем как своих, так и любых других актов) представляют собой две совершенно разные функции, а поэтому в условиях разделения властей нельзя допустить, чтобы один орган одновременно обладал двумя соответствующими полномочиями [1, с. 501].

Что касается первого из доводов В.С. Нерсисянца, то действительно, аутентическое толкование на законодательном уровне должным образом не регламентируется. Правда, в последнее время наметилась тенденция официального признания такого толкования. Так, в проектах Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» предполагалось закрепить право толкования федеральных конституционных и федеральных законов за Государственной Думой. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 84 проекта Федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации», подготовленного группой специалистов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Государственная Дума дает толкование федеральных конституционных и федеральных законов, последнее оформляется постановлением Государственной Думы. Для вступления в силу постановления Государственной Думы о толковании федерального конституционного закона проектом предусматривается дополнительное условие. Оно нуждается в утверждении Советом Федерации (ч. 2 ст. 84 проекта Федерального закона № 96700088-2). Толкование иных нормативных правовых актов, согласно рассматриваемому законопроекту, осуществляется исключительно теми правотворчески-

ми органами, которыми они принимают (ст. 85 проекта Федерального закона № 96700088-2) [7, с. 239-240].

Другой довод В.С. Нерсисянца также представляется обоснованным. Его суждение о разной направленности деятельности, связанной с изданием и толкованием нормативных правовых актов, и принципиальной недопустимости в условиях разделения властей сосредоточения двух этих полномочий в руках одного органа, достаточно убедительно. Действительно, толкование права и правотворчество являются совершенно разными видами деятельности, поэтому нежелательно, чтобы правотворческие органы осуществляли официальное толкование своих собственных актов.

Так, согласно принципу разделения властей, государство обладает тремя юридическими (правовыми) функциями (нормоустановление, нормоисполнение (нормообеспечение) и юрисдикция), которые распределяются между различными институтами. При этом такое распределение должно препятствовать концентрации власти в одних руках. Нормоустановительная функция должна заключаться только в создании норм. Все остальное должно относиться к иным функциям (нормообеспечительной и юрисдикционной) [9, с. 34-76]. Толкование норм права – необходимый элемент правообеспечения и юрисдикционной деятельности. В нормотворческой же деятельности оно неуместно.

В советское время в условиях отрицания разделения властей естественной была передача права официального толкования тем органам, которые принимали нормативные акты (например, Верховному Совету СССР). Однако в современных условиях с учетом признания принципа разделения властей теоретически неверно принимать аутентичное толкование как таковое. У каждого органа своя компетенция, а толкование права имеет иную природу, чем нормотворчество, в связи с чем, на наш взгляд, постулаты о том, что «имеющий право на большее, имеет право на меньшее», «право толкования вытекает из права нормотворчества», не являются неопровержимыми. Что же касается Государственной Думы,

то право толкования принятых ею законов не может быть закреплено за данным органом хотя бы потому, что в законодательном процессе участвует не только она. Что касается актов исполнительных органов, то если такому органу предоставлено право принимать нормативные акты, это отнюдь не означает, что этот же орган имеет право аутентичного толкования. По нашему мнению, функция нормотворчества, «распыленная» на конституционном уровне, как правило, между законодательными и исполнительными органами, сама по себе не предполагает права толкования принимаемых органами нормативных актов.

Кроме того, ссылка на то, что никто не может осуществить толкование нормативного правового акта лучше принявшего его органа, также не является веским обоснованием необходимости аутентичного толкования. Ведь нельзя не согласиться, что аутентичность толкования – фикция, поскольку нормативный правовой акт является плодом коллективного труда множества людей, возможно живших задолго до того состава законодательного органа, который осуществляет толкование.

В чем же заключается принципиальное различие правотворчеством и толкованием, почему нельзя наделять один и тот же государственный орган правом издавать нормативные правовые акты и вместе с тем толковать их?

Отвечая на данный вопрос, отметим, что целью правотворчества является установление норм права. Цель же толкования права заключается в уяснении их содержания. В ходе толкования права нельзя создавать новые нормы права или вносить в действующие правовые предписания какие-либо изменения и дополнения. Однако соблюсти это требование на практике весьма непросто. Над интерпретатором всегда висит угроза неверного истолкования норм права, в результате чего он может исказить смысл тех или иных правовых установлений. Когда же нормативный правовой акт устанавливается тем органом, который его принял, то опасность неправильности его интерпретации еще более усиливается. Причем если в первом случае это происхо-

дит неосознанно, то во втором, что нередко имеет место при толковании права, совершается сознательно, когда правотворческий орган по самым разнообразным причинам (желанию улучшить акт, отразить в нем новую социально-политическую обстановку, зафиксировать изменение своей позиции по какому-либо вопросу и т.п.) изменяет содержание нормативного правового акта. Причем такое стремление является для правотворческого органа вполне естественным. Обладая правотворческими полномочиями, он просто не видит ничего предосудительного в фактическом изменении содержания акта путем его толкования. Подобная практика является явно нежелательной и даже противозаконной. На наш взгляд, в условиях официального признания аутентического толкования преодолеть такую практику невозможно. Поэтому следует согласиться с мнением В.С. Нерсисянца о недопустимости такого толкования и наложения на него прямого законодательного запрета.

У правотворческого органа всегда есть возможность внести коррективы в принятый им нормативный правовой акт в рамках предусмотренной законодательством процедуры внесения в него изменений и дополнений. Так, из Определения Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2001 г. № 83-Г01-08 «О признании частично недействительным закона Брянской области «О законах и иных нормативных правовых актах Брянской области» следует: «...изменение содержания норм, в том числе неясного или неточного характера, может быть произведено только в форме принятия равного по значению областному закону акта, т.е. только в форме принятия другого закона, изменяющего (уточняющего, конкретизирующего, устраняющего неточности и т.п.) содержание нормы, нуждающейся в официальном толковании» [10]. Таким образом, если некорректность нормы становится очевидной не только правоприменительным органам, но и самому нормотворческому органу, то этот орган должен не принимать акт толкования, а изменять нормативный правовой акт. Использование

же аутентического толкования, как верно отмечается в специальной литературе, дает «широкий простор для обхода закона и для бесконтрольного произвола в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности» [1, с. 502]. В этих условиях официальное нормативное толкование права должно осуществляться исключительно теми государственными органами, которые сами толкуемые акты не издавали, но получили право на совершение такого действия по закону, т.е. путем легального толкования права.

В связи с этим приведем позицию В.М. Сырых, выступавшего сторонником аутентичного толкования. Он отмечал: «...акты аутентичного толкования могут приниматься только тем органом, который принимает соответствующий нормативный акт, и соблюдением всех процедур, предусмотренных регламентом для принятия такого акта. Следовательно, акты аутентичного толкования Государственной Думы могут приниматься только в форме законов и с соблюдением конституционных требований к процедуре их принятия, в том числе требуют одобрения Совета Федерации и согласия Президента РФ. Именно в таком порядке был принят Федеральный Закон “О введении в действие части первой Гражданского Кодекса РФ”, разъясняющий некоторые неясные вопросы, связанные с вступлением этого закона в силу» [6, с. 233]. Непонятно, чем, по сути, такое толкование отличается от правотворчества, в чем заключается необходимость использования понятия толкования в данном случае? Если Государственная Дума считает, что принятый акт страдает такими недостатками, которые не могут быть преодолены в процессе его реализации и применения, то она должна в установленных законом форме и порядке внести в него необходимые поправки и уточнения. Никакой отдельной процедуры толкования быть не может. Странной выглядит формулировка: «Настоящий Федеральный Закон принимается в целях толкования Федерального закона...»

Проблему аутентичного толкования можно рассмотреть и на уровне Тюменс-

кой области. Прежде всего следует отметить, что в отличие от федерального уровня, на котором этот вопрос нормативно вообще никак не урегулирован, в законодательстве Тюменской области он получил определенную правовую регламентацию.

Так, п. 1 ст. 40 Закона Тюменской области «О порядке подготовки, принятия и действия нормативных правовых и правовых актов Тюменской области» № 121, принятого Тюменской областной Думой 20 февраля 2003 г., устанавливает, что официальное толкование вступивших в силу законов области вправе давать только Тюменская областная Дума как по собственной инициативе, так и по запросам Губернатора области и иных субъектов права законодательной инициативы в областной Думе [11].

Однако осуществление официального толкования Устава Тюменской области согласно ст. 45 данного Устава относится к компетенции Уставного суда Тюменской области [12]. В Законе Тюменской области «Об Уставном суде Тюменской области» от 23 января 1998 г. № 141 также закреплено полномочие Уставного суда давать толкование Устава Тюменской области [13]. К сожалению, указанная статья Устава является недействующей с момента принятия Закона Тюменской области «Об Уставном суде Тюменской области», в который трижды вносились изменения областными законами, а Законом Тюменской области от 13 января 2001 г. № 250 действие его вовсе приостановлено [14]. Тюменская областная Дума постановила создать рабочую группу для приведения Закона Тюменской области «Об Уставном суде Тюменской области» в соответствие с федеральным законодательством. Однако срок действия Закона Тюменской области «О приостановлении действия Закона Тюменской области «Об Уставном суде Тюменской области» был четырежды продлен, последний раз Постановлением Тюменской областной Думы от 22 декабря 2005 г. № 2558 до 1 февраля 2006 г. [15]

В то же время Тюменской областной Думой во втором чтении 24 апреля 2001 г. был принят Проект Закона Тюменской

области «Об уставном суде Тюменской области», в соответствии с п. 1.3 ст. 1 которого Уставный суд Тюменской области уполномочен давать толкование Устава Тюменской области [16]. Однако исполнение Постановления областной Думы «О проекте закона Тюменской области “Об Уставном суде Тюменской области”» от 24 апреля 2001 г. № 1723 было продлено до 1 февраля 2007 г.

Таким образом, законодательство Тюменской области предусматривает наличие органов уставного правосудия и института толкования в Уставе, однако не развивает данные нормы в текущем законодательстве, что ведет к отсутствию указанных органов. Закон Тюменской области «Об Уставном суде Тюменской области» был приостановлен в целях якобы приведения его в соответствие с нормами федерального законодательства. С этого момента судьба уставной юстиции в области остается неясной. Так, Член Комиссии по правам человека и гражданина Тюменской области, заслуженный юрист РФ А.М. Быков назвал несколько причин «нефункциональности» уставного суда: 1) отсутствие финансирования; 2) разногласия при создании такого суда в сложнопостроенном субъекте [17, с. 13]. Ю. Уткин по данному поводу пишет: «К созданию судов областные законодатели почему-то относятся избирательно. К примеру, оперативно сформирован институт мировых судей... А вот с Уставным судом региональная власть не торопится. А между тем подобные суды уже эффективно действуют в других регионах России. У меня в руках, к примеру, один из номеров вестника Уставного суда Свердловской области. Судя по всему, он хорошо и эффективно работает. Не этого ли боятся тюменские законодатели? Судьи обнаружат огрехи в их документах, неприятности последуют. А кому это хочется?» [18]. В продолжение данной темы Ю. Уткин отмечает: «Может быть, Уставному суду нечего делать в нашей области? Тогда давайте посмотрим, для чего он вообще создавался. В ст. 3 Закона Тюменской области «Об Уставном суде Тюменской области» говорится, что Уставный суд созда-

ется в целях верховенства Устава области на территории Тюменской области. Разве это не важно для губернатора и депутатов областной Думы? Может быть, данный суд лишний в системе органов государственной власти и ему просто нечем будет заниматься?» [19].

Следует отметить, что нестабильность экономической и социально-политической обстановки в современной России обуславливает необходимость поиска более эффективных способов модернизации существующей правовой системы, в связи с чем институт уставного толкования может быть использован в качестве действенного средства совершенствования правовой системы.

Большинство субъектов РФ на основании ст. 73 Конституции РФ правомерно отнесли толкование конституций и уставов к собственному ведению [20]. Это соответствует ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», относящей толкование конституций и уставов субъектов РФ к ведению самих субъектов, точнее, к ведению конституционных и уставных судов субъектов РФ [21].

Уставное толкование должно осуществляться специализированными органами уставного толкования субъектов РФ – уставными судами. Такое толкование имеет особый характер, обусловленный прежде всего той ролью, которую играют уставы субъектов РФ в «правовом поле» федеративного государства. В ситуации же кардинальных социально-политических перемен толкование приобретает особую остроту, ибо произвольное и непоследовательное уставное толкование, обусловленное соображениями быстро меняющейся политической конъюнктуры, может повлечь кризис взаимоотношений разных уровней публичной власти, нестабильность федеративных отношений. Особое значение в деле созидания демократического правового федеративного государства приобретает толкование конституций и уставов субъектов РФ по делам, связанным с федеративным устройством [22, с. 57]. Поэтому отсутствие Уставного суда в Тю-

менской области является существенным пробелом.

Таким образом, толкование уставных положений – это, скорее, органическая часть правосудия, нежели законотворчества. Наделение же органа законодательной власти функцией осуществления правосудия нарушает «баланс сдержек и противовесов» в сфере разделения властей.

Так, в Тюменской области правом осуществления толкования Устава наделены формально два органа – Тюменская областная Дума и Уставный суд, фактически же только Тюменская областная Дума. Однако, как уже отмечалось, правотворческий орган вообще не должен осуществлять толкование принятых им нормативных правовых актов – это таит в себе опасность в виде противоправных действий толкующего органа: обход установленного порядка внесения изменений в нормы права, искажение содержания толкуемых норм и, по сути, создания посредством разъяснения новых норм права. И в целом осуществление толкования правотворческим органом принятых им же нормативных правовых актов ведет к тому, что качество результатов правотворчества существенно снижается, этот орган полагает, что нет никакой необходимости стремиться к достижению ясности, четкости и корректности юридических формулировок, совершенствованию законодательной техники, повышению проработанности нормативных правовых актов и т.д., поскольку у него имеется возможность посредством аутентического толкования в дальнейшем внести коррективы в изданный им нормативный правовой акт.

На наш взгляд, в целях разрешения создавшейся коллизии стоит последовать примеру некоторых субъектов РФ, в которых высшие законодательные органы лишены права конституционного (уставного) толкования при условии его осуществления конституционными (уставными) судами (в Воронежской [23], Свердловской [24] областях и г. Москве [25] это сделано прямо, а в Республике Дагестан [26], Коми [27] и Марий Эл [28] – косвенно). Первоочередной же задачей совершенствования

института уставного толкования в Тюменской области является создание реально функционирующего органа конституционной юстиции – Уставного суда Тюменской области.

Подводя итог вышесказанному, сделаем следующие выводы.

Правотворческая и правотолковательная деятельность имеют разную направленность, поэтому в условиях разделения властей недопустимо сосредоточение двух этих полномочий в руках одного органа. Нормотворческая функция сама по себе не предполагает права толкования органами принимаемых ими нормативных актов. Кроме того, осуществление аутентического толкования создает возможность обхода закона и бесконтрольного произвола толкующего органа. У правотворческого органа всегда есть возможность внести коррективы в принятый им нормативный правовой акт в рамках предусмотренной законодательством процедуры внесения в него изменений и дополнений. В этих условиях официальное нормативное толкование права должно осуществляться исключительно теми государственными органами, которые сами толкуемые акты не издавали, но получили право на совершение такого действия по закону, т.е. путем легального толкования права.

1. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2000. – 552 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Автограф, 2001. – 720 с.
3. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Лунь, 1998. – 224 с.
4. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. – 128 с.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. – М.: Автограф, 2001. – Т. 1. – 800 с.
6. Сырых В.М. Теория государства и права. – М.: Былина, 1998. – 512 с.
7. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование: Сб. / Под.

ред. А.С. Пиголкина. – М.: Спарк, 1998. – 283 с.

8. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2002. – 430 с.
9. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). – М.: Юрист, 2001. – 292 с.
10. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2001 г. № 83-Г01-08 // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
11. Закон Тюменской области от 20 февр. 2003 г. № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия нормативных правовых и правовых актов Тюменской области» (с изм. от 8 июля 2008 г.) // Парламентская газета «Тюменские известия». – 2003. – 14 марта.
12. Устав Тюменской области от 30 июня 1995 г. № 6 (с изм. от 7 июня 2008 г.) // Вестник Тюменской областной Думы. – 1995. – № 7.
13. Закон Тюменской области от 23 янв. 1998 г. № 141 «Об Уставном суде Тюменской области» // Парламентская газета «Тюменские известия». – 1998. – 5 февр.
14. Закон Тюменской области от 13 янв. 2001 г. № 250 «О приостановлении действия Закона Тюменской области “Об Уставном суде Тюменской области”» // Парламентская газета «Тюменские известия». – 2001. – 19 янв.
15. Постановление Тюменской областной Думы от 22 дек. 2005 г. № 2558 (действие продлено до 1 февр. 2006 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
16. Постановление Тюменской областной Думы от 24 апр. 2001 г. № 1723 «О проекте закона Тюменской области “Об Уставном суде Тюменской области”» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
17. Шуберт Т.Э. Проблемы образования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Право и политика. – 2000. – № 3. – С. 12-23.
18. Уткин Ю. Устав есть, а суда нет // Парламентская газета. – 2002. – № 1049.

19. Уткин Ю. Размышления о полноте власти // Парламентская газета «Тюменские известия». – 2005. – 3 марта.
20. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
21. Федеральный конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. от 5 апр. 2005 г.) // СЗ РФ. – 1997. – 6 янв.
22. Глигич-Золотарева М.В. Проблемы конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации через призму института толкования // Актуальные проблемы государственного строительства. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2002. – № 34 (190). – С. 55-75.
23. Устав Воронежской области от 7 июня 2006 г. (в ред. от 4 апр. 2007 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
24. Устав Свердловской области от 5 дек. 1994 г. № 13-ОЗ (в ред. от 28 марта 2005 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
25. Устав г. Москвы 28 июня 1995 г. (в ред. от 15 февр. 2006 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
26. Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. (с изм. от 12 окт. 2005 г., 4 апр. 2006 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
27. Конституция Республики Коми от 17 февр. 1994 г. (с изм. от 4 мая 2008 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.
28. Конституция Республики Марий Эл от 24 июня 1995 г. (в ред. от 29 июня 2005 г.) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

А.Н. Курындина

(судья Арбитражного суда Тюменской области, г. Тюмень)

В настоящее время маргинализированные слои населения, лица, социально паразитирующие и наживающиеся на болезненных пороках и пристрастиях человечества, способствуют активной наркотизации населения России и росту наркопреступности, что представляет реальную угрозу безопасности страны. Данные уголовной статистики также подтверждают это: количество зарегистрированных лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в России в 2007 г. составило 104 794 человек.

С сожалением следует констатировать, что подобный вид криминальной активности личности не встречает должного противодействия. Как свидетельствует судебная статистика по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в 2001-2006 гг. наблюдалась тенденция снижения количества осужденных за данные преступления. Так, в 2006 г. темп снижения по отношению к 2001 г. составил 38,1 %, к реальному лишению свободы в 2006 году было приговорено 57 % осужденных, а 42,9 % наркопреступников получило условное осуждение.

Подобная практика приводит к тому, что лица, совершающие преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, поддерживают и воспроизводят функционирование организованной преступности, а наркобизнес, как следствие, успешно противостоит органам государственной власти и управления. Высокий потенциал вредоносности личности наркопреступников и масштабность криминальной активности таких субъектов обуславливают необходимость дальнейшего детального криминологического анализа и

научно-практического исследования преступников данной категории.

Вся совокупность лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в зависимости от характера их систематизации может быть определенным образом классифицирована или типологизирована. Приведенная ниже классификация представлена наиболее низким уровнем обобщения лиц, совершивших преступления: преступники распределяются на группы по единому основанию (например, только по возрасту) [10, с. 107]. В основе классификации могут лежать любые критерии, связанные с преступным поведением, причем эта связь может не носить существенного, закономерного характера.

Обычно классификация преступников основана на их социально-демографических (пол, возраст, образование, род занятий, место жительства и т.д.) и правовых признаках (характер и степень тяжести совершенного преступления, наличие неснятой и непогашенной судимости за предыдущее преступление, форма вины, совершение преступления в соучастии и т.д.) [10, с. 107]. Классификация активно применяется при общей криминологической характеристике преступников.

Цель данной классификации – выявить среди совершивших преступления лиц, распределенных по определенным группам, наиболее распространенные признаки, имеющие криминологическое значение [10, с. 108]. Так, распределяя преступников по половому признаку, можно сделать вывод, что преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, как и преступность в целом, является преимущественно мужским социаль-

ным явлением, хотя доля женщин в сфере наркобизнеса является значительной.

В специальной литературе основным стандартным критерием, по которому строится классификация наркопреступников, является отношение лица к потреблению наркотиков. По данному критерию всех преступников подразделяют на две группы:

– потребители наркотиков (лица, непосредственно употребляющие наркотические средства в немедицинских целях);

– непотребители наркотиков (лица, непосредственно не употребляющие наркотические средства в немедицинских целях) [3, с. 166].

Отличие этих двух социальных групп, помимо субъективного отношения к наркотикам, заключается еще и в том, что преступники, входящие во вторую группу, как правило, «профессионалы-револьверщики», т.е. лица, специализирующиеся на получении преступного дохода исключительно от незаконного оборота наркотиков.

Преступники-наркоманы не отличаются таким постоянством своей преступной деятельности. Их можно рассматривать в качестве «универсальных преступников», т.е. лиц, совершающих, помимо участия в незаконном обороте наркотиков, разнообразные общеуголовные корыстные или корыстно-насильственные преступления, в частности кражи (в том числе и наркотиков), грабежи, разбои и пр., при необходимости получить средства на приобретение наркотических средств.

В свою очередь, первую группу можно разделить на ряд подгрупп:

1. Лица, проявляющие интерес к наркотикам на подсознательном уровне, но лично наркотики не потребляющие, – «подстрекатели». Они, как правило, являются проводниками (распространителями) наркокультуры в молодежной среде.

2. Лица, эпизодически употребляющие наркотики без осознания вредных для своего здоровья последствий, т.е. не имеющие психической или физической наркозависимости (группа «психического риска»). Данные лица принадлежат к неустойчивой

пограничной (маргинальной) социальной группе и при определенных условиях могут либо отказаться от употребления наркотиков (например, в случае создания семьи), либо, наоборот, стать наркоманами (например, при потере высокооплачиваемой, престижной работы).

3. Лица, систематически употребляющие наркотики, но еще не ставшие наркоманами (группа «физического риска»). Данная категория лиц, имея определенную психическую наркозависимость, уже сделала свой выбор в пользу наркомании, но в силу временных критериев еще не стала физически зависимой от наркотиков. Причиной этому может служить либо вид наркотика, который они пока употребляют (например, легким наркотиком является марихуана), либо достаточное физическое здоровье.

4. Лица, больные наркоманией. К этой категории относятся физически наркозависимые хроники, т.е. лица, имеющие стойкую физическую зависимость от наркотиков [3, с. 166].

Таким образом, нами предлагается различать криминологические портреты лиц, занимающихся криминальным наркобизнесом, и мелких хранителей наркотических средств (для личного потребления). Черты криминологического портрета последних имеют значительное сходство с портретом наркомана.

В то же время наркоманами становятся не сразу: в одних случаях привыкание к растительным и химическим препаратам наступает чуть ли не с первого раза, а в других – требуются недели, месяцы и даже годы (многое зависит от индивидуальных характеристик личности и вида принимаемых наркотиков). Поэтому как с медицинской, так и с юридической точек зрения нельзя сопоставлять (тем более отождествлять) понятие «потребитель наркотиков» (лицо, допускающее эпизодическое или систематическое немедицинское потребление наркотических средств, но еще не признанное наркоманом) с понятием «больной наркоманией» [7, с. 28-29].

Есть самые разные суждения о классификации потребителей наркотиков. В

литературе приводится [7, с. 28-29] классификация, предполагающая деление наркопреступников на пять различных групп:

1. Экспериментаторы. К ней относятся лица, не возвращающиеся к этому занятию после первого знакомства с наркотиками. К примеру, кто-то из них поверил книге, посвященной возможности «познать Вселенную» через «чудодейственные» свойства ЛСД (диэтиламид лизергиновой кислоты). После жестокого приступа рвоты это «высокое» стремление пропало окончательно.

2. Эпизодические потребители. К ним относятся в основном те, кто прибегает к наркотикам в силу сложившихся обстоятельств. Допустим, в сомнительной компании молодой человек, опасаясь выглядеть «белой вороной», смело закатывает рукав рубашки для инъекции героина или выкуривает закрутку с марихуаной. Вне названных или иных обстоятельств у этих инфантильных личностей с заниженной самооценкой желания принимать наркотики не возникает.

3. Систематические потребители. Принимают наркотики по определенной схеме. Например, по дням рождения, по случаю достижения значительного результата в работе, раз в квартал и т.п. Наивно полагать, что этот самообман останется без каких-либо негативных последствий для психики и физиологии.

4. Постоянные потребители. Последовательно формируются из первых трех групп. Зачастую зависимы от наркотиков психологически и уже в силу этого вынуждены принимать препараты не только по случаю «знаменательного события», а по причине формирования привычки.

5. Больные наркоманией. Входящие в нее индивиды зависимы от наркотиков не только психически, но и физически. У них явно выраженный абстинентный синдром, возникающий как реакция на отнятие систематического потребления наркотиков и проявляющийся через физические расстройства, болевые ощущения. Он снимается только путем введения конкретного наркотика либо вещества со сходными фармакологическими свойствами.

Классификация такого рода позволяет полемизировать с теми оппонентами, кто утверждает, что человек, потребляющий наркотики, в любом случае болен, следовательно, применять меры наказания к нему нельзя – его нужно только лечить. Между тем первые четыре группы – так называемые поведенческие – требуют принятия в первую очередь воспитательных мер, а вот пятая группа лиц действительно нуждается не только в квалифицированном лечении, но и в социальной реабилитации [7, с. 29].

Кроме того, в качестве критерия, лежащего в основе классификации лиц, участвующих в незаконном обороте наркотических средств, может выступать роль субъекта в механизме соответствующего оборота [4, с. 507]:

– организаторы (руководители) организованных групп, в том числе преступных сообществ (наркобароны), которые нередко формально принадлежат к высшему свету общества, внешне респектабельны, но одновременно аморальны и депотичны. Преступные авторитеты, ранее судимые за преступления в сфере наркобизнеса, хорошо ориентируются в области незаконного оборота наркотиков и располагают крупными денежными средствами, но сами операций с незаконным оборотом наркотических средств не проводят;

– изготовители (производители) – лица, обладающие высоким образовательным уровнем (нередко кандидаты и доктора наук), по специальности химики, фармацевты или имеющие специальные познания в области химии. Данную категорию лиц следует отличать от тех, кто занимается возделыванием наркотикосодержащих культур и их первичной обработкой. Среди них, напротив, преобладают лица с относительно низким образовательным уровнем, работающие в сельскохозяйственной сфере, лица без образования;

– «экспедиторы» («почтальоны»);
– крупнооптовые сбытчики;
– мелкооптовые сбытчики;
– розничные сбытчики (непосредственно сбывают наркотики и часто сами являются наркоманами, при этом имеют

преступный опыт, в том числе по изготовлению и потреблению наркотиков, а также развернутые преступные связи);

– «берущие» лица (систематически собирают деньги у нескольких наркоманов для покупки наркотических средств у одних и тех же лиц);

– распространители «рекламы» (лица, которые бесплатно раздают наркотики всем желающим, нередко с применением различных форм психического насилия, в том числе обмана; часть распространителей «рекламы» становится сбытчиками наркотических средств для оказавшихся в зависимости вследствие распространения такой «рекламы»);

– «сторожа» («кладовщики»);

– содержатели притонов (организуют или предоставляют помещения для потребления, например, отдельную квартиру, дом, дачу; такие лица обычно ранее судимы за незаконный оборот наркотических средств, сами являются потребителями или наркоманами, могут заниматься перевозкой, сбытом, страдать от алкогольной зависимости);

– «кассиры»;

– «прачки» («отмыватели», владельцы (нередко номинальные) банков, иных кредитных учреждений, казино, с помощью которых вовлекаются в легальный оборот деньги, полученные от продажи наркотиков;

– «крыша» (представители правоохранительных органов или иных органов государственной власти, обеспечивающие защиту иных участников (прежде всего организаторов) преступного оборота наркотических средств от уголовного преследования и преследования со стороны конкурентов).

Наркокоррупционеры – это лица, обеспечивающие не только защиту иных участников преступного оборота наркотических средств от уголовного преследования, но и создание особых условий рентабельности наркобизнеса (например, с использованием возможностей военной авиации) [6, с. 53]. Зачастую в механизмы коррупции, связанной с наркобизнесом, втягиваются оперативные работники и сле-

дователи. Существует прямая зависимость между уровнем наркобизнеса и уровнем коррупции в стране в целом и в правоохранительных органах в частности [8, с. 100].

По способу совершения наркопреступлений в литературе выделяют помимо вышеперечисленных категорий лиц, участвующих в незаконном обороте, также наркокурьеров. В настоящее время вместе с поставками крупных партий наркотиков используются и «муравьиные перевозки», когда относительно мелкие грузы перевозят наркокурьеры («мулы» или «ишаки»). Часто в качестве курьеров используют женщин, преимущественно матерей-одиночек, которые совершают эти преступления по мотивам удовлетворения жизненно необходимых потребностей [8, с. 100].

Заслуживает внимание вопрос: относить ли к категории наркопреступников лиц, занимающихся рекламой наркотиков, например, через глобальную сеть Интернет. В литературе отмечается, что наркоторговля постоянно нуждается в агрессивной рекламе для привлечения на свою сторону как можно большего числа потребителей из числа молодежи. Наркомафия рекламирует в Интернете майки, зажигалки, сотовые телефоны с изображением конопли или марихуаны. Наркотики преподносятся как модный, «прикольный» товар. Эксперты указывают на то, что насчитывается более 700 сайтов, которые прямо или косвенно ведут пропаганду наркотиков. На таких сайтах даются советы, как прятать наркотики, чтобы избежать ответственности, как вести себя при встрече с правоохранительными органами, наконец, где и как купить наркотики [9, с. 106].

По нашему мнению, таких лиц также следует считать наркопреступниками. Хотя к уголовной ответственности такие лица привлекаются достаточно редко, вместе с тем они способствуют развитию наркобизнеса, поддержанию высокого уровня наркотизма. Через эти сайты не только пропагандируются, но и распространяются мелкооптовые партии наркотиков. Проблема усугубляется еще и тем, что подобного рода сайты могут быть физически расположены за границами РФ, а в ряде стран

реклама наркотиков через сеть Интернет не преследуется по закону, в связи с чем правоохранительные органы зарубежных государств, как правило, не отслеживают сайты на русском языке с рекламой наркотических средств [9, с. 107].

Вместе с тем, помогая установить связь отдельных свойств личности с преступным поведением, многочисленные классификации не дают объяснения такому поведению. В отличие от классификации, типология лиц, совершающих преступления, представляет собой более высокий уровень обобщения и познания этих лиц, т.к. в основе типологии всегда лежат наиболее существенные криминологически значимые признаки преступников, закономерно связанные с преступным поведением [10, с. 109]. В данном случае в основе выделения какого-либо типа преступника (в отличие от классификации преступников) может лежать не один, а несколько признаков, обязательно имеющих существенное значение для криминологического исследования.

В специальной литературе приводится типология личности наркоманов-преступников [2, с. 46-53]. Выделяется «неадаптированный» тип преступника-наркомана, характерными чертами которого являются аутизация, интравертированность и, как следствие, нарушение социальных контактов, невключенность в нормальное общение, нарушение процессов социализации личности в раннем возрасте. Второй тип – «повышенно-восприимчивый» – отличается повышенной чувствительностью ко всему, что касается интересов личности, приобщившейся к наркомании как к одному из атрибутов антиобщественного образа жизни. Третий тип – «неадекватный» – представлен материально обеспеченными лицами с формально высоким образовательным уровнем, мотивом приобщения к наркотикам которых выступает объективная невозможность адекватного удовлетворения своих потребностей, состояние фрустрированности. Однако при несомненности научной ценности, такая типология не основана на четких критериях выделения типов личности, проводит дифферен-

циацию наркотического преступника, т.е. преступника-наркомана, а не лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Вследствие того что наиболее значимой криминологической характеристикой личности преступника, объясняющей субъективные причины ее преступного поведения, является мотивационная сфера, в юридической литературе наибольшее распространение получили типологии преступников, основанные на характере и содержании криминальной мотивации, а также глубине и стойкости этой мотивации.

На основании проведенного в рамках диссертационного исследования анкетного изучения материалов 270 уголовных дел, рассмотренных судами Тюменской области за 2000-2007 гг., а также по характеру и содержанию криминальной мотивации можно выделить следующие типологии лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств:

1. «Корыстный» тип – лица, сами наркотики не употребляющие, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков как видом бизнеса, получающие прибыль только от него. К данной категории наркопреступников можно отнести наркодилеров всех уровней, заинтересованных в создании сети распространения наркотиков, которая бы включала в себя значительное число мелких и средних сбытчиков и потребителей.

2. «Наркозависимый» тип – лица, имеющие наркотическую зависимость либо употребляющие наркотики эпизодически, приобретающие, хранящие наркотические средства без цели сбыта (для личного употребления).

3. «Полимотивационный» тип – лица, имеющие наркотическую зависимость, приобретающие, хранящие наркотические средства для себя лично, а также в целях сбыта другим наркоманам, с целью извлечения материальной выгоды из таких сделок и возможности использовать полученный доход для приобретения наркотиков для личного употребления. К данному типу относятся наркодилеры-наркоманы,

выступающие средним звеном между наркодилерами, которые сами не потребляют наркотические средства, и наркоманами.

В специальной литературе типологии, основанные на глубине и стойкости криминальной мотивации личности, предполагают выделение следующих типов преступников: особо опасные, десоциализированные, ситуативные, случайные, ситуационные, неустойчивые, злостные и особо опасные рецидивисты [5, с. 305], последовательно-криминальный тип, ситуативно-криминальный, ситуативный, случайный типы и др. [1, с. 106-109]. Однако указанные типологии не позволяют четко отличить один тип преступников от другого, т.к. не являются взаимоисключающими.

Учитывая вышеизложенное, наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой четко выделяются три типа личности преступника: а) последовательно-криминальный; б) ситуативно-криминогенный; в) ситуативный [10, с. 112]. Данная конструкция, на наш взгляд, наиболее удачна, т.к. позволяет четко дифференцировать преступников, а также может быть применима в практической профилактической деятельности.

В зависимости от устойчивости криминогенной мотивации выделяют:

1. Последовательно криминальный тип личности наркопреступника, отличающийся стойкой антиобщественной направленностью и асоциальностью личности, в основе которой лежат сугубо корыстные мотивы совершения наркопреступлений и отрицательное отношение к основным социальным ценностям. Лица данного типа склонны к проявлению повышенной активности, направленной на адаптацию конкретной жизненной ситуации, в которой они находятся, к условиям наркобизнеса. Подобные лица проявляют, как правило, лидерские способности. Вполне закономерно прогнозировать рецидив с их стороны именно при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в связи с этим индивидуальная профилактика в отношении последовательно-криминального типа личности

наркопреступника должна быть особенно интенсивной.

2. Ситуативно-криминогенный тип личности наркопреступника (личностные характеристики достаточно неоднозначны). В структуре нравственно-психологических свойств и качеств преступников, относящихся к данному типу, наряду с негативными имеются и положительные признаки. Преступные действия в сфере наркобизнеса либо выступают в качестве средства достижения корыстных целей, либо вызваны необходимостью приобретения наркотических средств для личного употребления. Ситуация совершения преступления не оказывает решающего воздействия на личность и в основном формируется в результате антиобщественного поведения наркопреступников данного типа. В ряде случаев, когда ситуация препятствует совершению преступления, наркопреступники ситуативно-криминогенного типа могут отказаться от совершения преступлений.

3. Ситуативный тип личности наркопреступника. Нравственно-психологические свойства и качества личности преступника данного типа в основном положительны. Ситуация совершения преступления оказывает решающее воздействие на личность и в основном формируется по вине третьих лиц, когда другими субъектами нарушаются установленные нормы поведения либо когда лицо само употребляет наркотические средства и «втягивается» в систему наркобизнеса.

Среди лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, преобладают те, кто относится к последовательно-криминальному типу личности, чьи криминогенные мотивы порождены образом жизни, благоприятной для совершения преступления ситуацией, которую зачастую моделирует сам преступник.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что меры, направленные на предупреждение формирования криминогенной мотивации на совершение наркопреступлений, должны учитывать типологию личности наркопреступника в

зависимости от направленности и устойчивости криминогенной мотивации. При этом лица, относящиеся к последовательно криминальному типу, должны быть подвергнуты наиболее длительному и интенсивному воздействию, а весь потенциал мер должен быть направлен на предупреждение формирования корыстной криминогенной мотивации. В отношении ситуативно-криминогенного типа меры, направленные на предупреждение формирования криминогенной мотивации, должны дифференцироваться в зависимости от лиц, употребляющих наркотики, и лиц, которые сами наркотики не употребляют, но склонны к совершению наркопреступлений по корыстным мотивам. Оказание профилактического воздействия на наркопреступников ситуативного типа с целью предупреждения формирования криминогенной мотивации должно осуществляться с опорой на весь спектр положительных качеств личности.

1. Алексеев А.И. Криминология. – М., 1998. – 249 с.
2. Алиев В.М. Личность преступника и наркомания. – М., 1993. – 88 с.
3. Ибрагимов И.И. Отдельные вопросы криминологической характеристики личности наркопреступника и оказания на нее коррекционного воздействия // Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия наркотизации общества: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию Белгородского гос. ун-та. – Белгород, 2006. – С. 164-171.
4. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Еминова. – М., 2005. – 734 с.
5. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М., 1976. – 315 с.
6. Мацкевич И.М. Преступность в армейской среде // Социс. – 2000. – № 4. – С. 52-56.
7. Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики противодействия: Учеб. пособие / Ю.М. Ермаков, С.А. Исаков, А.В. Симоненко, В.П. Новиков. – М., 2006. – 304 с.
8. Омигов В.И. Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Экономическая безопасность России. – 2004. – № 4. – С. 97-101.
9. Основы профилактики наркомании: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Кудин. – Белгород, 2006. – 120 с.
10. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: Учебник. – Томск, 2007. – 230 с.

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В.В. Кванина

(заведующая кафедрой предпринимательского и коммерческого права
Южно-Уральского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент, г. Челябинск)

В условиях реформы образования в России активно обсуждается вопрос о путях совершенствования законодательства об образовании.

Проблемы совершенствования образовательного законодательства всегда находились под пристальным вниманием академической общественности. Так, например, еще более чем 20 лет назад Г.А. Дороховой был осуществлен анализ норм законодательства об образовании, выявлены недостатки, предложены пути по его совершенствованию. При этом ею была разработана концепция о признании правовой системы регулирования отношений в области народного просвещения в качестве самостоятельной отрасли законодательства и подотрасли административного права [1, с. 6-7].

В последующем в юридической литературе стала отстаиваться идея о выделении в правовой системе образовательного права в качестве самостоятельной отрасли права. Современным идеологом данной концепции является профессор В.М. Сырых, который полагает, что данная отрасль права имеет свой самостоятельный предмет, метод и принципы правового регулирования [2; 3].

В академическом сообществе вопрос об образовательном праве никого не оставил равнодушным. При этом мнения исследователей разделились: одни полностью солидаризируются с авторами концепции образовательного права как самостоятельной отрасли права [4, с. 155-159; 5, с. 39-40], другие же категорично отвергают данную концепцию, третьи предлага-

ют рассматривать образовательное право в качестве иного правового образования.

Наиболее последовательным критиком концепции о формировании образовательного права как самостоятельной отрасли права является профессор Е.А. Суханов. Он полагает, что «образовательное право» является сугубо условным понятием, за которым в действительности стоит законодательство об образовании – массив нормативных актов комплексного характера, но с очевидно преобладающей административно-правовой природой [6, с. 68-69]. Аналогичной точки зрения придерживается и ряд других ученых, считающих, что на сегодняшний день отсутствует единство предмета образовательного права, т.к. в него одновременно включают педагогические, организационно-управленческие и правовые отношения [7, с. 2; 8, с. 48-49; 9, с. 109-111; 10, с. 25-34; 11, с. 21].

Наряду с концепцией о формировании образовательного права в качестве самостоятельной отрасли права высказано мнение о возможности рассматривать образовательное право в виде комплексной отрасли права [12, с. 11; 13, с. 5; 14, с. 15]. В.И. Шкатулла, являясь сторонником данной позиции, отмечает, что для образовательного права как комплексной отрасли характерно то, что нормы, включенные в ее предмет, одновременно относятся к другим отраслям права, таким как конституционное, трудовое, гражданское, финансовое, административное и др. Ядро образовательного права – педагогическое право [13, с. 5]. Более того, В.И. Шкатулла признает и наличие комплексной отрасли

законодательства – образовательного законодательства. Им подсчитана принадлежность статей Закона об образовании к разным отраслям права. Получается следующая картина: государственное право – 12 статей, педагогическое право – 26 статей, гражданское право – 8 статей, трудовое право – 6 статей, административное право – 4 статьи, финансовое право – 4 статьи, семейное право – 1 статья, земельное право – 1 статья, международное право – 2 статьи [15, с. 12].

Кроме того, в юридической литературе по вопросу об образовательном праве представлена еще одна точка зрения, согласно которой образовательное право представляет собой комплексный правовой институт, состоящий из правовых норм различных отраслей права. С.В. Куров, автор данной научной позиции, исходит из того, что в качестве основы образовательного права выступают нормы, регулирующие педагогические (образовательные – в узком смысле) отношения. Данные отношения исследователь называет образовательно-правовыми. Их отличие от педагогических норм состоит в том, что они обязательно «узаконены» определенным нормативным правовым актом, в то время как педагогические нормы вытекают из целей обучения и воспитания, из их формы, содержания, методики, технологии, самой природы педагогической деятельности, определяются законами и закономерностями педагогики и психологии [16, с. 105].

Выше уже было изложено мнение отдельных исследователей о фактическом существовании новой отрасли законодательства – образовательном законодательстве. По данному вопросу также нет единства точек зрения. Одни авторы рассматривают образовательное законодательство в виде самостоятельной отрасли [17, с. 11], другие же – в виде комплексной отрасли [18, с. 23, 34; 19, с. 5, 11].

Вопрос о комплексности отраслей права и законодательства в теории права не является однозначным. Идея о комплексных отраслях права была выдвинута в пятидесятых годах прошлого столетия В.К. Райхером. Он отмечал, что совокуп-

ность правовых норм следует рассматривать в качестве комплексной отрасли права, если она отвечает трем условиям. Во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм была адекватна определенному специфическому кругу общественных отношений, т.е. имела бы в этом смысле единый и самостоятельный предмет регулирования, а следовательно, и предметное единство. Во-вторых, регулируемый такою совокупностью норм специфический круг отношений должен обладать достаточно крупной общественной значимостью. В-третьих, образующий совокупность правовых норм нормативно-правовой материал должен отличаться достаточно обширным объемом [20, с. 189-190].

Данная теория в последующем была развита другими исследователями. Например, С.С. Алексеев все отрасли права подразделил на основные и комплексные. Последние отрасли он представил в виде вторичных, производных образований. Их содержание состоит из специальных норм, обладающих предметным и известным юридическим единством, но каждая из этих норм имеет главную «прописку» в той или иной основной отрасли, входит в обеспечиваемый ею юридический режим [21, с. 184-185, 193; 22, с. 253-254].

Кроме того, С.С. Алексеев также обосновывал наличие и комплексных отраслей законодательства [22, с. 254-257].

В теории права относительно выделения комплексных отраслей права была высказана и иная точка зрения. В частности, Д.А. Керимов подчеркивал, что для образования отрасли права необходимы качественно однородные общественные отношения, урегулированные соответствующей группой правовых норм, и специфика общественных отношений, которая обуславливает определенный метод правового регулирования. Совокупность этих предпосылок образует внутри единой правовой системы относительно самостоятельную отрасль права, которая объединяет группу связанных между собой правовых норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения. Объединение этих правовых норм в определенную груп-

пу на основе единого предмета правового регулирования обуславливают относительную самостоятельность, устойчивость и автономность отрасли права в рамках правовой системы. По этим причинам, на его взгляд, ни отрасль права, ни правовой институт не могут быть комплексными, т.е. включающими в себя правовые нормы различных отраслей права и правовых институтов. Комплексными могут быть только отрасли законодательства и законодательные институты. Однако и этой возможностью не следует злоупотреблять: лучшим вариантом в законотворчестве является тот, при котором отрасль права совпадает с отраслью законодательства, а правовой институт – с законодательным институтом [23, с. 10, 14]. Однако, как отмечается в теории права, не всегда отрасль права совпадает с отраслью законодательства. В этом случае возможны два варианта: 1) отрасль права есть, а отрасли законодательства нет, 2) отрасль законодательства есть, а отрасли права нет (данный вариант более распространен) [24, с. 238].

Наиболее убедительной представляется позиция Д.А. Керимова. Если отрасль права включает отношения разной отраслевой принадлежности, особенно если одни из них тяготеют к публичному праву, а другие – к частному, говорить о единстве предмета и метода правового регулирования, являющихся основополагающими критериями образования самостоятельной отрасли права, не приходится.

Таким образом, в настоящий период нет оснований говорить о существовании в правовой системе образовательного права как самостоятельной отрасли права, т.к. еще четко не определены ни предмет, ни метод, ни принципы данного права. В то же время не подлежит сомнению, что нормы, касающиеся разнообразных сфер и видов образования, регулирующие педагогические, трудовые, гражданские, административные, финансовые, налоговые, бюджетные и т.д. отношения, представлены в виде комплексного образовательного законодательства. Можно сказать, что в данном случае имеет место второй вариант соотношения отрасли права и законода-

тельства – отрасль законодательства есть, а отрасли права нет.

1. Дорохова Г.А. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о народном образовании: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1982.
2. Сырых В.М. Образовательное право как отрасль российского права. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000.
3. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права: Монография. – М.: Готика, 2002.
4. Григорьев Ф.А. и др. [Рецензия] / Ф.А. Григорьев, В.А. Динес, Е.В. Олесюк // Право и образование. – 2003. – № 1. Рец. на кн.: Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права: Монография. – М.: Готика, 2002.
5. Озеров В.А. Правовые основы образования в Российской Федерации // Право и образование. – 2001. – № 3.
6. Суханов Е.А. О концепции Кодекса об образовании и самостоятельного «образовательного права» // Проблемы и перспективы законодательства об образовании и его кодификации: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11-12 окт. 2001 г. / Отв. ред. А.Я. Капустин, В.В. Еремян. – М.: РУДН, 2002.
7. Бажанов Н.Н. «Образовательное право» и некоторые проблемы законодательства об образовании // Юридическое образование и наука. – 2004. – № 1.
8. Асеева А.А. Особенности правового регулирования труда научно-педагогических работников и работников, совмещающих работу с обучением в высшей школе: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003.
9. Бублик В.А., Владыкина Т.А. Проблема систематизации законодательства об образовании: научное противостояние или диалог? // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1.
10. Владыкина Т.А. К проблеме образовательного права // Российский юридический журнал. – 2001. – № 4.
11. Матюшева Т.Н. Правовой статус гражданина Российской Федерации и сфера об-

- разования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999.
12. Ягофаров Д.А. О некоторых теоретико-правовых и практических аспектах кодификации российского образовательного законодательства // Право и образование. – 2003. – № 2.
13. Шкатулла В.И. Образовательное право: Учебник для вузов. – М.: НОРМА-ИНФРА•М, 2001.
14. Федорова М.Ю. Образовательное право: Учеб. пособие для вузов. – М.: Гуманитарный издат. центр ВЛАДОС, 2003.
15. Шкатулла В.И. Образовательное законодательство: теоретические и практические проблемы. Общая часть / Под ред. Ю.А. Кудрявцева. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1997.
16. Куров С.В. Образовательное право как комплексное правовое образование // Право и образование. – 2003. – № 3.
17. Голубкова Н.С. Особенности реализации конституционного права на образование в негосударственном образовательном учреждении в России: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
18. Сапаргалиев Г.С., Баянов Е.Б. Правовые основы развития народного образования. – Алма-Ата: Наука, 1983.
19. Меншиков А.А. Административно-правовое регулирование образования в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
20. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.
21. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975.
22. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1.
23. Керимов Д.А. Система права и систематизация законодательства // Право и образование. – 2003. – № 1.
24. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – Т. 2: Теория права.

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ А.В. ШЕСЛЕРА
«СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ»¹

А.С. Сенцов

(начальник кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент)

¹ Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: Учеб. пособие. – Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. – 70 с.

Рецензируемая работа, подготовленная А.В. Шеслером, посвящена исследованию актуальной и важной как в теоретическом, так и в практическом отношении темы – проблемам борьбы с групповой преступностью, а прежде всего – особенностям института соучастия в преступлении. Рассматриваемые в работе вопросы, относящиеся к правовой регламентации ответственности за соучастие в преступлении в действующем УК РФ, а также к проблемам применения соответствующих уголовно-правовых норм, возникающим в следственно-судебной практике, и их детальный авторский анализ – все это имеет значение не только в плане обеспечения учебного процесса в юридических вузах, но и для оказания методической помощи практическим работникам правоохранительных органов.

Как справедливо отмечает автор, на современном этапе развития российского общества, несмотря на то, что «действующий уголовный закон активизировал предупредительное воздействие на групповую преступность... некоторые его положения не являются совершенными, во многом определяют недостатки правоприменительной деятельности и судебные ошибки» (с. 5).

Оценивая работу в целом, есть все основания утверждать, что поставленные автором цели и задачи в значительной степени достигнуты, а подготовленное им учебное пособие вполне заслуживает положительной оценки.

Рецензируемое учебное пособие является самостоятельным, систематизиро-

ванным исследованием одной из важных тем курса Общей части уголовного права («Соучастие в преступлении»), соответствующим современному уровню развития уголовно-правовой теории. В пределах, ограниченных небольшим объемом рецензируемой работы, автору удалось в общем виде рассмотреть наиболее значимые положения, относящиеся к теоретическим аспектам исследуемой темы и практике применения соответствующих уголовно-правовых норм.

К достоинствам работы можно отнести достаточно высокий теоретический уровень излагаемого в ней материала. В пособии в значительной степени отражены основные трактовки и подходы к определению базовых понятий темы, содержащиеся в уголовно-правовой доктрине и получившие отражение в правоприменительной практике. В работе учтены последние изменения в уголовном законодательстве, которые были внесены в УК РФ после его вступления в силу.

Автор работы, судя по содержанию пособия, владеет методикой преподавания курса уголовного права, что позволило ему учесть ее специфику и обеспечить возможность позитивного усвоения материала, изложенного в учебном пособии, как курсантами (слушателями), студентами и аспирантами (адъюнктами), так и преподавателями юридических вузов, а также работниками правоохранительных органов и суда.

В первой главе работы исследуются теоретические вопросы, относящиеся к понятию соучастия в преступлении, оп-

ределяются его объективные и субъективные признаки, а также уточняется его уголовно-правовое значение (с. 7-21). Во второй главе анализируются особенности отдельных видов соучастников преступления (с. 22-31). Глава третья посвящена исследованию форм соучастия в преступлении и критериев их выделения (с. 32-49). В четвертой главе дается авторский анализ особенностей уголовной ответственности соучастников преступления и регламентации ее пределов в зависимости от вида соучастника, а также рассматриваются вопросы, относящиеся к особенностям соучастия в преступлениях со специальным субъектом, при эксцессе исполнителя и при добровольном отказе соучастников преступления от доведения его до конца (с. 50-61). Пятая глава содержит материал, в котором предлагается решение вопросов разграничения соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению (с. 62-65). В заключении работы формулируются основные обобщенные выводы по результатам проведенного автором исследования темы.

Также представляют научный интерес эмпирические данные, относящиеся к исследуемой теме, приведенные автором во введении.

Уяснение базовых понятий темы, рассмотренных в учебном пособии, будет способствовать усвоению курсантами (слушателями), студентами, аспирантами (адъюнктами), а также практическими работниками не только юридически значимых положений, относящихся к основанию уголовной ответственности за соучастие в преступлении по действующему УК РФ, но и более четкой оценке ими практической значимости данных теоретических положений и общесоциального значения проблемы борьбы с групповой преступностью. Тема рассмотрена в пособии с учетом методических особенностей преподавания курса уголовного права.

В целом учебное пособие написано ясным, доходчивым, литературным языком, стиль изложения материала соответствует вузовским требованиям, что облегчает усвоение изложенного материала теми,

на кого он в первую очередь рассчитан, – студентами, курсантами, аспирантами, преподавателями юридических вузов и практическими работниками.

В то же время, как и во всяком творческом оригинальном научном исследовании, наряду с отмеченными выше бесспорными и очевидными достоинствами, в рецензируемом пособии, содержатся и такие положения, оценка которых может быть неоднозначной. Представляется целесообразным высказать отдельные замечания и пожелания с тем, чтобы побудить автора к дальнейшему творческому освоению данной темы.

1. Для избранной автором темы базовым, ключевым является понятие «соучастие в преступлении» как самостоятельный институт уголовного права.

На страницах пособия автором анализируются объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении на основе законодательной формулировки этого понятия (ст. 32 УК РФ).

Однако целостного доктринального авторского определения понятия «соучастие в преступлении» в работе почему-то не приводится. На наш взгляд, работа значительно выиграла бы, если в ней четко и исчерпывающе было бы определено в виде научной дефиниции исходное понятие исследуемой темы – понятие «соучастие в преступлении», включающее все его объективные и субъективные признаки. Автор же ограничился лишь законодательной формулировкой данного понятия, содержащейся в ст. 32 УК РФ, которая, по нашему мнению, в силу известной тавтологичности вряд ли может быть признана идеальной.

2. Небесспорным представляется авторский вывод о том, что «действия иных соучастников (кроме организатора – А.С.) могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом...» (с. 13) На наш взгляд, все соучастники по отношению к факту своего участия в совершаемом преступлении действуют только с прямым умыслом (любой соучастник желает совершить преступление совместно с другим лицом). Но в преступлениях с материальным

составом психическое отношение любого из соучастников, в том числе и организатора преступления, к наступившим общественно опасным последствиям может быть выражено как в виде прямого, так и в виде косвенного умысла. Иными словами, само соучастие в преступлении всегда возможно только с прямым умыслом, но при совершении преступления в соучастии с материальным составом в отношении наступивших общественно опасных последствий возможен как прямой, так и косвенный умысел. А в преступлениях с формальным или усеченным составом соучастие возможно только с прямым умыслом (для всех видов соучастников).

3. Недостаточно аргументировано суждение автора о том, что «...случаи совершения преступления при односторонней (минимальной) субъективной связи соучастием в преступлении не являются» (с. 13). Автор совершенно прав, утверждая, что «в тех случаях, когда исполнитель преступления не осознает, что ему оказали помощь другие лица, например, подбросили нож для совершения убийства, он действует свободно не в полной мере...» (с. 13), поэтому вывод автора о том, что действия исполнителя при отсутствии «обратной» субъективной связи с пособником преступления не образуют соучастия в преступлении, сомнений не вызывает, поскольку в данном случае отсутствует такой субъективный признак соучастия, как совместность умысла. Но возникает закономерный вопрос: какие же признаки пособничества отсутствуют в деянии лица, оказавшего содействие исполнителю в совершении убийства, если все фактические обстоятельства совершаемого преступления им осознавались, при этом он желал совместно участвовать в совершении данного преступления в качестве пособника? Если признать, что «подобные случаи совершения преступления при односторонней (минимальной) субъективной связи соучастием в преступлении не являются», как утверждает автор, то при таком подходе следует обосновать свою позицию относительно квалификации деяния, совершенного фактическим пособником.

На наш взгляд, логичным решением этой проблемы является признание возможности соучастия в преступлении и при односторонней субъективной связи, но только в отношении тех лиц, которые эту связь осознавали (позиция А.В. Наумова и др.).

4. Не совсем точным является, на наш взгляд, выражение «посредственное совершение преступления» (с. 10 и далее по тексту пособия), хотя оно активно используется в юридической литературе. Более приемлемым представляется термин «опосредованное причинение вреда» или «опосредованное совершение преступления».

5. Слишком уж лаконичны, по нашему мнению, отдельные фрагменты работы, относящиеся к анализу форм соучастия в преступлении (с. 32-35) и особенностям уголовной ответственности за соучастие в преступлениях со специальным субъектом (с. 54-55), хотя объем учебного пособия в принципе позволяет дать детальную их характеристику в более развернутом виде.

6. Иногда встречаются в работе несколько несогласованные суждения. Так, на с. 55 автор пишет: «Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, вменяются другим соучастникам преступления при наличии двух условий. Во-первых, эти обстоятельства охватываются умыслом соучастников. Во-вторых, они повышают общественную опасность деяния в целом. Например, всем соучастникам корыстного убийства будут вменяться корыстные побуждения, если один из них совершил убийство по этим мотивам, а другие соучастники были об этом осведомлены».

Однако, на наш взгляд, во-первых, субъект корыстного убийства не специальный, а общий, а во-вторых, корыстные побуждения являются мотивом преступления и относятся к признакам субъективной стороны преступления, а не к личности соучастника.

Поэтому здесь более уместным был бы другой пример, в частности получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта

Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 3 ст. 290 УК РФ), если это деяние было совершено в соучастии с частными лицами, являвшимися подстрекателями или пособниками.

Наша полемика с автором и отмеченные отдельные упущения и недостатки ни в коей мере не колеблют общей положитель-

ной оценки рецензируемой работы, представляющей собой интересный и полезный научно-практический труд, написанный на должном теоретическом и методическом уровне. Содержание работы в целом соответствует современным вузовским требованиям.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном или электронном виде либо оформляется на сайте издания (<http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

- должность;
 - место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
 - контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
4. Аннотация (на русском и английском языках).
5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

УДК 340.111.5:061.2

**О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ
В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ***About the law status of the scientific schools of Russian Interior***С.С. Кузакбирдиев***Тюменский юридический институт МВД России,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75, e-mail: tumlawin@mail.ru*Sadri Salihovich Kuzakbirdiev**Tyumen Law Institute of the Russian Interior, Tyumen
625049, Russia, Tyumen, Amurskaya, 75***Е.А. Цишковский†**Тюменский юридический институт МВД России,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75, e-mail: tumlawin@mail.ru*Eugeny Aleksandrovich Tsishkovskiy**Tyumen Law Institute of the Russian Interior, Tyumen
625049, Russia, Tyumen, Amurskaya, 75*

В статье рассматриваются вопросы закрепления правового положения научных школ в системе МВД России. Проводится краткий анализ нормативных правовых актов, затрагивающих функционирование научных школ. Исследуется место научных школ в правовых отношениях, предлагаются юридические критерии их признания и дифференциации.

In article touches upon the questions fastening the law status of scientific schools in the system of Russian Interior. The authors give a brief analysis of laws connected with the functioning of scientific schools. The place of the scientific schools in the legal system is investigated and the law criteria of their acknowledgement and differentiation are offered.

научные школы; система МВД России; правовое положение; научная деятельность; критерии признания

scientific schools; the system of Russian Interior; law status; scientific activity; criteria of acknowledgement

* Кузакбирдиев Садри Салихович, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела, кандидат юридических наук, доцент, т.: (3452) 59-84-98, e-mail: skuzak@mail.ru

† Цишковский Евгений Александрович, заместитель начальника организационно-научного и редакционно-издательского отдела, кандидат юридических наук, доцент, т.: (3452) 59-85-16, e-mail: tsishkovskiy@bk.ru

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит-ра, 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.; ред. от 16 окт. 2006 г. // Консультант Плюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: Консультант Плюс: Высшая школа [Электронный ресурс]:

программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Российская газета. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Российская газета. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.